

Василий Брюхов
Василий Крысов
Дмитрий Лоза

ТАНКИСТЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ

ТРИ БЕСТСЕЛЛЕРА ОДНИМ ТОМОМ!

**Василий Семенович Крысов
Василий Павлович Брюхов
Дмитрий Федорович Лоза
Танкисты Великой Отечественной (сборник)**

Текст предоставлен правообладателем.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4943115

Брюхов В. П. и др. Танкисты Великой Отечественной : Яуза, Эксмо; Москва; 2010

ISBN 978-5-699-41890-9

Аннотация

ТРИ БЕСТСЕЛЛЕРА ОДНИМ ТОМОМ! Лучшие мемуары танкистов Великой Отечественной. Откровенные воспоминания советских танковых асов.

Они воевали на самых разных машинах – Т-34 и КВ, СУ-122 и СУ-85, «Матильдах» и «Шерманах».

Они уничтожили более полусотни единиц вражеской бронетехники и сами много раз горели в подбитых танках.

Они с боями прошли от Москвы до Берлина, Праги и Порт-Артура.

Они победили!

Содержание

Василий Брюхов	4
Детство	4
Война	17
Танкист	21
Фронт	30
1944	40
Бригада	46
Наступление	53
В должности командира роты	61
Новое наступление	67
В боях за Венгрию	70
Переформировка	77
Через Югославию и Венгрию	81
Через огонь	93
Балатон	100
Снова в бой	118
Конец войны	131
Конец ознакомительного фрагмента.	133

Василий Брюхов, Василий Крысов, Дмитрий Лоза Танкисты Великой Отечественной

Василий Брюхов Воспоминания танкового аса

Детство

Я родился 9 января 1924 года в г. Оса Пермской области, на Советской улице. Дом, в котором потом прошло мое детство, так там и стоит. Помню, как сестра ведет меня за руку по колее, наезженной телегами. Мы поднимаемся по ступенькам в дом, а там плотники еще не закончили отделывать последнюю комнату. Стружки здоровые лежат, – я их гонял, а они так тихо шуршали...

Отец рассчитывал, что семья будет большая, и дом строил соответствующий – хоть одноэтажный, но просторный, с глубоким подвалом для хранения солений и картошки. Дом был разделен на большую гостиную, в которой стояли стол и стулья, маленькую комнатку, где спал отец, прихожую и кухню. На кухне была кухонная печь с площадкой, где спали маленькие дети, и полатыми. Там мы все спали и веселились, и самое главное – ни мать, ни отец нас ни в чем не останавливали, не ругали, что мы шумим.

В то время это была окраина – наш дом стоял вторым от края, а дальше, за жердевым забором, начинались поля и дорога на деревню Мазунино. В городе жило тогда примерно 28 000 человек. Это сейчас Оса районный город, а раньше это был провинциальный уездный купеческий городок. Расположился он в междуречье Тулвы и красавицы Камы. Сам город, стоявший на абсолютно ровном месте, прорезала река Осинка. Речушка была неглубокая, но с омутами. Здесь мы учились плавать, привыкали к самостоятельности, а чуть повзрослев, шли на Каму и Тулву. На Каме был прекрасный, обширный песчаный пляж с чистым и крупным речным песком. К реке примыкали просторные пойменные луга, поросшие пышной травой, буйным кустарником и отдельными могучими деревьями. Здесь горожане пасли скот, заготавливали на зиму корма, здесь же и отдыхали. В моей памяти остались светлые воспоминания об этом райском уголке, так быстро исчезнувшем под слоем воды после создания Камского водохранилища.

Все лето мы пропадали на реке – семья большая, кормиться летом вообще нечем, кроме картошки, свеклы и моркови. В основном мать делала окрошку: старая квашеная капуста, вареная картошка, несколько яиц и несколько ложек сметаны. А на реке было много рыбы. Мы бредежками всяко за час ведро наловим – и самим поесть, и домой принести.

Город утопал в зелени. У каждого дома в палисаднике росли цветы, был и огород – 20–30 соток земли под картошку и овощи. В центре улицы были вымощены булыжником, остальные же были немощеные. Дома в основном были деревянными. Только в центре города стояли каменные – несколько жилых домов, в которых до революции жили богатые купцы, каменными были также магазины, рынок, тюрьма и клуб. Помню, что в клубе стояли два шикарных бильярдных стола, и в бильярд играли только на деньги. Отец здорово играл и за одну ночь мог выиграть зарплату, которую целый месяц выколачивал в кузнице молотком. Он меня все таскал с собой, хотя мать сильно ругалась: пытался учить, но бильярдиста из

меня не получилось. В этом же клубе был зал для заседания уездной думы, мест на триста, и уже при советской власти там зимой часто ставили постановки. Очень красивый зеленый бульвар уходил от клуба в сторону Камы, к пристани. Там стоял летний театр, даже приезжали знаменитые артисты цирка со всеми своими приспособлениями и воздушные акробаты. Приезжал и КИО¹ со своими фокусами, которые мы никак не могли разгадать.

В городе было три церкви. Две разрушили: я помню, как сбрасывали колокола, они падали и разбивались, а мы, ребята, визжали от восторга. Одну церковь, которая находилась рядом с кладбищем, сохранили. Удивительно, но эта церковь работала и до войны, и всю войну. Особенно она стала популярна после войны, когда служить в ней приехал дьякон: красивый мужчина лет 28–30, капитан-летчик. Его сбили, и он попал на территорию противника, где каким-то чудом спасся. И вот он уверовал, что есть Бог, и дал себе слово: как только спасется, то сразу пойдет в церковь. Его подобрала партизаны. Еще война не закончилась, когда он был демобилизован по ранению. Народ повалил, и даже не столько на службу, а чтобы на него посмотреть, его послушать. Пацаном я в церковь тоже ходил. Особенно любили мы причастие – давали сладкий кагор. Вот раза три-четыре подойдешь, а потом тебя приметят: «Ах, оголец!» Поп шлепка даст и выгонит...

Отец был совсем не набожный, в религию не вникал. А вот мать стала набожной во время войны: молилась, чтобы дети остались живы. Нас трое было на фронте: брат, я и сестра. И вот мама все молилась, и потом, когда закончилась война, и мы трое пришли домой, она говорит: «Я за вас очень молилась, и вы остались живы». Я ей говорю: «Мама, за всех же молились, но не все остались живы?» – но разубедить ее я уже не мог. Говорит: «Я лучше молилась». Когда уже закончилась война, мать в церковь редко ходила, некогда было. Ведь ей было уже за 40, когда она последнего родила, в 1942 году. Помню, что, когда я узнал, что у родителей еще одна дочь родилась, я такое грозное письмо написал матери! «Что же вы нищету разводите, что ж вам не хватило той нищеты, которую мы перенесли?» Я страшно не хотел, чтобы много детей было, потому что тяжело жить, когда много детей. Каждому надо было что-то покупать, каждого кормить, каждого надо воспитывать. И вот я даже такую глупость сделал, что всю войну писал письма, и никогда маленькой сестре не передавал ни привета, ни ответа, она для меня как умерла! Я так матери и написал, что для меня она не существует... Конечно, я мать обидел. А когда приехал с войны, гляжу, такая шустренькая девчушка бежит. И так она мне понравилась! Тоже боевая, шустрая, как мама!

Единственная дорога, которая соединяла нас со страной, – это Кама. Летом жизнь была ключом, люди ездили в Пермь, в другие прибрежные города, а зимой всякое движение прекращалось, городок как бы засыпал под снегом. Зима начиналась в конце сентября, всю зиму были устойчивые морозы от – 20–30 и до – 45 градусов, которые стояли до апреля. Даже в мае можно было утром кататься на коньках по замерзшим за ночь лужам, а на лыжах мы катались до самого апреля. Лыжи делали сами, а вместо креплений использовали кожаный ремень. Бегал я великолепно – даже взрослые мне уступали! Когда я стал чемпионом района², мне дали хорошие лыжи с креплениями. Тут уж мне вообще не стало равных. Катались мы на Пугачевских горах, недалеко от города. Как мы утром уходим, только к вечеру еле ноги приносим. Придешь, чуть капусты поешь, заваливаешься спать – и спишь мертвым сном.

Мой отец был двадцать вторым ребенком в семье – девять двоен бабка принесла и четыре раза рожала по одному ребенку. Рос он крепким, здоровым, очень сильным парнем, но образования получил всего 4 класса. Его отец, мой дед, умер, когда ему было 10 лет, а мать умерла пятью годами ранее. На воспитание отца взяла сестра. В одиннадцать лет он пошел работать молотобойцем в кузнице мужа сестры Вихорева, а в 1912 году ушел в армию.

¹ Эмиль Теодорович Гиршфельд-Ренард, использовавший в те годы псевдоним КИО (не Кио). (Прим. ред.)

² Осинского района Пермской области. (Прим. ред.)

Отвоевал империалистическую войну, Гражданскую войну: был у Колчака, потом перешел в Красную Армию и воевал уже против Колчака в армии Блюхера. В одном из боев отец получил множественное ранение осколками ручной гранаты. Осколки были мелкие, но все лицо и грудь были изранены. Его отвезли в госпиталь, после которого он вернулся домой.

Отец любил, когда мы, пацаны, и особенно малыши, его облепляли. Я помню, в воскресенье после обеда он развалится и, как медведь, с нами возится, переворачивается. У него осколки были кругом, мы находим и выколупываем – то из уха, то из груди. Конечно, это больно, но он молчит, терпит. Мы думали, что хорошее дело делаем...

Он был очень опытным кузнецом. Рядом с домом стояла деревянная сельская кузница, где отец работал с раннего утра до позднего вечера. В середине тридцатых ее снесли, и отец работал в кузнице, которая принадлежала подсобному хозяйству горсовета. Три кузницы были рядом – но все ехали к нему, он большой мастер был. Знали, что он лошадь никогда не закует, что если надо телегу оковать, то он все сделает добротнo и вовремя. Когда машины начали появляться, он даже кое-когда запчасти для них выковывал. Еще он делал очень красивые витые заборы. И потом добрый был, много просто так отдавал. Кочергу или какой-то топор – «Ладно, забирай». Мать его потом пилит: «Где топор?» – «Отдал. Сделаю, сделаю, не шуми». Большим хлебосолом был! А какой у него был голос! В армии он был ротным запевалой. После того как вышел из госпиталя, его даже приезжали слушать из Пермского оперного театра, предлагали ехать учиться в Москву, но он отказался, – ему было тогда 28 лет, и он сказал: «Уже поздно». Слишком уж долго, восемь лет, он прослужил солдатом в армии, устал и захотел домой. Но сколько я помню, до самой смерти отец все время пел или что-то мурлыкал себе под нос. Помню, зимой идет из гостей выпивши, поет... Когда он вышел на пенсию, то записался в хор пенсионеров при Осинском доме культуры, где долго выступал солистом.

Моя мать, Надежда Никифоровна, была дочерью бригадира каменщиков. При строительстве одного из трех храмов города он сорвался с лесов и разбился – мать осталась одна. Она увлеклась стряпней: разные булочки, шаньги, хлебцы выпекала, а потом продавала на рынке. Отца она знала еще до того, как тот ушел в армию, – он ухаживал за ее старшей сестрой, а ей, тогда десятилетней девочке, поручал вызывать ее из дома. Когда она себя плохо вела, то ее пугали им: «Вот погоди, Панка (Павел) придет, он все окна побьет и тебя вместе с ними!» Так случалось, бывало, он так делал. Конечно, он же безотцовщина! Раньше на каждой улице города был свой «клуб»: в более просторной избе собиралась молодежь, там пляска была, кадрили, песни пели. И очень не любили, когда с другой улицы кто-то приходил. Даже как бы райончики были: Ершовский район и другие. А если вдруг кому-то девчонка понравилась с другой улицы и он начинал туда ходить, его оттуда убирали. Он тогда собирал друзей, они шли туда, потом находили предлог, и начиналась потасовка! Но отец ходил смело, решительно: кулак у него был здоровый, и от него разбегались. Отец был среднего роста, но широкоплеч и могуч – он обладал удивительно большой силой. Но потом ему мстили: один раз, как отец рассказывал, встретили его, окружили с кольями... У него за пазухой были стальной прут и нож в кармане, но пока он разворачивался, ему как врезали по горбушке, и он упал. Потом, конечно, все разбежались, потому что лежачего не бьют. Но он знал, кто это был: парни не прятались, маски никто не надевал. Такую бойню они там потом устроили, побили его обидчиков сильно!

Когда отец вернулся из армии, ему было 28, а матери 18 лет, ее старшая сестра уже вышла замуж и уехала в Томск. Тетка, у которой жил отец, подобрала ему богатую невесту. А ему мама понравилась: она была маленькая, шустрая, веселая, говорливая. Он сказал, что женится на ней, – высылайте сватов. Приехали, а мать наотрез отказывается. Вплоть до того, что пригрозила: «Удавлюсь!», и даже приготовила веревку. Потом ее все-таки уговорили. И они прожили жизнь в мире и дружбе, родили 10 детей. Я не видел ни одной семьи, чтобы

так дружно, так любезно прожили всю жизнь, как мои родители! Никогда не слышал, чтобы отец ругнулся на мать. Мать же могла на него шумнуть, и он беспрекословно подчинялся.

Мать любила чистоту, порядок, любила, чтобы у нее блестели полы. Она была большой выдумщицей, гадала на святки, колядовала. Помню, рядом жил дядя с женой. Эта полненькая женщина была чересчур любопытна: любила и подслушать, и поболтать. И вот однажды мать оделась мужиком и подкараулила ее. Та выходит из дома, а мать повалила ее и имитирует изнасилование. Та потеряла сознание. Сразу забегали, позвали врача. Пока врач пришел, ей стало легче. Потом они с год не разговаривали, так она обиделась на мать. Вот такой был у мамы неумный характер: то цыганкой нарядится, пойдет гадать, то еще что-то учинит.

Она окончила 7 классов гимназии и была очень начитана, знала литературу. Летом ей некогда с нами было заниматься, а зимой мы залезали на печку, и она нам читала сказки Пушкина, а позже «Евгения Онегина», стихи Лермонтова. Мы все произведения знали наизусть. Потом мы уже сами с малышами разучивали стихотворения, знания передавались «по наследству» между детьми. Мама приучила нас ходить в библиотеку. В городе были детская и взрослая библиотеки. Публика была очень читающая, очередь за книгами была всегда! Библиотекари были внимательные, начитанные, – они занимались просветительской деятельностью, могли посоветовать: «Почитайте это или то». С 4-го класса я начал читать очень активно и очень много и где-то к 9–10-му классу прочитал все, что было: полное собрание сочинений иностранных и наших авторов. Помню, «Три мушкетера» мне дали на сутки, и я за сутки их прочитал. Тогда настольных ламп не было, только лампа с керосином и свеча. Когда на печке было свободно, я туда залезал и читал.

Частенько у нас жила слепая сказительница, которая ходила по домам. Ее кормили, поили, она спала в доме и рассказывала сказки о разных чудесах, о леших, русалках и прочей нечисти. Мы жались от страха, чуть где-то скрипнет, мы уже озираемся – так она нагоняла на нас страху. Один раз рассказала, что после третьего жара нельзя ходить в баню, поскольку там черти моются. Первый жар – идут париться взрослые. Второй – идет молодежь. А в третий раз – мать ведет детей. Мы с братом решили: «Дай проверим!» Взяли ножи, пошли. Свечка горит, отражается в луже на полу, а нам кажется – глаза! Быстрей помылись и бежать! Никаких там чертей не было, никто за нами не гонялся, мы просто сами сдрейфили!

Как-то мне сказали, что «Вий» надо читать одному и после 12 часов ночи: вот тогда увидишь, как черти бегают, они тебя окружают. Я дождался 12 часов, когда все уже уснули, забрался на печку, взял книгу, лампу и начал читать. Такое большое произведение, я читал, читал – почти до утра. Полное разочарование, никаких чертей я не видел! После этого я понял, что никаких чертей нет, и уже ничего не боялся.

Отец, мне кажется, не принимал участия в процессе воспитания. Нравоучений он не читал, редко вмешивался в наши дела и шалости, был очень терпим к нам. Мы же, глядя на то, как он трудится с утра до вечера, каким уважением он пользуется у других, как он все делает добротнo, равнялись на него. У нас в семье не было лодырей, все работающие: девчонки помогали матери, мы – отцу. Родители приучали нас зимой убирать снег в огороде и на тротуаре вдоль дома и участка, прилегающего к нему. Летом – сажать овощи в огороде, пропалывать, окучивать картофель, ухаживать за птицей и живностью, которая у нас была, – курами, коровой. В городе почти у каждой семьи тогда была корова. Пастуху от каждого дома по очереди выделялись два помощника. Те, кто не мог выделить, просили кого-то и платили за работу 3 рубля. Я очень любил ходить подпаском – 3 рубля, бутылка молока и кусок хлеба. Меня это устраивало. Ночью сидишь, костер горит, скот спит, а утром его поднимаешь и гонишь, чтобы наелся, и уже сытым гонишь домой на дойку...

Мое детство выпало на годы становления Советского государства. Все земли в 1918 году были конфискованы у помещиков и церковников и разделены между крестьянами. Дележка, конечно, была не простой, крепкие мужики бились за хорошие угодья: они знали,

где лучше пахать, где хорошая земля. А разные пьянчуги, лодыри, им какая разница, какую землю дадут? Они землю получили, но ее не обрабатывали, сдавали: это тогда называлось «испол». Надо сказать, люди истосковались за время войны по работе. Были, конечно, и те, кто начал пьянствовать или заниматься грабежом, но основная масса пошла работать. Так и после Великой Отечественной войны было...

Все фабрики были национализированы, все были переданы в руки народа. Мой дядя, матрос с крейсера «Аскольд» и коммунист с 1915 года, был выбран директором кожзавода, потому что он был честным, порядочным мужиком. В двадцатые годы бурно развилось предпринимательство, встали на ноги крепкие хозяева, которых потом стали называть «кулаками». Конечно, никакие это были не «кулаки», а самые работающие, одаренные люди. У них, как правило, была большая семья, по 10–15 человек детей, хорошее подворье, до десятка коров, 4–6 лошадей, свиньи. Мясо и зерно они продавали, деньги были, а если деньги есть, значит, строились. В деревнях их дома были самые мощные, красивые. Так и должно быть, потому что детей много, и нельзя жить в тесноте. При этом сами бытовые условия были крайне примитивными.

Вот взять нашу семью. Поначалу дом был крыт тесом, потом отец стал лучше зарабатывать и перекрыл крышу железом. При этом дома была убогая, примитивная, часто кустарная мебель: стол, стулья, лавки, голый пол, и никаких штор – только у людей с большим достатком на окнах висели занавески. Летом мы спали где придется – на сеновале, а то и просто на улице. Зимой младшие спали на полатах – на них не так жарко, как на печке. Мы, старшие, всегда спали на полу, вповалку, бросив какое-нибудь пальтишко под себя, другим накрывшись, положив валенок под голову. Одежда у нас была самая простая. Брат матери был портным, в нэп у них была своя мастерская, закройная и пошивочная. Она покупала материал, и нас обшивали ее родственники. Материал брали самый дешевенький, зато мы всегда были чисто и аккуратно одеты. Единственное, что я всегда был подвижным и шустрым, и мне одежды надолго не хватало. С обувью было трудней. Зимой валенки были одни на двоих: один гуляет, другой дома сидит, а начиная с весны и кончая осенью, мы бегали по улице босиком. В футбол играли тоже босиком. Пальцы себе разбивали. Настоящего-то мяча не было: сшивали камеру, тряпками набивали. Катится такой мяч плохо: ногой больше по земле попадаешь, чем по нему.

Помню, к 1 сентября мать собралась купить мне ботинки на осень. Я в это время лично играл в футбол, поэтому умолял мать купить мне вместо ботинок бутсы (мы их называли «бутцы»). Мать упиралась, но устоять не смогла, сжалась и купила бутсы. При этом она в сердцах бросила: «Ну и носи свои ботинки на шипах». Радости моей не было предела! Я берег это сокровище, ходил в бутсах всю осень в школу, играл в футбол, любовался, гордился ими и берег их как очень большую драгоценность. И потом, когда мои бутсы поистрепались, а шипы глубоко врезались в подошву, я продолжал терпеливо их носить.

Питались мы по-разному, в зависимости от времени года. Основная еда – овощи. Мясо было только осенью, когда шел забой скота. Мать ходила на рынок, выбирала, а дома делала пельмени. Делала она их много, замораживала, и потом по праздникам мы их ели. Это был самый большой деликатес. Правда, мука была черная, ржаная, но все равно пельмени были вкуснейшие. Самый тяжелый период – это, конечно, весна. Картошка на исходе, она уже теряет свои качества, хотя хранение было хорошо налажено, капуста тоже вялая становится – есть нечего. Как только сошел снег, начинается сбор трав – крапива шла вместо капусты. Из нее делали похлебку, замешивая с мукой. Потом ягоды пошли, грибы. Летом еда была более разнообразная, но не жирная. Фактически летом мы жили «на подножном корму», – только хлеб мать пекла. Ловили рыбу, а в 12 лет мне дядя подарил берданку 16-го калибра. Вместо дробы использовали рубленую проволоку, а вместо пороха – счищенную с головок спичек селитру. Ружье я потом продал, а на вырученные деньги купил в магазине краковскую

колбасу – помню, как делил ее на кусочки, растянув удовольствие на несколько дней. Кстати сказать, в магазинах, кроме нее и некоторых консервов, тоже ничего не было. Чай мы пили то малиновый, то свекольный. Редко мать нарубит каждому по кусочку сахара, и мы пьем его вприкуску. Сахар был для нас редкость, а конфет мы вообще никаких не ели.

Пока было ружье, каждый выходной я ходил или на утку, или на зайцев. Зимой я всегда упряжку делал: с вечера ловил на рынке пару-тройку бездомных собак, а утром запрягу их, а свою собаку Грауса (помесь сеттера и лайки) ставлю сзади и на них натравливаю. Он за ними летит, они от него – и несут меня. Потом я их отпускаю, а он со мной ходит. Те собаки в стороне, но нас сопровождают. Я как-то зайца подбил, мой бросился за ним, и эти голодные тоже. Поймали зайца и как начали его рвать! Я на лыжах за ними! Пока добежал, они зайца изодрали. Но я все равно его взял – семья у нас большая. Обратного меня уже только Граус тащит – тихонько, но тащит. Собака была исключительно сильная и умная. Два волка ее взять не могли! Дом-то был на окраине. Ночью просыпаемся от стука в дверь. Прислушались – визг собачьей драки. Отец пальцем оттаял немножко окно: «Волки!» Я схватил свою берданку, зарядил, отец схватил топор. Говорю: «Я крикну, потом открою дверь». Открыли – там два волка. Я выстрелил, они убежали в поле. У Грауса были порваны все уши, но взять они его не смогли!

Была у него такая привычка: он любил ногами на грудь встать и языком подбородок лизать. Я уже стал погуливать, это где-то в 9–10-м классах. Один раз познакомился с девчонкой, хорошая такая девчонка. Вижу, он выскакивает, а ночи у нас светлые. Я кричу: «Граус!»: а он ей лапы на плечи положил, и она испугалась страшно, потеряла сознание. Я ей по щекам, – отошла, выругала меня и убежала. Я ему говорю: «Что же ты делаешь, от меня отбиваешь девчонок? Что тебе, сук, что ли, не хватает?» Он чувствовал свою вину – все понимал, когда я с ним разговаривал! Я понимал собаку, и она меня понимала.

В 1928 году у отца появилась мысль построить кирпичную кузницу на два горна, чтобы нанять работников. Осенью 1929 года он закупил кирпич, а с лета – начал строительство. Я тогда любил подслушивать, как взрослые разговаривают, и вот как-то пришел дядя, тот, что был директором кожевенного завода. Он уже стал председателем райисполкома. Я залез на полати, а они сели на кухне: поставили бутылку водки и ведут разговор. Дядя рассказывает отцу: «Панка, сейчас начинаются новые времена. В деревнях будут раскулачивать и у частных отбирать все лишнее. Будут применять меры вплоть до ареста. Давай-ка ты бросай свою затею с кузницей, продавай все и уезжай». Отец так и сделал. Его позвали заведующим хозяйством на металлургический завод в Южнокамск – там было большое подсобное хозяйство. Дом заколотили и уехали. А вскоре частное предпринимательство прикрыли...

Переезд в Южнокамск тем не менее не спас отца от ареста. Там на него написали кляузу, и его посадили. Мать осталась одна с 8 детьми в большой комнате, которую нам дал совхоз. Отца отправили в тюрьму в Оханск. Мы ездили, навещали его. Через четыре месяца отца вызвали: «Вот так, Павел Семенович, мы проверили все факты, факты не подтвердились. Это на вас был ложный донос. На человека, его написавшего, вы имеете право подать в суд, – и ему дадут 10 лет тюрьмы за ложное обвинение». Но отец был незлобивый, говорит: «Да нет, я подавать не буду, я с ним сам рассчитаюсь». – «Как хотите, это ваша воля, ваше желание». После этого мы вернулись домой в Осу. Расколотили дом и зажили на старом месте.

Коллективизация была, конечно же, огромной ошибкой. Самых работающих, самых способных, самых хороших людей арестовали, выселили. Их и надо было ставить бригадирами, чтобы они заставили работать остальных. Я помню голод 1933 года после раскулачивания... В нашей семье выжили все, но мои братья и сестры стали больными – питались суррогатными лепешками, которые делали из жмыха с добавлением муки. Эти лепешки, когда их ешь, раздрают горло – такие противные. Я наострился стрелять из рогатки и бить воробьев.

Убил, выпотрошил, ошпарил, в печку бросил, они там пропекаются. Потом суну в карман – и хрушу. С костями их съедал, только ножки их не разжуешь. Весной грачей ловил и собирал грачиные яйца. Один раз мы ездили за мукой в Мордовию. Тогда одежды не было – люди любую дрянь брали. Вот мы собрали все, что можно, и повезли менять. Набрали 28 килограммов муки и поехали назад. По дороге ели как? Сядем, мать зачерпнет ключевой воды, несколько ложек муки бросит, размешает, и мы ложкой хлебаем. А уже дома она начинала не то чтобы хлеба печь (28 килограммов на всю семью – хватит, что ли?), а делала пироги с сушеной лебедой, без соли.

Нас спасло и то, что в самые тяжелые, неурожайные годы каждые весну и лето отец уезжал в село Крылово, где работал в колхозной кузнице. Вместе с отцом уезжала в Крылово вся наша семья. Отец работал здорово: за сутки мог заработать 14–16 трудодней, тогда как местный кузнец еле-еле 4. Пришлось директору повысить расценки и попросить отца работать поспокойнее. На трудодни выписывали муку, молоко, мясо. У нас был свой огород, мы рыбачили.

Мои братья, сестры не особенно стремились работать, а я всегда это делал с удовольствием. Все летние каникулы мне приходилось работать с отцом в кузнице. Он мне сделал облегченный молот и подставку, чтобы удобнее было работать у наковальни. Работал я и на прополке, но особенно мне нравился сенокос, весь пафос коллективного труда. Это надо было видеть! Молодые ребята, здоровые девчонки работали все вместе. На сенокос выходили чисто одетые: девчонки в платочках, напудренные, скрывали румянец, чтобы чистенькие были, беленькие. И что характерно: никто никогда не посягал на девичью честь. Потом знакомились, осенью женились. Особенно мне нравилось возить копна. Передок телеги снимается, рубятся молодые березки. Штук пять березок связывают и на них набрасывают копну: набросят, прижмут ее, и я везу к стогу сена. Там же большой сметанный омет³, и опытейшие колхозники уже знают, как укладывать: с тем чтобы, когда зимой верхний слой снимешь, там хорошее сено было. А если неправильно уложить, то сено погибнет. Я там косить научился. Идет человек 20–30: шутки, прибаутки. А когда обед, то вообще весело: анекдоты, подтрунивание. Веселый труд был! Все нарабатываются, устанут, после обеда два часа поспят – и опять до вечера. А вечером на лошадей, на телеги и уезжают. Успевали мы тут же в логах и на склонах гор собирать землянику и грибы, которых в ту пору было превеликое множество. Самым же большим удовольствием и радостью была река Тулва, где мы утром, редко в обед и больше вечером после работы плавали, дурачились, резвились, а при закате и восходе солнца удили рыбу и варили уху.

Возвращаясь потом в Осу, я так же работал с отцом в кузнице в утренние часы перед школой и в выходные дни. Школа была почти рядом с кузницей, и я шел на первый урок прямо с работы. Я учился в средней школе, где было пять 5-х классов, шесть 6-х, пять 7-х, четыре 8-х и два 10-х. Учились в две смены, и если возвращались ночью, то шли с фонариком, в который вставляли свечку.

В 5-м и 6-м классах мы учились вместе с детдомовцами: ух, мы и хулиганили! Сейчас, когда при мне детей ругают за плохое поведение, я думаю: а что же с нами тогда надо было делать? Скажем, у нас пришел учитель музыки. Ему сказали, что «класс очень тяжелый, разболтанный, вы с ним поосторожней». Но он сразу решил взять класс: «Дети, я вас научу музыке, вы будете знать ноты, великих композиторов!» Пока он распиался, у него раз – стащили скрипку. Он говорит: «Где скрипка, отдайте!» – а у него раз – смычок вытащили! Начали пикировать. Он бежит на звук, а в это время ее с одной парты на другую. Там опять – скрип-скрип. Пока он бегал, у него стащили журнал. Он сидит, плачет: «Дети, отдайте мне скрипку, поиграли и хватит!» Ну, ладно, отдали ему скрипку. Он выскочил из класса и больше

³ Куча сена округлой формы. (Прим. ред.)

к нам не приходил. Потом мы подбросили журнал, когда сами себе наставили оценки! Преподаватель истории говорит мне: «Слушай, когда я тебя три раза подряд спрашивал и три раза пятерки ставил?» – «Раз стоит «пять» – значит, вы меня спрашивали!» – «Да не спрашивал я тебя, что-то не помню. Ладно...» – и махнул рукой. Вот такие вещи мы делали!

До войны в школах очень хорошо была развита самодеятельность. Работали кружки: драматический, хоровой, акробатический и т. д. Каждый класс, во главе с классным руководителем, готовил свою программу, которая включала небольшие постановки, скетчи, художественное чтение, пляски, сольное и хоровое пение, акробатические этюды и т. д. Проводились школьные смотры художественной самодеятельности, лучшие номера отбирались и включались в общую самодеятельность, и с этими номерами ученики выступали на школьных вечерах. А классную самодеятельность каждый класс показывал ежедневно на сцене актового зала на большом перерыве, который длился 30 минут. Кто-то отдыхал, перекусывал, а на сцене в актовом зале шли представления: стихотворения, разные скетчи, постановочки маленькие делали. А руководил этим классный руководитель. Я принимал активное участие во всех видах самодеятельности. Тогда полная свобода была: мы читали, что хотели, и есенинские стихи читали, и песни его пели. В субботние вечера на колхозных лошадях в розвальнях мы ездили в близлежащие деревни Тишково, Устиново, Гамцы, Мозунино и на сцене убогих колхозных клубов давали представления. Конечно, у нас были примитивные, наивные детские номера, но ведь в деревнях и этого не было! Так что колхозники и мал, и стар шли в клуб, смотрели на нашу самодеятельность и даже аплодировали.

Второй голод был у нас в 1937 году, но не такой сильный. Тогда выдавали по две буханки хлеба на семью, мать их разрезала на 12 порций и, отдавая нам, приговаривала: «Хочешь ешь, хочешь пей, хочешь на другой день оставляй» – любила она присказки. Я сразу съедал. Приходилось ночами и зимой, и летом простаивать в очередях, а затем делить буханку хлеба по 200–400 г на едока на день.

В то время стала появляться «советская элита». В нашем городке это был директор МТС, директор кожевенного завода, директор мясокомбината. Эти люди могли «кормиться» от своей работы. Тогда же, на мой взгляд, начиналось зарождение взяточничества. С детей этих директоров мы брали «оброк»: он дома получит кусок хлеба, половину съест, а половину втихаря засунет в карман и нам тащит. Под угрозой, конечно: «Не дашь хлеба, мы тебя побьем!» Я уже писал, что мы учились и дружили с детдомовскими. Оттого-то наш класс и считался необузданным. В городе два лучших кирпичных дома отдали им, но воровская жизнь затягивает... Пошлют беспризорника в детдом, он проживет там месяц-полтора и убежит. Его опять ловят и опять в детдом. Для меня это было просто непонятно. Они жили в роскоши, которая мне не снилась! У каждого койка, нормальные одеяла, простыни, трехразовое питание. Мне в лучшем случае мать давала утром полстакана молока и небольшой кусок хлеба – и это на целый день. А им на большой перемене целые корзины бутербродов приносили. Они налетят, всех девок отталкивают, наберут хлеба, а на уроке друг в друга бросают, войну устраивают. Я их ругал: «Как же так?! У нас хлеба нет, а вы разбрасываете!» – «Так бери, если нет». Как только приносили, я туда тоже, вжик! Бутербродов нахватаю, в сумку – и сестренкам раздаю.

Несмотря на голод и наши проказы, учился я неплохо, не прикладывая при этом особых усилий. Думаю, мог быть и отличником, но не хотел, поскольку мы их презирали. Это были чуждые нашему буйному детству люди. Отличник всегда один, а мы все вместе бегали, прыгали.

Тогда же, пацаном, я сделал себе две наколки, включая медведя на ногу. Что сказать? Мы все вращались в блатном мире. У меня 66 братьев и двоюродных сестер, – и среди них всякие были: и порядочные люди, и уркаганы, и даже преступные авторитеты. Геннадий Брюхов, сын старшего брата моего отца Николая, приходился мне двоюродным братом.

Когда ему было 23 года, у него уже было 38 лет тюремного срока, с побегами. Последний раз он где-то в 1939 году совершил побег и приехал к моему отцу. В семье все очень уважали моего отца, он пользовался большим авторитетом. Такой спокойный, уравновешенный, всегда придет на помощь. А ведь все знали, что мой двоюродный брат совершил побег, что его ищут. Мы с ним на сеновале спали, он мне о своей жизни рассказывал, и я тоже этой романтикой увлекся. Мы хотели банк ограбить! «Я с вами пойду». – «Пойдешь, пойдешь...» Мне сказали, что пойдут на дело, и я ночь не сплю, думаю: «Как только пойдут...» А потом просыпаюсь: я сплю, а его нет. Я потом только узнал, что он всех уркаганов предупредил: «Если только вы его тронете, если только куда-то возьмете, я вас из-под земли достану! Кого угодно берите, родня большая, но его не трогайте». Видимо, из уважения к моему отцу.

Я тогда сразу на рынок побежал, там все слухи. Банк у нас ограбили, а я так и не поучаствовал. И хорошо, а то тоже бы загремел! А их так и не поймали: у нас километрах в двадцати пристань Беляевка, они знали расписание, на лошадях туда махнули и уплыли. Ему опять 12 лет добавили. Только потом, в 1941 году, его взяли. Но когда создалось тяжелое положение с укомплектованием войск, из тюрьмы взяли всех уголовников (всех, кто получил до 10 лет) и направили в войска, в штрафные батальоны. Не брали только политических, репрессированных и совершивших особо тяжкие преступления. Он во время войны в двух штрафных батальонах воевал и остался жив. Вот когда он пришел с войны, после двух штрафных батальонов, после ранения, тогда он уgomонился: прекратил воровать, сел на машину и стал работать шофером. Он работал в совхозе, и, когда у их кассира вытащили сумку с деньгами, он нашел своих дружков, и все деньги вернули. Но все равно душа рвалась, стал он выпивать. Способный парень был, но непутевый...

Были у меня и другие такие двоюродные братья: по материнской линии, по отцовской сестре – Аркадий Вихорев, Колька Брюхов, еще Бочкарев, тоже с нашей родни. Когда мне было 15–16 лет, они все собирались от нашего дома в кварталчике, где была так называемая «малина». Девчонок водили, водку выпивали («Горный дубняк» была водка). Нам наливали граммов по 30, меня всегда оберегали, не давали: «Хватит, все». А сами хорошо гудели! Сначала кого-то побили, кого-то раздели, что-то украли. Им раз – три года дают, молодые. Они вышли, опять, – тут им добавили 10 лет. Потом побеги, и по нарастающей набралось очень много: за побег всегда 12 лет давали... Для нас, пацанов, это было очень интересно!

В последние два года перед войной жить стало намного легче. Голод отступил, магазины наполнились товарами. В деревнях на трудовень стали давать вдоволь продуктов. У нас появилось свободное время. По улицам, районам, кварталам города стихийно создавались ребячьи коллективы, где были свои футбольные, баскетбольные, волейбольные команды. В футбол играли все, от мала до велика. В городе был ряд спортивных обществ: «Спартак», «Пищевик», «Гороно», «Педучилище» и другие. Играли прилично! Были и свои кумиры, на которых ходили смотреть и которых мы, парнишки, и даже взрослые обожествляли, к кому относились с подчеркнутым уважением. Часто в Осу приезжали футбольные команды Перми, Свердловска, Челябинска, Краснокамска, Частых, Елово, Саракула, Оханска и других городов Пермской области. Довоенная сборная Осы играла успешно, выигрывая даже у Перми. Команда была сильная, и Оса пользовалась в области репутацией «футбольной Мекки». На стадионе всегда собиралось большое множество народу, каждый матч был событием, праздником горожан. Игроки выходили на игру, как на бой, и играли! Да как играли! Отдавали себя игре без остатка. К 1941 году подрос и я, стал играть за вторую команду «Спартак» правым полузащитником. Играл я прилично и к 1941 году стал капитаном второй команды «Спартак», завсегдаем стадиона и своим человеком в спортивном мире Осы. В школе мы создали акробатическую группу: Коля Бобин – основа, Володя Драчев – низ, и я – верх. В основном мы придумывали и создавали пирамиды. Публике нравились наши выступления. Акробатика захватила меня: я прыгал, кувырчался, ходил на руках, жал стойки,

где только мог. В нашей группе было 3 человека, но на стойку выходил я один, все восхищались.

Тогда спортивных залов, больших стадионов и дворцов спорта не было. У нас было единственное футбольное поле, одно на всех, – и 400 метров дорожка вокруг него. Была трасса, проложенная на 3, 5, 10 километров. Я любил бегать длинные дистанции, до 10 км, и на этих дистанциях часто побеждал своих сверстников. Но больше всего по душе мне были лыжи, которые я любил беззаветно. Мне доставляло огромное удовольствие мчаться с бешеной скоростью с гор или бежать по лыжне. Каждую субботу после уроков и в воскресенье с утра мы, ватага ребятишек, уходили на самодельных лыжах на «увалы» (это небольшие спуски за городом), на бульвар, а чаще всего на Монастырские горы. Здесь было раздолье, горы на любой выбор, и венцом спуска была Пугачевская гора. Лыжня прокладывалась по летней пешеходной тропе, посредине нее стоял пенек, и в этом участке нужно было обязательно поднять правую ногу и проскочить на левой. Затем тебя выносило на берег Камы, ты совершал прыжок с обрыва и катил дальше по плотному снегу замерзшей реки. На этот спуск отваживались немногие: большинство начинали спуск от пенка.

Систематически занятия и хорошие природные данные, отменное здоровье, а также всестороннее физическое развитие стали выделять меня среди сверстников. Я побеждал на соревнованиях на первенство своего класса, на первенстве школы, а затем на первенстве города. В 1940 году я был чемпионом города, района, а в 1941 году и чемпионом области среди юношей, получив в Перми на этих соревнованиях 1-й спортивный разряд.

Лозунг «Готов к труду и обороне» был для нас «делом чести, совести и героизма», как у нас говорилось. С малолетства в дни призыва в армию мы крутились в городском военном комиссариате и смотрели, как проводится отбор в армию крепких и здоровых парней. Служба в РККА была в большом почете! Тех, кто отсеивался, называли «бракованными». Для них это было трагедией, а для родных позором. Девчонки неохотно с ними дружили и еще неохотнее шли за них замуж.

С большой радостью мы встречали демобилизованных из армии парней. Приходили они возмужавшие, пройдя хорошую школу физического и нравственного воспитания. После небольшого хмельного отдыха они мастерили примитивные спортивные снаряды и занимались физической зарядкой. Мы занимались вместе с ними, перенимая их сноровку. А после, когда они прекращали занятия, продолжали заниматься, усложняя и придумывая новые упражнения.

В городе был один кинотеатр. Пацанами мы каждый день ходили в кинотеатр. Билет стоил 5 копеек. Мы, человек 5–6, собирали по копейке и покупали один билет. Один с билетом проходил в зал и, как только начинался фильм, снимал крючок с двери, и мы врывались туда... Билетеры начинали нас ловить, какого-то поймают, какого-то нет, – а я был шустрее всех, меня реже ловили. К тому же народ все-таки нас поддерживал, прятал. За нами бегают, а зрители кричат: «Хватит, дайте кино смотреть! Фильм идет!» И они сдавались. Фильмы того периода: «Волга-Волга», «Маскарад», «Истребители», «Большая жизнь» – мы знали почти наизусть. Особое впечатление на нас произвел «Чапаев». Меня поразила его смелость, храбрость, я захотел быть Чапаевым и стал ему подражать. На каждой улице создавался отряд, и мы «воевали» самодельными деревянными шашками. Дрались, но был принцип: лежащего не бьют! Если кто-то допустит такое, это считалось большим позором – человек допустил бить слабого! Зимой снега надувало столько, что улицы были огорожены снежными заборами высотой примерно метра полтора-два. Расчищали только тропку от крыльца до дороги и по ней ходили. К весне снег так уминался, что по нему можно было спокойно ходить. В этих огромных сугробах мы рыли ходы сообщения, командные и наблюдательные пункты и воевали друг с другом.

С 5-го класса начиналось преподавание военного дела. Это был мой самый любимый предмет. По военному делу у меня в школе всегда чистые пятерки были и по физкультуре тоже. Математика мне легко давалась, литература. А вот остальные шалаяй-валяй: то учил, то не учил. Наш преподаватель военного дела служил раньше в армии, дорос там до лейтенанта и был уволен, и вот его сделали преподавателем. Он, конечно, мало что знал, мало что мог нам дать: разве что анекдоты нам рассказывал. Но у нас были малокалиберные винтовки, школьный тир. В старших классах преподаватель военного дела оставлял меня за старшего: все ключи мне отдавал, винтовки давал, и занятия в основном проводил я. Мы знали всю округу и выходили туда, где народу нет. В тире 25 метров максимум, а мы из малокалиберной винтовки уже стреляли на дальность 200–400 метров. Когда зима, он мне всю лыжную станцию отдавал: начнет занятия и смоеется. Тогда я забираю команду, и мы идем туда, куда нам хочется. Мы самостоятельно учились, но все умели на лыжах ходить прилично. Потом, когда я попал в лыжный истребительный батальон, меня там сразу сделали инструктором. Посмотрели, как я хожу на лыжах, как лавирую среди деревьев, как прыгаю с трамплинов, и говорят: «Давай, ты у нас будешь инструктором». Потому что приходили люди, которые в 25–30 лет вставали на лыжи, и не так просто, не ради спортивного интереса! Их надо было учить, а подготовка месяц – и маршевая рота. А чему за месяц научишься?..

Очень мне нравилась строевая подготовка. Помню, летом проводим девчонок до дома, идем и отрабатываем приемы: направо, налево, кругом. Шли и командовали друг другу, а устав-то знали! Так что, когда я пришел в армию, для меня строевая подготовка была любимым предметом. Всегда, когда надо было показать, говорили: «Выходи, Брюхов, покажи». Физически и в военном плане я был готов к службе в армии. Поэтому, когда меня призвали, мне всегда было легко, я не испытывал никаких трудностей, сразу влился в армейскую жизнь и полюбил ее.

Помню, как пришли сообщения о начале боев на Халхин-Голе – это была удачная операция, ее рекламировали. Потом началась Финская война. Появились первые похоронки и слезы, прибыли раненые. Они рассказывали о тягестях войны, поругивали командиров. Начались разговоры о большой войне. Вырисовывался и противник – Германия. В начале 1941 года, и особенно в апреле – мае, о ней говорили вслух, знали, что войне быть, и только не знали, когда. Молодежь была настроена воинственно. Заканчивая школу, мы, три друга, – я, Коля Бабин и Володя Драчёв – твердо решили пойти в военные училища: я – в морское, они – в летное. Оба мои друга потом погибли на фронтах Великой Отечественной, но тогда мы самозабвенно пели: «Нас не трогай, мы не тронем, а коль тронешь, спуска не дадим...» В мае 1941 года к нам в город приехали двое осинцев, окончивших перед войной училище: Брюханов и Волошин. Перед убытием в часть они получили краткосрочный отпуск и заехали в родные края. Подтянутые, стройные, в новеньком обмундировании, затянутые ремнями, они выглядели превосходно. Мы смотрели на них с восхищением и завистью. Я к ним все время приставал с вопросами: «Расскажите, как там в армии?» А они мне: «Отстань, вот пойдешь в армию, там тебя всему научат». Единственное, что их всегда спрашивали: «Война будет?» – «Да, война будет скоро. Думаем, в середине июня». Но мы и так знали, что война будет скоро, потому что в 1941 году началась мобилизация, развертывание боевых частей. У нас забрали в школе очень многих преподавателей, которые окончили офицерские курсы. Многие подпадали под призыв в возрасте где-то 34–35 лет. Новые преподаватели пришли из институтов, из училищ, а старших забрали для укомплектования войск, и у нас сразу резко сократилась учеба.

То, что война на пороге, понимали все, но подспудно думали, надеялись, авось пронесет. И все же начало ее оказалось неожиданным, оно потрясло всех... Тем более, еще раз напомним, перед войной мы стали жить лучше: появилось больше продуктов, в достатке было хлеба, в магазинах появились товары широкого потребления и тут – война!

В июне 1941 года мы сдавали школьные экзамены. Только тут я, Погорелов и Бабушкин сообразили, что немецкий мы не знаем. Мы собрались втроем, а я был среди них заперщиком⁴, и думаем: «За пять лет учебы мы не выучили немецкий язык. Разве сможем его за 10 дней выучить? Нет! А если нет, так зачем нам его учить?» Тоже резон! Все сидят, корпят – немецкий хорошо никто не знал, потому что в классах с 5-го по 7-й нам прислали бывшего военнопленного, который до этого работал бухгалтером. Мы, конечно, его не слушали. Он был лысый, мы накрутим газетных трубочек и плюем газетным мякишем – кто сразу попадет. В старших классах пришла серьезная учительница. Кто постарательнее, тот начал учиться, но грамматику никто не знал, сразу ее не изучишь. Она нас спрашивала: «Как же воевать будете?» – «Мы с немцами разговаривать будем только на языке пуль и пулеметов! Других разговоров у нас не будет!» Она махнула рукой: «Как хотите. Ваше дело». Поскольку мне нравилось учить стихи, как на русском, так и на немецком, то, когда преподаватель спрашивал: «Кто выучил стихотворение?», я сразу руку тянул. «Ну, давай». Я отчеканю. «Садись, «хорошо». Так я получил хорошую оценку и больше на занятия не ходил. Потом меня все-таки заставят, опять что-то спросят: «неуд.», «неуд.» и «хорошо», – в общем, тройка за четверть выходила. Вот таким образом я от четверти к четверти зарабатывал свои тройки.

Итак, решение мы приняли: не будем учить. А все учат, сидят. Мы приходим к ним: «Ну что? Занимаетесь?» – «Занимаемся». – «Вам надо заниматься было в школе, когда учились, а не сейчас!» – «А вы что не занимаетесь?» – «Мы знаем все!» – «А чего же вы с двойки на тройку перебивались?» – «Мы скрывали свои таланты! Вы увидите нас, как мы будем блистать». Всех мы так обошли, всем мешали. Не от желания им навредить, а просто так, от нечего делать. И многих мы убедили в том, что мы действительно знаем язык. И вот начались экзамены. Приехала московская комиссия. Завуч школы нас ободрила: «Не волнуйтесь, комиссия настроена хорошо... Кто желает первым?» Я протянул руку. Класс притих. «Второй?» Коля Бабушкин. «Третий?» Погорелов. Все недоумевают. Вытянули мы билеты, сели. Говорю: «У меня неясный вопрос!» – «Что неясного? Прочитать и пересказать». А я не знал слово «пересказать»! Мы сидим 30 минут, никто не идет. «Кто готов?» А Бабушкин Леха сидел с краю. «Товарищ Бабушкин, начинайте. Прочитать и пересказать». Прочитал кое-как. «Перескажите». – «Пересказать не могу». – «Разберите предложения». Не может. Больше ничего не знает. Раз – кол! Потом меня. Я пыжился, пыжился, кое-как прочитал, а пересказать своими словами тоже не могу. Разбирал, разбирал предложения, путался, а они терпели. «Ладно, следующее». Слова, какие выписал, пересказал. «А что же вы знаете?» – «Стихотворение!» Я рассказал стихотворение Гете. «Вот видите, стихотворения Вы знаете, а почему немецкий не учили?» Потом Погорелова. А тот возьми и скажи сразу: «А я-то читать не умею». – «Вы попытайтесь». Он попытался. «Ну, хватит. А пересказать?» – «Нет, не могу. Разобрать предложение, тоже не разберу». – «Что же Вы знаете?» – «Ничего не знаю». – «Идите». У них уже шок: «Что такое?! Первыми же лучшие выходят, знающие!» Комиссия не знает, что делать, делают перерыв. Что делать, если первые, самые лучшие вышли и не знают, что же знают остальные?! Собирают класс: «Товарищи, вы что-то волнуетесь. Вот первые три вышли, волнуются, не могут ничего сказать, произвели очень плохое впечатление. Давайте, не бойтесь. Соберитесь с мыслями». К остальным на фоне нашего ответа не придирались и поставили положительные оценки. Заканчиваются экзамены. Собирается весь класс. Объявляются оценки: «Бабушкин и Погорелов – двойки. На второй год. Брюхов – тройка». Эх, как они на меня обиделись, недели две-три со мной не разговаривали! Остальные экзамены я сдал нормально. В этом отношении я был подготовлен хорошо: математику, физику, историю не боялся сдавать.

⁴ То есть центровым (устар.). (Прим. ред.)

Погорелов был с 1923 года и осенью ушел в армию. В 1941 году его взяли в пехоту, но он где-то проболтался и остался жив, войну закончил сержантом. Хотел очень в театральное училище пойти, и из него, может быть, артист бы и получился, но подготовка была слабая, так что его не взяли. Леха Бабушкин был призван после меня. У него было плохое зрение, он был признан негодным к строевой и направлен в политическое училище. После войны мы с ним встретились в Москве. Он говорит: «Хочу поступить в политакадемию, но по зрению не прохожу». – «Давай я за тебя пройду комиссию!» Я взял его документы (там фотографии не было) и прошел окулиста. Он поступил в политакадемию и позже стал генералом: при этом как ходил в очках, так и ходит!

Война

20 июня 1941 года в десятых классах прошли выпускные вечера, поэтому 21 июня, в субботу, мы ватагой – парни, девушки, – забрав нехитрую утварь и продукты, отправились на берег Тулвы для отдыха на два дня. Здесь мы ловили рыбу, варили уху, собирали землянику, играли в футбол, валялись на траве, уединялись в кустах и, боясь прикоснуться друг к другу, мечтали о будущем и фантазировали. Ночью мы не спали, а кто уснет, просыпается – он весь мазаный, хохот стоит. Или «гусара подставляли»: возьмем, вату подожжем и положим под нос спящему, – он, как дурной, вскакивает. И «велосипед» делали: он спит, мы ему между пальцами тонкие газетные бумажки вставим и подожжем. Он крутит ногами, вскакивает. Опять хохот! Возвращались усталые, а подходя к окраине города, слышим душераздирающий плач и крик. Все насторожились, вслух и мысленно задаем себе вопросы: «Что бы это могло значить, что случилось? Бьют, что ли, кого?» Прибавили шагу, пошли быстрее, и тут навстречу, пыля босыми ногами, бегут к нам ребяташки, изображая скачущих всадников – палка между ног, в руках лоза, направо-налево рубят воздух: «Война! Война началась!» Смех и шутки смолкли. Домой мы не шли, а бежали, на ходу бросив друг другу: «Пока...» Я прибежал, сразу мешок свой кинул – и бегом в военкомат. Прибегаю, а там уже больше половины нашего класса. Через час-полтора весь класс уже там...

Отец, как всегда, в выходной работал в кузнице, а мать с соседкой были дома и вполголоса с тревогой обсуждали новости о начале войны. У соседки Марии Козловой сын Николай служил на западной границе, она плакала и сквозь слезы высказывала опасения за судьбу сына. Как после узнали, он погиб героически в первые дни войны, так и не выпустив из рук пулемет. Смелый, лихой и бесшабашный был парень!

Моих друзей 23, 22 и 21-го годов рождения в первые же дни вызвали в райвоенкомат, вручили повестки и отправили кого в училище, кого для подготовки в маршевые роты в части действующей армии. А с 1924 года нас было трое, и нас не брали. Говорят: «Куда вы? Успеете!» Но в моем сознании твердо укрепились мысли, что война будет недолгой. Слова песни «Нас не трогай, мы не тронем, а затронешь, спуска не дадим» и заявление Наркома Ворошилова «...воевать будем только на чужой территории, свою хватит поливать кровью» сделали свое дело. Они укрепили мою веру в скорую победу, и я боялся опоздать. Юношеское воображение рисовало красочную картину боя, и я рвался на фронт: ежедневно ходил в военкомат и просил, чтобы меня призвали в армию. Работники военкомата были поопытнее, они посмеиваясь над моим нетерпением, успокаивали: «Подожди, и до тебя дойдет очередь. Успеешь и ты навоеваться». И они оказались правы. Успел, и еще как!..

В августе в Осу стали прибывать первые раненные и эвакуированные из Одессы, затем из Москвы и других западных городов. Наша школа была отдана под госпиталь. Наши войска, оказывая упорнейшее сопротивление оккупантам, с боями отходили, оставляя города... Война затягивалась. Каждый день из Осы уходили все новые и новые партии юношей и мужчин все более старших возрастов. Вызывали и моего отца, но оставили. Я околачивал ежедневно порог военкомата, но меня не брали, ссылаясь на непризывной возраст.

В те месяцы мужиков в деревне не стало, и вот нас вызвали в военкомат: «Не болтайте здесь, поезжайте в колхоз «Север». Вчетвером мы поехали на сенокос. Сначала косили крапиву. Жара! Косить не умеем – тупим косы о кочки. Стебельки ложатся, их надо резко подсекать. Выделили нам человека, который бы нам косы поправил, и мы чуть ли не каждые пять минут к нему бегали. Трудодень – 40 соток на человека, а мы четверо где-то 60 соток всего накосили. Бригадир пришел, в армию его не взяли, у него были физические недостатки. «Полезь от вас нуль. Что же с вами делать? Поставлю вас клевер косить». Ну, тут мы уже развернулись. Клевер невысокий, корень крепкий, и мы день хорошо отработали, дорвались

до работы так, что стерли себе подмышки. Нам замазали их йодом, и мы три дня ничего не делали. Бригадир опять говорит: «Что же с вами делать, вот работничков мне дали!» Подошла рожь. Нас на молотилку – возить зерно, носить мешки. Тут мы себя показали, и вот тут он расцвел: стал нам мясо давать, молоко, хлеб, а то ничего не давал. В сентябре 1941 года ему позвонили из военкомата: мне пришла повестка. Другие остались, а меня он снабдил продуктами, и я пришел домой с заработанными продуктами.

Дома меня вызвали в райком комсомола и предложили пойти добровольцем в лыжный истребительный батальон. Я загрустил: мне хотелось в военно-морское училище, но сказать об этом я не решился. Да и не принято было отказываться – война, люди шли туда, где были нужны. Мне и еще двоим ребятам дали предписание в Кунгур, где в 6-м запасном полку формировался лыжный истребительный батальон.

Лагерь еще только строился, и первые три месяца мы занимались в основном строительством – возводили военный городок, рассчитанный на стрелковую бригаду. Построили на весь личный состав полуземлянки, хозблок, столовую, склады, учебные классы. В жилых землянках построили двухэтажные нары, застелили их матрасами, набитыми соломой, поставили приспособленные из двухсотлитровых бочек печи. Поначалу жили по двенадцать человек в палатках, рассчитанных на четверых. В октябре пошли дожди, начались сильные заморозки, да и снежок иногда порошил. Спали не раздеваясь, прямо в ботинках с обмотками. Прижмемся друг к другу и теплом своих тел сушимся. Глядишь, к утру обсохнем. Вместо утренней зарядки старшина-хохол, жуткий службист, гонял нас в соседний лес таскать напиленные для строительства бревна. Причем по мере вырубки леса приходилось бегать все дальше и дальше. Когда через три недели нас первый раз повели за 10 километров в Кунгур в баню, снятые портянки просто расползались в моих руках. Только согрелись, только оделись во все чистое, как пришлось обратно хлюпать по грязи те же 10 километров. Кормили нас так: на завтрак чай с куском хлеба, в обед постный борщ, на второе гречневая каша, а на ужин давали селедку и кусок хлеба граммов на 300. Мяса мы не видели. Но мне-то не привыкать – дома мясо на столе было только осенью и зимой. Подкармливались мы на колхозных картофельных полях. Приходили ночью к сторожу, копали картошку (люди тогда были сердобольные, никто нас не гонял) и пекли в углях. Работали на износ, молча – такое было напряжение. Когда приходила молодежь на пополнение, они сначала рвались таскать, балагурили, а потом все тише, тише и в конце концов замолкали. На что уж я был крепкий хлопец, и то под конец начал понимать, что долго я так не протяну. Многие заболели, их увозили в госпиталь, но я выдержал эти испытания.

Наконец строительные работы были закончены. Началась боевая и политическая подготовка – курс молодого красноармейца. Несколько часов строевой подготовки, тактика. Нас учили стрелять, мы очень тщательно изучали оружие – тренировались разбирать и собирать на время автоматы и винтовки. Все занятия проводились в городке и окрестностях, и только политзанятия шли два раза в неделю по два часа в теплых землянках. Больше всего мы любили их – можно было отогреться и чуть-чуть вздремнуть.

Несмотря на изматывающий труд, а потом и учебу, полуголодное существование и тяжелые известия с фронтов, паники не было. Настроение было одно – быстрее на фронт, воевать! Поэтому я к занятиям относился очень серьезно, и результаты не замедлили сказаться – командиры меня ставили в пример остальным солдатам. Старшие по возрасту ребята подшучивали над моей прытью, обвиняли в попытке выслужиться, угодить командирам, а мне просто нравилось постигать нелегкую солдатскую науку и хотелось воевать. Я не думал, что меня убьют: наоборот, мне казалось, что я неуязвим.

Наступила зима. Она была ранняя, морозная, и с ней начались занятия по лыжной подготовке, моя стихия. Я хорошо владел попеременным ходом, сдвоенным и даже коньковым, хотя для него не было трассы. Насыпанные из снега трамплины, с которых можно было пры-

гать на 3–5 метров, не представляли для меня сложности. Мои навыки лыжника заметили, и вскоре я стал инструктором по лыжной подготовке у начальника физподготовки батальона. Я показывал, как надо между деревьями змейкой проходить, как прыгать с трамплина. Многим бойцам было под 40 лет, некоторые из них на лыжах плохо ходили, а тут прыгать... Не прыгнул – надо опять в гору забираться. Я отдохну, а они пока освоят, измотаются до предела...

В ноябре наш батальон отправили под Москву. Ехали больше молча. Люди были необстрелянные, нервничали. Все волновались, как сложится первый бой, переживут ли они его. Неизвестность угнетала. Отвлекались от этих мыслей пением песен, которые каждый тогда знал во множестве. Поезд шел без остановок – мы даже не останавливались для приема пищи, ели выданный на три дня сухой паек. К исходу второго дня пути мы поняли, что приближаемся к фронту – видны были сброшенные с пути разбитые и сгоревшие вагоны, разрушенные станционные строения. Неожиданно поезд остановился. Поступила команда: «Выходи строиться». Только мы успели выскочить из вагонов, как над нами на бреющем пронеслись два «Мессершмитта», поливая эшелон из пушек и пулеметов. Они развернулись и сделали второй заход, сбросив пару бомб. Одна из них разорвалась недалеко от меня, и я почувствовал боль в ноге и плече. Сделав еще один заход, самолеты улетели. Из соседних деревень на помощь к нам спешили колхозники на санях. Они помогли собрать убитых и раненых. Раненых, в том числе и меня, повезли на соседний разъезд, на котором стоял санитарный поезд. Там нас разместили по вагонам и повезли обратно на восток. Оказалось, что я был ранен осколками разорвавшейся бомбы: в правом коленном суставе торчал длинный тонкий кусок металла. Второй, маленький осколок, застрял в мягких тканях плеча. Подошел хирург, осмотрел раны:

– Ага! Ну что, батенька, осколок в вашем колене сидит не глубоко. Сейчас... мы его прихватим... и выдернем! – С этими словами он резко дернул. Я взревел от боли!

– Ну вот и все. Сейчас обработаем рану, перебинтуем. В руки клюшку⁵, и через две недели будете бегать. А вот с осколком в плече подумаем, что делать. Да, батенька, вы еще и контужены, у вас из носа кровь. Ну да ничего, контузия легкая.

Действительно, уже через неделю я ходил без палочки, а вот рана в плече долго не заживала, но и она через пару недель затянулась. Осколок оброс тканью и в дальнейшем мешал только упражнениям на брусьях.

Привезли нас в Пермь. В тамошнем госпитале я отдохнул, отогрелся, немного откормился. Вскоре в госпиталь пришел представитель военкомата. Вызвав меня, он спросил:

– Здоров?

– Так точно!

– Предлагаю пойти учиться в военно-морское авиационно-техническое училище. Согласен?

– Конечно! – Я от счастья чуть не подпрыгнул. Сбылась моя мечта служить на флоте! Наконец-то я надену морскую, красивую форму!

Начались занятия. Курсанты разместились по кубрикам на четыре человека. Ходили пока в армейской форме, но вскоре прошел слух: «К новому году наденем новую форму». Ну наконец-то, морскую! И каково было мое негодование, когда новая форма, выданная нам, осталась солдатской. Я был убит, раздавлен... Переживал я настолько сильно, что пошел к командирам, вплоть до начальника политотдела училища, жаловаться. Начальник принял меня в своем кабинете, выслушал:

– Ну далась тебе эта форма?! Носи эту, ты же ее не первый месяц носишь.

– Не хочу! Тогда отправьте меня в летное училище.

⁵ Естественно, в те годы слово «клюшка» означало «палочка», «посох». (Прим. ред.)

– Это с какой стати я тебя должен в летное отправлять?! Ты солдат! Где приказано, там и должен служить! – жестко сказал он.

Разумом я это понимал, но не сердцем.

– Тогда отправьте в любое командное училище! Пехотное, артиллерийское, танковое – все равно!

– Ну ты даешь! Послушай, авиационный инженер – это специальность, которая всегда в почете. На фронте ты будешь на обеспечении БАО, в 70–100 километрах от линии фронта, на летном пайке.

– Товарищ капитан 2 ранга, я не хочу жить вдали от фронта. Я хочу воевать. Я хочу быть командиром, – уговаривал я его.

Однако мои доводы не убедили кавторанга, и я вернулся в кубрик сникшим. Сокурсники смеялись:

– Дурак ты, дурак. Это лучшее училище. За три года получишь специальность, которая нужна и на фронте, и на гражданке. Не дури!

Но я не мог. Учиться я стал хуже, без желания. Через некоторое время меня вызвали к кавторангу.

– Что у тебя со слухом? – с ходу спросил он.

– Все в порядке, не жалуюсь. – удивился я.

– А вот главный инженер докладывает, что не можешь на слух определить изменение режима работы двигателя.

– Вот и отлично! – обрадовался я, – Товарищ капитан 2 ранга, отправьте меня в командное училище.

– Хорошо, раз настаиваешь...

Танкист

Вот уж взаправду не было бы счастья, да несчастье помогло! Мне выписали предписание в облвоенкомат, а оттуда направили в Сталинградское танковое училище. Я получил сухой паек на трое суток (полбуханки хлеба, кусок колбасы, банка тушенки), вещевого и продовольственного аттестаты и на перекладных поехал в Сталинград. Добрался я туда в Сталинград в июне 1942 года и в училище встретил осинцев Колю Бабина с Володией Драчевым. Позже к нам примкнули Петр Акатьев, Николай Половинкин, Бражкин. Всего в училище собралось нас одиннадцать осинцев. Все они потом погибли на фронте...

Немцы уже подходили к городу. На очередном построении училища, в разгар боев и бомбежек, его начальник генерал-майор Серков объявил нам решение Верховного Главнокомандования: «Эвакуировать училище в Курган, где развернуть учебно-материальную базу и, не прерывая учебного процесса, в ускоренном порядке готовить офицерские кадры, так необходимые фронту». Надо сказать, что среднего роста, сухоощавый, подтянутый, немногословный, требовательный, но очень справедливый человек, генерал пользовался уважением курсантов и преподавателей училища. Он встретил войну у границы и был тяжело ранен, лишившись в этих первых боях руки.

Личный состав училища убыл, а группа курсантов во главе с капитаном Гужвой, могучим, моложавым офицером лет тридцати, осталась упаковывать и отправлять материальную часть училища. Покидали мы горящий город ночью, на чудом выбитом для эвакуации училища пароме. На противоположном берегу все погрузились в эшелон и под бомбежкой отбыли в Курган. Только на пятые сутки мы прибыли на место. Разгружались недалеко от города, тут же оборудуя танковый полигон училища. Жили в школе, спали прямо в классах. Помню, директор школы, женщина лет 40–45 (она тогда нам казалась старухой), относилась к нам, как мать. Запомнилось, как она угощала нас подмерзшей сладковатой картошкой, которую мы пекли в школьной печке. Мы же делились с ней сухим пайком. Когда мы уезжали в Курган на учебу, она нас трогательно проводила, пожелав дожить до победы...

На берегу реки Тобол стояла церковь, которую приспособили для столовой, а рядом несколько зданий оборудовали под казармы и классы. Ко времени моего прибытия моя рота уже занималась месяц или полтора. Пришлось догонять. Для меня это было не сложно – десять классов школы позволяли легко осваивать программу училища. Занимались мы по 12 часов в сутки: 8 часов плановых занятий и 4 часа самоподготовки под руководством командира взвода лейтенанта Пашкевича. Ему было под 40 лет, это был среднего роста, крепкий, умный, рассудительный, строгий и душевный человек. Он как никто умел «говорить с нами молча», и мы его понимали.

Как сейчас помню старшину нашей роты Толошного – педанта и въедливого служаку. Мы его очень боялись. Вот такой пример, характеризующий его. У нас в группе учился курсант Уманский. Как-то зимой, под Новый год, он приболел – простудился. Сходил в санчасть, где ему дали справку, что он освобожден от физических занятий и от работ на воздухе. Он надел шинель и вышел из казармы на улицу. Подходит Толошный:

– Уманский, почему не в строю?!

– Товарищ старшина, я освобожден.

– Где твое освобождение? – Он дает.

– Освобожден от занятий и работ на воздухе... – читает Толошный. – А «от физзарядки» не написано! Снимай шинель, и в строй!

Вот так лечились. Иногда в кино показывают, как курсанты ходили в самоволку, вечерами были танцы, к девчонкам ходили... Какие женщины?! Мы еле ноги волочили! Кормили просто ужасно! Утром суп, в обед суп и пшенная каша, а вечером опять суп. Что такое суп?

Крупы в воду побросают, есть нечего, только пьешь. Сейчас даже в тюрьме, наверное, сытнее дают. Стали делать так – ужинать по очереди. Сегодня я иду на ужин, завтра ты. Из кружки, в которую наливали суп, жидкость сливали, а бурду, которая остается, ели с куском хлеба. Хлебом этот плотный, как коврижка, брикет граммов на 250, который был нам положен, можно было назвать только условно – чего только в нем не было намешано. Отощали мы страшно. На второй этаж казармы поднимешься – и сил нет. Как я уже говорил, в училище было одиннадцать человек осинцев, разбросанных по разным ротам. Вместе с Колей Бабиным мы создали группу акробатики, как в школе. И вот я стойку выжму, а у меня искры в глазах, чуть сознание не теряю... Писали жалобы, приезжала комиссия из Уральского округа. В класс, где сидела наша рота, вошел генерал в сопровождении нескольких офицеров. Окинув нас взглядом, он остановился на мне: «Вы говорите, питание плохое? Вон какой мальчик сидит, по нему и не скажешь, что он недоедает». Как же мне было обидно! Комиссия уехала, и в нашем существовании мало что изменилось.

Все разговоры были только о еде. Один из таких разговоров прервал Петраковский – самый старший из нас, курсантов:

– Ребята, ну что мы все о еде да о еде говорим. Давайте расскажу, как я женился?

Все хором закричали:

– Давай, давай. Рассказывай!

– Ну, тогда слушайте. Я учился на первом курсе геолого-разведывательного института и познакомился с однокурсницей. Она была очень красивая, стройная, с русыми длинными волосами. Одевалась очень хорошо, выделяясь среди студенческой братии. Родители ее были инженерами, хорошо зарабатывали. Девочка нравилась многим, но почему-то выбрала меня. Почему – сказать не могу, но она согласилась на первое же мое предложение пойти в кино. Как сейчас помню, шла «Большая жизнь» с Алейниковым и Андреевым. Я изловчился, достал билеты, и мы с удовольствием посмотрели картину. Так завязалось наше знакомство. Ходили в кино, в оперу, гуляли. Потом я познакомился с ее родителями, и мы решили пожениться. Родители дали согласие.

Все внимательно слушали, лишь изредка перебивая рассказ язвительными вопросами, но Петраковский не удосуживался отвечать на остроты.

– Свадьбу справляли в ресторане. Играл оркестр. На столе стояли... – Дальше шло подробное, в деталях, перечисление всех блюд, что стояли на столе и подавались официантами. Каждый словно присутствовал там, вдыхал этот аромат. Животы подвело, а Петраковский, словно забыв о нас, все продолжал и продолжал живописать свадебный стол:

– И вот принесли на больших серебряных подносах двух молочных, зажаренных с хрустящей корочкой поросят, обложенных яблоками и зеленью...

В этот момент кто-то резко встал. Петраковский увидел курсанта Квитчука, его безумные глаза и гаркнул:

– Товарищ Квитчук, что бы вы сделали с этими поросятами?!

Квитчук аж подпрыгнул и диким голосом закричал:

– Я би его съив! Я би его съив! – Он упал на стол, его трясло, но он продолжал кричать: – Я би его съив! Я би его съив! – а затем замолк, но его продолжало трясти. Прибежала вызванная медсестра, дала понюхать нашатырь, сделала укол. Он успокоился, его отнесли на нары, и там он уснул мертвецким сном. Все были напуганы. На следующий день Квитчука отправили в лазарет, где он провалялся около недели, а Петраковскому мы объявили бойкот и не разговаривали с ним.

Чтобы хоть как-то подкормиться, приходилось идти на воровство. В подвальном помещении казармы находился овощной склад. Нашли мы способ, как туда пролезть, – втихаря сняли доску с пола казармы и спустили меня вниз на веревке. Я набрал два котелка кормовой свеклы. Она такая противная, но есть-то хочется! Разок мы так сделали, но потом отказались

– подсудное дело. Рядом с училищем, отделенный от него трехметровым забором с колючей проволокой наверху, стоял хлебозавод. Бывало, после занятий уткнемся в окно, смотрим, как хлеб пекут, – аж слюни текут. Собралось нас трое, решили залезть туда. Перебросили меня через забор, я смешался с солдатами, приехавшими из разных частей получать хлеб, и буханок пять перекинул нашим на территорию училища. Надо обратно возвращаться, а как? Забор-то я не перелезу. Сел в машину с солдатами и вылез у ворот училища. Подхожу к КПП.

– Кто такой?

Спасло меня то, что я был связным командира взвода лейтенанта Маскевича.

– Я связной командира взвода Маскевича. Он меня вызывал.

– Сейчас проверим.

Набирает номер командира:

– Лейтенант Маскевич, курсант Брюхов ваш связной?

– Да.

– Проходи!

Если бы он спросил: «Вы его вызывали?», то мне бы хана. Я вернулся в казарму и говорю: «Нет, братцы, больше не пойду. Нас застукают». Рядом с нами спал курсант, имя которого я не хочу называть. Он услышал, что мы разговариваем, и начал нас шантажировать: «Вы своровали хлеб, если не поделитесь, я доложу!» Пришлось дать ему граммов 600–800. Он его сразу съел, но, поскольку был истощен, к утру у него случился заворот кишок. Его увезли в госпиталь. Труханули мы крепко, но нас никто не тронул. Или он сдержал слово и не выдал, или просто помер до того, как его успели допросить...

Курсанты ежемесячно получали 40 рублей. После получки, в воскресенье, я ходил на рынок, покупал на эти деньги килограмм моркови и тут же ее съедал: принесешь в казарму – надо делиться. Конечно, можно было написать родным, чтобы прислали посылку, но я понимал, что дома семья большая, они не могут помочь. Так что я писал, что питание хорошее, мне ничего не нужно. А многие не выдерживали, просили прислать. Придет такому посылка, он ее откроет и ест под одеялом, чтобы ни с кем не делиться. Конечно, это плохо, но как ты осудишь голодного за желание немножко растянуть ощущение сытости? Однако, несмотря на голод, воровства друг у друга не было.

После победы под Сталинградом поступило распоряжение создать агитбригады лыжников и пройти по близлежащим деревням, провести разъяснительную работу. Генерал Серков поручил сформировать агитбригаду лейтенанту Федорову (начальнику физподготовки училища) и начальнику политотдела. Нам объявили, что готовится лыжный агитпробег Курган – Свердловск. Его участникам будет положено усиленное питание. Это словосочетание «усиленное питание» действовало магически. Все вдруг стали лыжниками и заядлыми походниками, и, когда начался отбор, перед кабинетом собралась толпа желающих. В свою очередь, зашел и я. Вид мой был жалок: рост 163 сантиметра, на ногах сапоги на четыре размера больше, на голове сидящая как колпак шапка на два размера больше, специально выбранная мною так, чтобы прикрывала отмороженные на соревнованиях уши. Лейтенант жалостливо меня осмотрел:

– Слушай, сынок, ты же ребенок! Ну какой ты лыжник?

– Я был чемпионом района. У меня 1-й разряд по лыжам, – умоляюще сказал я.

– Какой из тебя чемпион?!

– У меня свидетельство есть! – Я показал свой лыжный билет, оформлявшийся участникам соревнований.

– Ну, ладно. – Лейтенант скептически посмотрел бумажку и, видимо, не поверил. – Приходи завтра. Посмотрим, какой из тебя лыжник.

Так я попал в число 20 кандидатов, среди которых он должен был выбрать 10 человек. Отбирать их он решил не мудрствуя лукаво: в деревне, примерно в десяти километрах от

училища, у него жила знакомая, так что маршрут был проложен через ее дом. Пошли. Группа тут же растянулась, а я все за ним держусь. У меня уже сил нет, но я думаю: «Упаду, но не сдамся, продержусь» – ведь наградой было усиленное питание. К дому мы так и подошли вдвоем. Только тут он понял, что, кроме меня, больше никого нет. Завел меня к своей Марфуше: «Ты, давай посиди здесь, а я пойду курсантов собирать. Если меня не будет, возвращайся обратно». Подруга его меня накормила, и я тут же уснул за мертвое. Проспал часа три. Просыпаюсь: «Лейтенант был?» – «Нет, не был». – «Три часа нет, значит, что-то случилось». Я поковылял в училище, преодолевая боль в мышцах. Остальных всю ночь собирали по деревням вдоль дороги: хорошо колхоз помог, дал лошадей с розвальнями. Только к утру всех привезли в училище, но мало кто из них мог двигаться самостоятельно – так болели ноги.

Доложили начальнику училища. Генерал вызвал физрука, отчитал его. Тот пытался оправдаться, но как?! Через пять дней бригада должна выступать, а столько бойцов лежит, встать не может. Собрали спортсовет физкультурников училища. Физрук сидел, понурился головой. Конечно, он был виноват. Разве можно было на пробный пробег посылать слабо подготовленных курсантов, измученных голодом и непрерывными занятиями? Притом, как уже потом выяснилось, никто из них не совершал лыжных переходов, и только некоторые участвовали в беге на 5–10 километров! Выплеснув свой гнев, генерал Серков спросил:

– Что будем делать?

Все молчали.

– Товарищ генерал, – поднялся я. – В прошлом году я участвовал в лыжных переходах Оса – Кунгур и Пермь – Оса. Оба перехода были по длине чуть более ста километров. Я знаю особенности подготовки к таким переходам. Хотя у нас всего пять дней на подготовку и вчерашний переход загнал курсантов, как лошадей, я могу подготовить команду, которая справится с агитационным походом.

Далее я изложил подробный план мероприятий по подготовке и план похода:

– Я поведу колонну и буду корректировать темп движения. Если все будут идти ровно, я буду прибавлять, будут рассыпаться – снижу. Лейтенант Федоров пойдет замыкающим и будет подтягивать колонну. Кроме того, товарищ генерал, прошу из подсобного хозяйства выделить лошадей с розвальнями, в которых поедут замполит и санитарка. Туда же мы сложим вещмешки с пайком. Из Чашей лошадь с санитаркой вернется обратно, а для замполита мы транспорт найдем. Кроме того, прошу всех участников похода досыта кормить.

– Ну, Брюхов, – встал генерал, – картину ты нам нарисовал полную. Что ж? Думаю, другого выхода нет, как принять твое предложение. Ответственность за подготовку и проведение похода возлагаю на лейтенанта Федорова, вас и политрука Ворова.

Расходились довольные, даже физрук повеселел. Генерал Серков подозвал меня:

– Молодец, стратег из тебя будет, толковый офицер.

Я зарделся и не нашелся, что сказать в ответ.

Через пять дней тренировок, ранним хмурым утром, агитбригада вышла из ворот училища. Провожал нас генерал Серков, играл оркестр. За день мы прошли запланированные 40 километров, и до конечного пункта райцентра Чаши оставалось совсем чуть-чуть. Замполит говорит: «Я поеду вперед на лошади, организую вам встречу, а ты всех приведешь». – «Ладно». Он уехал. Уже подходим к Чаше, видны огоньки в домах, а сил идти у ребят больше нет. Все остановились и никуда идти не могут. Что же делать? И тут, – как это я догадался, сам не знаю, – я говорю: «Ладно, развязывайте мешки, съедим по бутерброду, подкрепимся, у нас будут силы на последний рывок. Осталось-то еще километр, может быть, два». А осталось километров пять. Все по бутерброду съели и воспряли духом. Пришли мы с опозданием часа на два, народ нас ждет, оркестр. Выступил секретарь комсомольской организации, поздравил нас. Затем выступал наш замполит, а нам бы уже только поспать. Закончилась официальная часть, секретарь говорит: «А теперь, девчонки, разбирайте курсантов, накор-

мите хорошенько, пусть поспят и утром дальше пойдут». Меня выбрала симпатичная девушка, подошла:

– Пойдемте к нам, мама будет очень рада. Она и пирогов напекла.

Я не стал отказываться, забрал лыжи и пошел за ней к дому. Оставил лыжи в сенях, отряхнул снег, вошел в дом. Туту же меня окутало приятным теплом и запахом так любимых мной шанежек, которые мама пекла на праздники.

Даша, так звали мою хозяйку, сказала:

– Мама, принимай... – Лукаво скосилась на меня: – Жениха. Начальство приказало хорошо накормить и дать отдохнуть.

Мать засуетилась, собирая на стол, а мы сели на диван продолжить разговор. Но усталость и переход с мороза в тепло сделали свое дело, я уснул на полуслове. Проснулся раздетый в постели только в семь утра. Еще было темно. У кровати лежали постиранные и выглаженные майка, трусы, портянки. Я быстро оделся, умылся, позавтракал и пошел на сборный пункт. Больше я не видел Дашу и ее маму, но теплота той встречи так и осталась со мной на всю жизнь.

Пошли дальше – уже втянулись. Так нас принимали в каждом селе, в котором мы останавливались на ночлег. В Свердловск мы пришли даже немножко раньше, чем было условлено. Там мы отдохнули, выступили перед курсантами пехотного училища и после обеда пришли на вокзал, где нас ждал поезд на Курган. В училище нас встретили торжественно, вручили грамоты с благодарностью за поход.

Несколько слов об учебе. Как я уже писал, обучение было очень интенсивным. В основном внимание уделялось теории – материальной части танков БТ-5 и Т-34, тактике. Практическая стрельба была всего одна: я выпустил 3 снаряда и пулеметный диск. Учили нас немного вождению на БТ-5. Давали азы – с места трогаться, по прямой водить. Были занятия по тактике, но в основном «пешим по-танковому». И только под конец было показное занятие «танковый взвод в наступлении». Все!

После войны я посмотрел немецкий учебный комплекс в Австрии. Конечно, он был намного лучше. Например, у нас мишени для стрельбы из орудий были неподвижные, мишени для стрельбы из пулеметов – появляющиеся. Это значит, что в окоп, в котором сидит солдатик, проведен телефон, по которому ему командуют: «Показать! Опустить!» Положено, чтобы мишень появлялась на 5–6 секунд, а один дольше продержит, другой меньше. У немцев на полигоне была установлена система блоков, управляемая одним большим колесом, оперирующая и орудийными, и пулеметными мишенями. Колесо крутили руками, причем от скорости вращения этого колеса зависела продолжительность появления мишени. Немецкие танкисты были подготовлены лучше, и встречаться с ними в бою было очень опасно.

Когда нас выпускали, начальник училища сказал: «Ну, что же, сынки, мы понимаем, что вы программу быстро проскочили. Знаний у вас твердых нет, но в бою доучитесь». Самый же запоминающийся урок, который наложил отпечаток на всю мою дальнейшую службу, преподавал мне майор Дроздов, который вел у нас тактику. Это был призванный из запаса офицер царской армии, и ему было тогда лет шестьдесят. Он так говорил: «Сынки, запомните святое правило. Его еще Суворов считал основным! Самое главное: перед боем и в бою заботьтесь о солдатах. Главное, чтобы он поел, был обут, одет, чтобы он отдохнул. Если вы это сделаете, то добьетесь в бою успеха. Не сделаете – не будет никакого успеха. Если он будет голодный, замерзший, то, когда вы поведете его в атаку, он не будет кричать «ура!», а будет еле ползти. Вы можете из Москвы, из ЦК вызывать лектора, который прочтет ему лекцию, как надо защищать Родину, поднимете в атаку, – но «ура!» он у вас кричать не будет. А вот если приедет безграмотный, может быть, с двумя-тремя классами образования повар, но с черпаком хорошего борща и каши, то после этого вы поднимете его в атаку, он

будет за вами бежать, «ура!» кричать и добиваться успеха!» Из всего курса я только это и запомнил, но зато следовал этому правилу все время. Я всегда беспокоился не только о своем экипаже, но и о экипажах танков взвода. И солдаты платили мне тем же.

В феврале 1943 года приказали срочно отобрать 28 лучших курсантов, дать им два месяца на ускоренную подготовку и выпустить. В училище я прибыл на полтора месяца позже, а выпустили меня на полтора месяца раньше: так что всего-то три месяца я учился. Кстати, один из отобранных не сдал выпускные экзамены, хотя был дипломированный инженер. Мы тогда подумали: «Вот не повезло человеку!» Наивные! Ему было 33 или 34 года, семья, двое детей, и на фронт ему совершенно не хотелось.

Сразу после выпуска генерал-майор Серков вызвал меня к себе в кабинет. Я заволновался. Капитан Гужва, похлопав меня по плечу, успокоил: «Иди, генерал вызывает, дельное предложение тебе сделает. Соглашайся». Что за дельное предложение, я не мог представить и с большой робостью и, затаив дыхание, вошел в кабинет генерала. Он вышел из-за стола навстречу, усадил на стул, сам сел напротив и стал рассказывать мне про обстановку на фронте, сказал, что хребет гитлеровской машине надломлен и победа будет за нами. Что ж, я в этом тоже не сомневался.

– Слушай, Брюхов, – продолжил он. – Ты еще сопляк, ну какой из тебя командир? Оставайся в училище воспитывать курсантов. Тебя хвалят командир взвода, командир роты. Ты спортсмен хороший. Оставайся!

Я обомлел:

– Товарищ генерал, я хочу на фронт, хочу воевать, ведь война скоро закончится, а я на фронт не попаду, как я буду смотреть людям в глаза? – В горле появился комок, и на глаза невольно навернулись слезы.

– Сынок, ну какой скоро?! Война еще будет идти не один год, ты еще успеешь навоеваться.

– Нет, я хочу сейчас.

Генерал задумался, долго молчал, а потом заговорил:

– Кто же будет учить? Я тоже хочу на фронт.

– Вы же воевали, руку потеряли, а я еще ничего не сделал. Я вас очень прошу, отправьте меня. У нас есть в отделении два сержанта, Кочнев и Лобанов, которые были на фронте с первых дней войны и прибыли по ранению. Вот их и оставьте, – взмолился я.

Глядя на мое убитое настроение, он сжалился:

– Ладно, пригласи их ко мне.

Я несказанно обрадовался, засиял и неокрепшим командирским голосом гаркнул:

– Есть! Разрешите идти?!

– Что это ты так спешишь, лейтенант? – сказал генерал Серков, а затем посмотрел еще раз внимательно на меня, покачал головой и сказал: – Идите!

Я приложил руку к головному убору, ответил: «Есть!», четко повернулся и вышел из кабинета. Выяснилось, что названные мной сержанты – на полигоне. Двенадцать километров до него я пробежал на одном дыхании: «Вас срочно вызывает начальник училища!» На попутке мы вернулись в училище. Генерал вызвал Кочнева, и тот, не раздумывая, согласился, а Лобанова он уже не стал вызывать.

После войны мы случайно встретились с Кочневым в ресторане в Челябинске. Я его узнал, подошел, пригласил к нам за стол, но он, посмотрев на мои ордена, как-то сник, свернулся и быстро смотался. А тогда, надев гимнастерку с двумя кубиками в петлицах, я отправился в Челябинск в 7-й запасной учебный танковый полк. Офицерское общежитие располагалось в актовом зале школы, в котором стояло около тридцати кроватей. Кормили нас по карточкам в офицерской столовой. Кто не хотел, тот брал сухим пайком на продпункте. За исключением непродолжительных занятий, мы были предоставлены сами себе.

Кто постарше, те ходили к женщинам. Заводилой был лейтенант Вася Естафьев: среднего роста, широкоплечий, про таких говорят: «Косая сажень в плечах». Он был с 20-го года, тракторист, перед войной отслужил срочную, экстерном окончил танковое училище. Как-то он подошел ко мне:

– Пойдем к бабам. У меня есть две знакомые девахи. Одна тебе, одна мне. Только ты знаешь, моя во время этого дела кусается. Мне в прошлый раз чуть ухо не откусила, но я ее сегодня отучу!

– Ладно, пойдем. – Мне, естественно, было интересно.

Встретили нас хорошо, стол накрыли, потом мы разошлись по комнатам. Честно говоря, у меня ничего не получилось. Вдруг из другой комнаты раздается женский рев и хохот. Мы выскакиваем, смотрим, а у хозяйки кровь идет изо рта. Вася хохочет. Она на нас: «Вон отсюда!» Я сначала не понял, что произошло, но мы быстрее оделись – и на улицу.

– Вась, что у вас там произошло? – спросил я его.

– Я же тебе говорил, что отучу ее. Ну и когда она укусить хотела, я ей в зубы кресало вставил! – потешался он.

– Ну ты и негодяй! – возмутился я. – Она, наверное, зуб поломала!

– Ничего, пусть знает!

Этот случай произвел на меня удручающее впечатление, и больше я «в гости» не ходил.

Помню, как я лежал на койке расстроенный: в отделе кадров сказали, что формирование отдельного Уральского добровольческого танкового корпуса закончено. Поэтому мой рапорт с просьбой о направлении в Пермскую бригаду остался без удовлетворения, а мне так хотелось воевать вместе с земляками! В это время в комнату вошел стройный, подтянутый лейтенант примерно моего роста. Форма была подогнана по фигуре, выющийся светлорусый чуб торчал из-под заломленной на голове пилотки. Выражение глаз, улыбка на лице сразу вызвали мое ответное расположение к нему. Я немного привстал. Уловив это движение, он подошел, подал руку:

– Максимов, Николай.

– Брюхов, Василий, – представился я, сев на край койки.

– А где братва? – оглядывая пустые, помятые койки, спросил Николай.

– Ушли кто куда. Челябинск большой, места для прогулок хватает, – нехотя ответил я.

– А ты что киснешь? – спросил он с участием.

– Да так, не хочется. Я лучше книжки читаю – библиотека тут отличная. Надоело здесь болтаться без дела. Хотел вместе с земляками воевать – не получилось. Так, глядишь, и война закончится, пока мы тут в тылу штаны просиживаем.

– Ну, ты и чудак, – рассмеялся Коля. – Война в самом разгаре. Не горюй, на нашу долю боев хватит. Я в штабе слышал, что заварушка под Курском готовится. Вот туда нам с тобой и нужно попасть. – Он легко перешел на «ты».

На другой день во время занятий в класс вошел начальник штаба полка, а с ним представитель Кировского танкового завода. Мы встали. Начальник штаба пригласил всех сесть и предоставил слово представителю. Тот, сняв фуражку, тихим голосом заговорил:

– Товарищи командиры, обстановку на фронте и в тылу вы знаете. Фашистов нужно бить и гнать с нашей земли как можно быстрее, а для этого нужно оружие, танки. Наш завод делает все возможное, чтобы дать вам больше танков, но у нас не хватает людей. Нам нужны рабочие руки хоть на месяц, хоть на неделю. Мы решили обратиться к вам за помощью.

Повисла минутная тишина. Я прикидывал, что могу делать на заводе – специально-сти-то у меня нет. Тут выступил Вася Естафьев:

– Н-е-ет! Это не для нас! Мы не сегодня-завтра получим танки и уйдем на фронт. Дайте нам погулять хоть несколько дней. Может, это последние деньки в нашей жизни?! – Он натянуто улыбнулся, обводя нас взглядом, ища поддержки.

Руку поднял Коля Максимов. Встав и, повернувшись к нам, твердо сказал:

– Братва, не слушайте этого пустозвона. Раз завод просит, нужно помочь. Я до армии слесарил и тут поработаю, – и, повернувшись к представителю завода, заявил: – Записывайте меня.

За ним записались я и еще несколько человек. Остальные так и не поддались уговорам. Представитель нас предупредил, что оплачивать труд он сможет только талонами на бесплатный обед. Мы не возражали.

Со следующего дня мы вышли на работу. Меня с Николаем поставили на расточку отверстий в блоке цилиндров двигателя. Он окончил ФЗО, был слесарем 4-го разряда. Наши станки-полуавтоматы стояли рядом, и он быстро помог мне освоить несложную операцию. Мне не составило больших усилий втянуться в работу, – я к этому был приучен с детства, – и через несколько дней выполнял и даже перевыполнял норму. На заводе кормили хорошо: на обед всегда была закусочка, суп или борщ и хорошая каша с небольшим количеством мяса. А у нас еще и офицерский паек!

Совместная работа нас еще больше сблизил. Я тянулся к нему – Николай, выросший в Москве, имел шарм городского парня, так привлекавший меня. Я «окал» по-деревенски, а у него был красивый язык с московским акцентом. Я старался перенимать его манеры, и это, видимо, нравилось ему. Вообще москвичи выгодно отличались от нас, деревенских, своим кругозором, образом мышления, знаниями, развитием. Они были более свободны в обращении с людьми. Все свободное время мы проводили вместе. Он рассказал, что жил на Арбате и там у него остались мать и сестра, которым он часто пишет. С детства Николай занимался верховой ездой в Манеже и безумно любит лошадей.

Работа на заводе продолжалась недолго, не больше недели. Получив приказ, мы явились в запасной танковый полк, где нам вручили новенькие, пахнущие свежей краской танки. Я принял взвод, а Коля – танк в моем взводе. Третьим танком командовал лейтенант Быков. Познакомились с экипажами. Механик-водитель по фамилии Рой, с 1904 года, был бывшим трактористом. Заряжающий Леоненко был с 1918 года, а радист – парнишка, как и я, с 1924 года, деревенский. Я не помню его фамилии, но хорошо запомнил, как мы хохотали, когда он рассказывал, как его женили перед войной. Родителей у него не было, жил он с бабкой. У соседки была дочь на несколько лет старше его. Бабка его все подстрекала: «Женись, она богатая, кормить тебя будет, а ты будешь помогать, работать». Уговорила, да и те были согласны – работник в доме нужен. Про свадьбу он рассказывал:

– Я сижу за столом рядом с невестой, на улице ребята бегают, а меня здесь держат. Я на улицу рвусь, а она вцепилась и не отпускает. Потом налили мне стопку вина, я выпил, опьянел. Она меня потащила в постель, мучалась, мучалась – ничего не получилось. Утром проснулась, а я от нее убежал к ребятишкам. Мы играем, но опять меня отловили. И так она со мной мучилась, а потом плюнула и оставила в покое...

Вот такой у меня был экипаж. Сформировали взвод, роту. Провели взводное, а затем и ротное учения. Совершили пятидесятикилометровый марш – и на погрузку. Надо сказать, что командовать у меня получалось, и получалось хорошо. Я и в детстве ребятишек организовывал, и здесь я с подчиненными быстро нашел общий язык. Почему я рвался быть командиром, – я понимал, что это мое призвание. Тут уже Коля Максимов сразу признал мое верховодство. Хотя мы и дружили, но субординацию соблюдали, и я не допускал фамильярности даже с его стороны.

В отличие от того эшелона, в котором я ехал на фронт два года назад, в этом царило приподнятое настроение. После победы под Москвой, а потом и под Сталинградом люди поверили, что мы не только сможем выстоять, но и победить.

Гнали нас по «зеленой улице», практически без остановок. В Куйбышеве эшелон остановился прямо на станции. Начальник станции предупредил, что стоять будем минут трид-

цать. Обед к эшелону не привезли, и начальник эшелона приказал построить людей и бегом отвести на обед в столовую. Прибежав в столовую, мы обнаружили, что столы не накрыты, только стоят бачки с кашей и борщом и нарезан хлеб. Я приказал набросать в котелки каши, взять хлеб и бежать обратно к эшелону. Бежим, на ходу заглатывая горячую перловку. Выскакиваем на перрон – эшелона нет. Прибежав к начальнику вокзала, я выяснил, что поезд ушел на Сызрань. Пока связался с эшелонном, подошел порожняк. Начальник станции помог нам занять две теплушки, и мы поехали догонять свои танки. После сытного обеда, разморенные теплом июньского дня, под стук колес мы уснули. Проснулся я от наступившей тишины. Отодвинув дверь, я увидел, что поезд стоит на перегоне перед мостом через Волгу. Мимо шел железнодорожник. Окликнув его, я спросил, как нам перебраться на другую сторону. Он сказал, что сейчас туда пойдет пассажирский поезд, стоящий на параллельном пути. Растолкав ребят, я объяснил ситуацию, и мы попытались проникнуть в вагоны поезда, но ни один проводник дверь нам не открыл. Поезд тронулся, мы облепили подножки и поехали. Хоть и июнь, но обдувало нас сильно, холод собачий, того и гляди упадешь. Догнали! Приняли нас с распростертыми объятиями. На перекличке не досчитались троих, предупредили коменданта, по какому маршруту пойдем, погрузились в эшелон и поехали дальше. За Малым Ярославцем мы попали под бомбежку, но ни одна бомба в эшелон не попала – здорово маневрировал машинист поезда. Далее эшелон повернул на юг. Остановились на перегоне, поступила команда выгружаться. Разгрузочных площадок нет. Механики-водители, корежа платформы, разворачивали танки и фактически прыгали на грунт. Два танка перевернулись, но их быстро поставили на гусеницы. Нас уже ждал представитель 2-го танкового корпуса. Батальон совершил марш в район сосредоточения, где влился в состав 99-й бригады корпуса.

Фронт

Буквально через несколько дней после нашего прибытия началась Курская битва. Корпус находился во втором эшелоне. Первые бои были оборонительными и не отложились в моей памяти, слившись воедино с последовавшими за ними шестидневными боями. Где-то мы отбивались, отходили, потом вместе с пехотой контратаковали. Сейчас некоторые так здорово рассказывают, вспоминают названия населенных пунктов, где они воевали, что диву даешься. Откуда я помню эти населенные пункты?! Уже после войны, поездив по местам боев, я вспомнил эти Малые Маячки, совхоз им. Ворошилова. А в войну как я мог их запомнить?! Тебе ставят задачу: «Движение между ориентиром № 1 и ориентиром № 3», – и ты пошел. Движешься, ищешь цели, стреляешь, крутишься. Командир танка Т-34-76 работает, как циркач, – сам наводит, сам стреляет, командует заряжающим и механиком-водителем, по радио связывается с танками взвода. От него требуется полная концентрация всех сил, иначе на поле боя он не жилец. Поймал цель, механику на голову сапогом нажал – «Короткая!», один выстрел, второй, пушку бросаешь справа налево, кричишь: «Бронебойным! Осколочным!» В башне дышать нечем от пороховых газов. Мотор ревет – разрывов снарядов практически не слышно, а когда начинаешь вести стрельбу, то вообще перестаешь слышать, что снаружи творится. Только когда болванка попадет или осколочный снаряд на броне разорвется, тогда вспоминаешь, что по тебе тоже стреляют.

Пришлось мне участвовать в сражении под Прохоровкой 12 июля. К 5.00 мы доложили готовность к наступлению. Наша задача была поддержать ввод 18-го танкового корпуса 5-й гвардейской танковой армии и к середине дня выйти к Яковлево. Примерно в 5.30, опередив нас, авиация противника и артиллерия нанесли мощнейший удар по нашей 5-й общевойсковой армии, и немцы перешли в наступление. Части армии стали отходить. Примерно в 8.00 наша авиация и артиллерия нанесли ответный удар, но к этому времени рубежи ввода танковой армии были захвачены противником. Практически на месте нам пришлось разворачиваться из батальонных в ротные и взводные колонны. Наш батальон развертывался, имея на правом фланге реку Псёл. Левее нас разворачивалась 170-я танковая бригада 18-го танкового корпуса. Продвинувшись вперед, мы уперлись в глубокий лог, преградивший нам путь. Танки корпуса и нашего батальона стали смещаться влево к железной дороге. Боевые порядки нашей и 170-й бригады перемешались. Расстояние между танками, составлявшее вначале около 150 метров, сократилось до 10–20. Фактически с противником столкнулась неуправляемая масса танков. Мое участие в этом сражении продолжалось не более часа. Повернув влево в обход лога, мы нашли место, где можно было в него спуститься, еще немного прошли по его дну и решили выбираться на другую сторону. Взобравшись на другой его скат, я был поражен открывшейся картиной: горели хлеба, чуть вдалеке горели деревни, а начавшийся бой уже собирал свою жатву – горели танки, автомашины. Над полем стелились клубы дыма. Неожиданно я увидел, как из такого же оврага, находившегося примерно в 200 метрах от меня, выползает немецкий легкий танк Т-III. Сначала я даже растерялся – никак не ожидал увидеть противника так близко. Но я быстро пришел в себя, дал ему выбраться на открытое место и уничтожил первым же снарядом. Не прошло и нескольких минут, как откуда-то прилетел снаряд и, попав в борт, вырвал нам ленивец и первый каток. Танк остановился, слегка развернувшись. Мы выскочили, отползли в воронку, потом по промоинам стали выходить в тыл. Танки Быкова и Максимова прошли чуть дальше и тоже выбрались наверх. Их судьбу я узнал только вечером, когда добрался до армейского сборного пункта аварийных машин, куда оттянули мой танк. Там я встретил Колю. Мы обнялись и, получив по полному котелку каши, сели на землю. Он рассказал, что его танк подбили следом за моим. Все успели выскочить, а Быкову не повезло – танк сгорел вместе с экипажем.

Потери в этот день были огромные. Образовалось большое количество «безлошадных» танкистов, на которых танков не хватало, так что в дальнейших боях под Прохоровкой мы не участвовали. Однако долго болтаться в тылу нам не дали. Пришел приказ укомплектовать экипажи и передать в 1-й танковый корпус под командованием генерала Буткова⁶, который перебросили на Брянский фронт с задачей овладеть городом Орел. Мы с Колей упростили командование, чтобы нас не разлучали, а отправили вместе. Вот так мы оказались в первом батальоне 159-й танковой бригады этого корпуса.

Надо сказать, что в этих первых боях на Курской дуге мне еще казалось, что от моего участия зависит успех всей операции, что я один могу если и не победить немцев, то нанести им поражение. Такое было ощущение нереальности происходящего, какой-то игры!.. И только на Центральном фронте, после того как я сходил в разведку боем, я перестал «играть в войну» и стал относиться к ней как к тяжелой и опасной работе.

Мне сейчас сложно вспомнить название той деревни, за которую шел бой в сентябре 1943 года. Помню, что в течение дня мы несколько раз предпринимали атаки, несли потери, но прорвать немецкую оборону так и не смогли. Вечером приехал командир бригады. Ее остатки, а насчитывалось в ней теперь не более 12 танков, выстроились в лесу. Он коротко подвел итог неудачных боев, сказал, что мы не справляемся с поставленной задачей и что не этого ждут от нас Родина и партия. В заключение он обратился ко всему личному составу бригады:

– Требуется провести разведку боем в составе усиленного взвода. Я понимаю, что это труднейшая задача, поэтому прошу добровольцев сделать шаг вперед.

Я шагнул, не задумываясь. И тут в первый и последний раз в жизни я каким-то шестым чувством, спиной ощутил полный ненависти взгляд экипажа. Внутри все сжалось, но обратного пути уже не было.

Комбриг подошел, положил руку на плечо:

– Спасибо, сынок, садись в машину, и поедem на место, обсудим, как ты будешь атаковать.

По лесу мы проехали до роши, что была на высотке, к КНП⁷ командира стрелкового полка. Чуть ниже в неглубоких окопах расположилась наша пехота, а в километре от нее, на окраине населенного пункта, виднелась оборона противника.

Подготовка не заняла много времени. Командиры указали направление движения и поставили задачу – на максимальной скорости врезаться в оборону противника и вскрыть его систему огня. Снаряды не жалеть. За ночь танки бригады заправили горючим, снарядами, и к утру они заняли исходные позиции. Танки моего взвода были развернуты на фронте около полутора километров. Танк Коли шел слева, а справа шел танк, имени командира которого я не помню.

Состояние перед атакой сложно передать словами. Страх, который подавлял бы мою волю, у меня не было, но я, конечно, понимал, что могу погибнуть. Эта мысль свербилa в голове, и спрятаться от нее было невозможно.

Взвизывая красная ракета положила конец моим переживаниям. Крикнув механику-водителю: «Вперед!», я подался вперед к приборам наблюдения. Мы прошли жиденькую цепочку пехоты, которая должна была подняться за нами и сопровождать танки, и в это время открыла огонь наша артиллерия, накрыв немецкие позиции. Ответного огня пока не было.

⁶ Генерал-лейтенант танковых войск Василий Васильевич Бутков, в оригинальном тексте автора – Будков. Интересно, что аналогичным образом оговорился и Маршал Советского Союза А.М.Василевский в книге «Дело всей жизни». (Прим. ред.)

⁷ Командно-наблюдательный пункт. (Прим. ред.)

Когда танки подошли к проходам в минных полях, подготовленных саперами, немцы открыли огонь. Пехота залегла. Мои танки слева и справа начали отставать, танк справа загорелся. Я вырвался вперед: естественно, почти весь огонь был сосредоточен на моем танке. Вдруг удар – искры, пламя, и неожиданно стало светло. Я подумал, что это люк заряжающего открылся. Кричу:

– Акульшин, закрой люк!

– Нет люка, сорвало!

Надо же было болванке попасть в проушину и сорвать люк! До противника оставалось метров двести, когда немецкий снаряд попал в лобовую броню танка. Машина остановилась, но не загорелась. После боя я увидел, что болванка, выпущенная практически в упор, пробилла броню возле стрелка-радиста, убив его осколками, и ушла под люк механика, вырвав его. Ударом меня оглушило, и я упал на боеукладку. В это время второй снаряд пробил башню, убив заряжающего. Мое счастье, что я упал контуженный, а то мы бы вместе погибли. Пролежал я, видимо, недолго. Очнувшись, увидел механика, лежащего перед танком с разбитой головой. Так я и не понял: то ли он пытался выбраться и был убит миной, то ли был смертельно ранен в танке и последним усилием воли выбрался из танка. В своем кресле сидел убитый стрелок-радист, на боеукладке лежал мертвый заряжающий. Осмотрелся – кулиса сорвана и завалена осколками. Немцы уже не стреляют, видимо, решив, что танк уничтожен. Возбравшись на свое сиденье, я осмотрел в панораму местность – два остальных танка взвода горели неподалеку. Я перебрался на место механика-водителя, завел танк сжатым воздухом, забил заднюю передачу и начал двигаться. Немцы открыли огонь и несколько болванок ударились о броню. Я прекратил движение, решив подождать начала наступления бригады. Вскоре наша артиллерия открыла огонь по выявленным огненным точкам, а затем в атаку пошли танки и пехота, которые выбили противника с его позиций. Когда вокруг стало тихо и я вылез из танка, ко мне подошли Коля и заряжающий сержант Леоненко с другого танка моего взвода – нас из взвода трое живых осталось. Леоненко матом на меня:

– Вот что, лейтенант, больше я с тобой воевать не буду! Ты только людей губишь! Пошел ты с твоими танками! Я тебя об одном прошу: скажи, что я пропал без вести.

– Прекрати дурака валять! – возразил я. – Вчера сколько мы танков потеряли впустую? А сегодня дали фрицам прикурить!

– Нет, я больше не хочу в этих коробках гореть. У меня есть водительские права. Я сейчас уйду в другую часть шофером.

– Ладно, иди куда хочешь.

Когда стали разбираться, кто погиб, и не нашли его тела, представитель СМЕРШа спросил меня, не видел ли я его. Я, как мы и договорились, сказал, что не видел, видимо, он пропал без вести... Вот после этого боя я по-настоящему стал воевать.

Чуть больше недели я пробыл в медсанвзводе бригады, поскольку контузило меня прилично, шла носом кровь, а потом перешел в резерв батальона. Но не успел я отдохнуть, как был назначен командиром взвода взамен погибшего. Коля принял танк в другом взводе. Опять бои. Сколько их было?! Все не упомнишь. Были удачные, были неудачные. День провоевали, остановились, привели технику в порядок, заправились ГСМ и снарядами, сами поели и спать. Утром опять пошли. Может быть, тебя подбили, – тогда пошел в резерв батальона. Потом получаешь новый танк с чужим экипажем. Вот так по кругу, пока в медсанбат не попадешь или не сгоришь.

Кстати, один раз я действительно чуть не сгорел. Где-то между Орлом и Брянском мой танк подбили, и он вспыхнул. Я крикнул: «К машине!», схватился за край люка и резко подтянулся на руках. Однако фишка ТПУ⁸ была плотно вставлена в колодку, и, когда я оттолкнулся

⁸ Танкового переговорного устройства. (Прим. ред.)

и полетел вверх, штекер не вышел из гнезда, и меня рвануло вниз на сиденье. Заряжающий выскочил через мой люк, а я уже за ним. Спас танкошлем – он плохо горит, поэтому обгорели только лицо и руки, но зато так, что все волдырями покрылось. Отправили меня в медсанбат, ожоги смазали мазью, а на руки надели проволочные каркасы, чтобы кожу не царапать. В дальнейшем, когда прибывали новые экипажи, я заставлял всех разъемную колодку подчищать, чтобы она свободно отключалась.

Выскочить из горящего танка не так просто. Главное, не потерять самообладание. Температура в танке резко повышается, а если огонь тебя лизнул, тут уже полностью теряешь контроль над собой. Механику почему тяжело выскочить? Ему надо крюки снимать, открывать люк, а если он запаниковал или его огонь схватил, то уже все – никогда он не выскочит. Больше всего, конечно, гибли радисты. Они в самом невыгодном положении – слева механик, сзади заряжающий. Пока один из них дорогу не освободит, он вылезти не может. А счет-то на секунды идет! Так что выскакивает командир, выскакивает заряжающий, а остальным как повезет. Выскочил и кубарем катишься с танка. Я уже после войны задумался: «А как же так получается, что, когда ты выскакиваешь, ничего не замечаешь, вываливаешься из башни на крыло, с крыла на землю (а это все-таки полтора метра), никогда я не видел, чтобы кто-то руку или ногу сломал, чтобы ссадинки были?!»

Тяжелый бой был за станцию Брянск-товарная. Лил дождь. Мы с трудом форсировали какую-то речушку и ворвались на станцию, на которой стоял эшелон с подбитыми танками, которые немцы хотели отправить на переплавку. Не разобравшись, мы доложили, что захватили эшелон с танками. Нас потом здорово отругали! Освободив Брянск, мы пошли в преследование. Немцы отступали, оставляя легкие заслоны, сбивать которые не представляло большого труда. Уходя, они забирали с собой все молодое население оставляемых территорий и гнали его под охраной полицаяев с собой. Не раз мы догоняли такие группы. Охрана, увидев танки, разбегалась в разные стороны. Освобожденные нами люди бросались к нам со слезами, плачем, радостью. В Новозыбкове мы освободили такую группу и остановились на ночлег все вместе в здании школы. Познакомились. Мне запомнилась Мария Барина из села Авдеевка. Ей было тогда 32 года, у нее было двое детей, с которыми она шла в изгнание. Вскоре на центральную площадь, где стояла виселица и раскачивалось несколько тел пожилых мужчин, повешенных немцами при отступлении, пришла толпа местных жителей. Впереди, со связанными за спиной руками, шел человек, лицо которого представляло сплошное кровавое месиво. Расспросив кого-то из собравшихся, мы выяснили, что это местный староста, ответственный за гибель в том числе и этих несчастных стариков. Тела повешенных сняли, а его казнили. Вернувшись в школу, мы с Марией накопили в огороде картошки и сварили ее на костре. Появился самогон. Я хоть и не любил пить, но выпил. Ночь мы с ней полюбезничали, я стал ее мужчиной, а утром команда: «Вперед!» Провожая меня, она говорила, чтобы я приезжал после войны: «У меня муж погиб. Приезжай, поженимся. У меня дом в Авдеевке есть, участок большой, хозяйство». Что я мог ответить? До конца войны еще надо было дожить. Да и разница в возрасте, хотя в танкошлеме, в комбинезоне, весь чумазый, я, наверное, выглядел лет на тридцать.

Остановился наш корпус на реке Сож. Немцы выстроили хорошую оборону, прорвать которую наш потрепанный корпус уже не мог. Все танки корпуса были сведены в 89-ю бригаду. Я был назначен командиром взвода в 203-й танковый батальон. В середине октября, совершив 150-километровый марш, бригада сосредоточилась в лесу северо-западнее города Унеча. Вскоре батальон погрузился в эшелон. Разгружались недалеко от Великих Лук на станции Великополье. Совершив короткий марш, сосредоточились в районе Липец. Осень 1943 года в средней полосе России выдалась дождливая. Низкие серые тучи висели над самой головой. Дороги превратились в грязевые потоки. Одежда на солдатах и офицерах почти не просыхала. В такую погоду накатывает состояние безысходности и желание залезть

на хорошо протопленную русскую печь и уже никогда не спускаться с нее. В один из таких промозглых осенних дней меня вызвал к себе в землянку ротный.

– Брюхов, срочно к командиру батальона, – сообщил он мне.

– Зачем?

– У комбата узнаешь, – нехотя ответил ротный и наклонился над планшетом с картой, давая понять, что разговор окончен.

Пройдя немного по лесу, я разыскал комбата, сидевшего под навесом из танкового брезента.

– Товарищ капитан, – доложил я ему. – По вашему приказанию лейтенант Брюхов явился.

– А! Отлично. У зампохоза получишь сухой паек на сутки. Через полчаса в штаб тыла фронта идет «Студебеккер». На нем доедешь, найдешь прокуратуру и Военный трибунал. Доложишь им о прибытии, – комбат замолчал.

Вот это дела! От одного словосочетания «Военный трибунал» мурашки по коже. В голове сразу рой мыслей: «Зачем? Что я натворил? Может, что-то сказал? Вроде нет...» Мое состояние было написано на лице.

– Что, переживаешь? – мягко спросил комбат. – Не волнуйся. Меня просили подобрать молодого, уже побывавшего в боях, физически сильного, крепкого офицера. Вот я тебя и выбрал. А вот для чего такой человек им понадобился, я тебе не скажу. Узнаешь в трибунале.

Напряжение несколько спало, однако отсутствие ответа на вопрос «Зачем?» продолжало угнетать. Приказ есть приказ – я быстро получил сухой паек, закинул вещмешок за спину и с тяжелым сердцем уселся в кабину «Студебеккера». Не покидала тревожная мысль, что все это неспроста. Еще и еще раз я мысленно прокручивал события последних дней. Нет, вроде все в порядке. Проехав около двадцати километров по раскисшей дороге, машина остановилась в небольшой деревеньке. Водитель подсказал дом, в котором располагался трибунал. Там меня уже ждали. Я даже не успел доложить о прибытии, как находившийся в комнате подполковник перебил:

– Лейтенант Брюхов?

– Так точно!

– Мы тебя уже ждем. Тебе поручено сопровождать трех сержантов-танкистов, осужденных Военным трибуналом к шести месяцам штрафной роты, к месту их новой службы. Транспорта у нас нет, так что поведешь их пешком. Рота находится примерно в 120 километрах от нас. Думаю, за трое суток дойдете.

– Как же я буду сопровождать один троих? – с отчаянием в голосе спросил я.

– Вот так и будешь! – жестко ответил подполковник. – Получишь паек на четверых на трое суток. Вот карта. Штаб роты находится вот здесь, – он ткнул пальцем. – Найдешь командира, сдашь ему арестантов. Получишь справку и привезешь ее мне. Смотри, задание ответственное. Убегут – придется еще раз проделать тот же путь, но уже в другом качестве. Давай, действуй! – закончил он.

Взяв карту, я пошел на склад получать паек. В голове прикинул, как лучше выполнить задание. Решил, что самое сложное – это охрана осужденных ночью, но две ночи можно и не поспать. С этими мыслями я отправился в комнату приема знакомиться с моими «попутчиками». Конвой привел осужденных. Бросилось в глаза, что все они старше меня. Из их документов я уже знал их данные, знал, за что они были осуждены. Я решил, что правильнее будет наладить с ними человеческий контакт, чем строить из себя начальника. Для начала я выяснил, что все они еще довоенного призыва. Двое проживали в сельской местности, но по работе были связаны с механизмами – один работал шофером, другой трактористом. Третий был призван из районного центра, где работал молотобойцем в кузнице. Из них он вел себя

наиболее раскованно, да и общность довоенного труда быстро сблизила нас. На вопрос о том, за что был осужден, ответил:

– Погорячившись, повздорил с таким же молоденьким, как и вы, лейтенантом. Ударил его, разбил нос. Меня скрутили. Дали десять лет с заменой шестью месяцами штрафной роты.

«Тракторист» воевал механиком-водителем с 41-го года. Когда его подразделение находилось в выжидательном районе, к его танку подошла молодая женщина, попросила солярки. Он налил ей ведро и вызвался донести до дома, да так и остался у нее. Заснул, проснувшись ночью, побежал в расположение части, а танки ушли. Поскольку он никому не сказал, куда ушел, его не нашли, и за рычаги сел механик-водитель из резерва. Его обвинили в дезертирстве и осудили на десять лет с заменой шестью месяцами штрафной.

«Водитель» подвозил продукты и прихватил буханку хлеба и пару банок тушенки. Угостив одного солдата, он, видимо, сболтнул об этом, и тот его выдал. Его обвинили в хищении государственной собственности. Осудили на пять лет с заменой тремя месяцами штрафной.

Эти бесхитростные рассказы сняли камень с моей души – осужденные не были закоренелыми преступниками и попались по своей глупости. Я рассказал им, куда их веду, обозначил маршрут и определил время выхода. Также я предупредил, что убежать будет нетрудно, но смысла это не имеет, поскольку все равно поймают и расстреляют как дезертиров, сообщив об этом на родину. «Таким поступком покроете позором не только себя, но и всю родню, – сказал им я. – В штрафной же может и повезти – или ранят, или, может быть, представят к снятию судимости». К моему удивлению, меня выслушали внимательно, восприняв мои слова как должное. На этом я прервал свои нравоучения, понимая, что им и так тошно.

Распрощавшись с начальником караула, я построил осужденных и во главе их вышел под мелкий осенний дождик месить грязь фронтовых дорог. Идти было трудно. Дорога представляла собой две глубокие колеи, заполненные водой. Обочин как таковых не было. Через час пути я сделал привал и, посмотрев по карте, понял, что прошли мы 3–4 километра. Не густо! Таким темпом и четырех суток может не хватить, чтобы добраться до места. Могу ли я доверять этим трем людям? Хоть один убежит, и все! Мне придется отвечать. Я искал выход, но пока не находил.

Встали и пошли дальше. Мимо проехало несколько машин – кузова доверху загружены, в кабине одно-два места. Сесть в такую машину вчетвером невозможно. Медленно плетемся по грязи. Ноги разъезжаются, на сапоги налипают комья грязи, превращая отсыревшую обувь в неподъемные колодки.

Поздним вечером добираемся до небольшой деревушки. Постучали в один домик, нас пустили. Скинули обувь, у печки повесили сушиться портянки. Хозяйка нас ни о чем не спрашивала: видимо, за два года войны через их дом прошло столько солдат обеих армий, что им было совершенно все равно, кто мы и куда движемся. Устали мы настолько, что, не поужинав, улеглись на полу, и мои арестанты мгновенно уснули. Я же бдительно охранял их всю ночь, не сомкнув глаз. Утром, когда они проснулись и увидели, что я не сплю, «молотобоец» спросил:

– Ты че, лейтенант, так и не спал?

Я промолчал. Видимо, поняв, он буркнул:

– Ну и дурак. Куда мы денемся?

Я не хотел затевать этот разговор и наклонился к своему мешку, доставая продукты для завтрака. Хозяйка сварила чугунок мелкой картошки, и, плотно позавтракав, мы продолжили свой путь. Весь день я старался держать темп 4 километра в час, делая десятиминутный привал через каждые пятьдесят минут. Наручных часов у меня тогда не было, и я пользовался снятым с танка здоровым хронометром. Бессонная ночь давала о себе знать – на привалах я засыпал. Как мы ни старались, а прошли только 25 километров. Ночевали в

деревне. Арестанты как легли, так и захрапели, а я опять сидел, охранял их. Глаза слипались, голова падала на грудь, но тут же я просыпался, проверял, на месте ли мои подопечные, и все повторялось заново. Утром «молотобоец» говорит:

– Лейтенант, что ты не спишь, вторую ночь бодрствуешь? Куда мы убежим? Сам же говорил – поймают и расстреляют. И хватит месить грязь. Делаем так: останавливаем машину, уточняем, куда она едет и где сворачивает с нашего маршрута. Те, кто едет, выходят на том повороте и ждут остальных. Как, лейтенант? Подходит?

Мне нечего было возразить – я понимал, что еще одной бессонной ночи не выдержу. Так, на попутках, на третий день мы отмахали 50 километров. Никто не убежал, и я повеселел и успокоился. Ночью я уже спал вместе со всеми. К концу четвертого дня пути мы добрались до расположения штрафной роты, которая была отведена с передовой для пополнения переменным составом. Располагалась она в добротных строениях, использовавшихся немцами под склады.

Оставив своих подопечных в приемной, я зашел в комнату, в которой располагался штаб роты. За столом сидел капитан. Я доложил, что привез троих осужденных. Оторвав голову от бумаг, командир выслушал меня, потом встал, вышел из-за стола, протянул руку и указал на стул. Я сел, а он, присев на край стола, сказал:

– Добре. Давай знакомиться.

Вкратце я изложил свою боевую биографию. Она произвела на комбата хорошее впечатление, и он внимательно посмотрел на меня:

– А я думал, ты еще салажонок. Уж очень ты молодо выглядишь.

Я смутился и замолчал. Командир вызвал помпохоза и приказал зачислить троих осужденных в состав роты. Я расслабился – кончились мои мытарства. Задание выполнено, и через несколько дней я уже буду в родном батальоне. Мы еще немного поговорили с капитаном, как вдруг заходит помпохоз:

– Товарищ командир, принять осужденных не могу.

– Почему?! – недовольно спросил комбат.

– У них нет зимнего обмундирования, а мы получили только на наличный состав. Пока они где-то болтались, мы перешли на зимнюю форму одежды.

– Что же делать? – участливо спросил капитан.

– А все очень просто – пусть лейтенант забирает своих хлопцев и везет их обратно. Там получают зимнее обмундирование, и везет их к нам, а мы их тут примем!

Я едва не упал со стула от этих слов, представив себе путь туда и обратно. Мне буквально стало дурно, и, видя мое состояние, капитан подал стакан воды:

– Успокойся. – И, обращаясь к помпохозу:

– Может, все же примем? Жалко парнишку. Посмотри на него, на нем лица нет.

– Не можем, товарищ командир, – стоит на своем помпохоз.

– Ладно, сейчас уже поздно. Пусть осужденные ночь проведут на нашем приемном пункте, а лейтенанта я возьму к себе на постой. Утром решим, что делать.

Помпохоз ушел. Капитан повернулся ко мне:

– Успокойся, лейтенант, что-нибудь придумаем. Пошли ко мне, поужинаем.

Войдя в располагавшуюся недалеко землянку, командир роты распорядился:

– Петрович, накрывай ужин на двоих.

Пожилой солдат быстро накрыл стол. Надо сказать, что начальство роты не бедствовало. На столе было много закуски, появились и две бутылки водки.

– Ты небось и водку-то пить не умеешь, – ухмыльнулся капитан.

– Умею, умею, не беспокойтесь, товарищ капитан, – захорохорился я.

– Ну, тогда давай! – Смерив меня взглядом, он налил чуть больше полстакана мне и полный – себе.

– Давай, за твоё безнадежное дело.

Чтобы угодить капитану, я единым духом опорожнил стакан и схватился за закуску. Капитан выпил, медленно поставил стакан и посмотрел на меня:

– Молодец, хлопец. Вижу, умеешь. Ну а теперь закуси хорошо.

Пил я всегда неохотно и чаще всего отдавал свои сто граммов экипажу. С непривычки я быстро захмелел, обмяк, расслабился. Тревоги четырехдневного пути оставили меня. Закусив, капитан налил еще по стакану.

– Ну, давай! Твое здоровье! – и, не дожидаясь меня, выпил.

Что было дальше, я помню смутно. Утром проснулся в землянке командира роты.

– Ну, герой! Я тут, пока ты спал, принял твоих мазуриков. Сейчас оформлю расписку, и езжай домой.

Радости моей не было предела.

– Давай теперь позавтракаем – дорога тебе предстоит длинная.

Стол был уже накрыт. Капитан налил себе полстакана водки, я отказался. Выпив, он разоткровенничался:

– Скажу тебе, что принимать твоих солдат мне вообще-то было не с руки. Как только я укомплектую роту, так тут же меня отправят на передовую воевать.

Я не стал развивать эту тему, лишь спросил, как служится в штрафной.

– Командиры все кадровые. Штабная категория всех офицеров на одну ступень выше, чем в обычных войсках. Тройной оклад, год службы идет за три, а не за два. У офицеров летная норма. Самое же главное, офицеры не обязаны в тяжелой ситуации личным примером вести солдат в бой.

Закончив завтрак, я попросил капитана разрешения попрощаться со «своими» штрафниками. Он их вызвал, и я пожелал им выжить и поблагодарил за помощь в пути.

В прокуратуру фронта я добрался за два дня, получил благодарность за выполнение задания и вернулся в свою часть.

Только к концу октября прибыл 202-й батальон бригады. Совершив 80-километровый марш, бригада 15 ноября 1943 года сосредоточилась на окраине села Сергейцево недалеко от города Пустошка.

В роте был командир танка Нейман, шустрый еврейчик. Помню, что по дороге в Калинин он очень красиво пел, а как на формировке встали – замолк и ушел в себя. Может быть, предчувствовал что-то или просто испугался. Во время совершения марша он приказал механику:

– Стой! Что-то мотор работает неравномерно.

– Как неравномерно? Я все отрегулировал! – возмутился механик.

– Я приказываю! У меня слух хороший, что-то не работает. Остановимся, подождем зампотеха.

Механик не стал спорить, съехал на обочину. Идет танк, Нейман его останавливает:

– Зампотеха нет?

– Нет. А чего стоишь?

– Да что-то двигатель плохо работает.

– Да? А стартер исправен? А то у меня барахлит.

– Исправен.

– Ну, дай мне его, а себе мой поставь. – Обмениваются стартерами.

Едет следующий танк:

– Что у тебя?

– Стартер не работает.

– А аккумуляторы хорошие?

– Хорошие, недавно получили.

– Ну, давай махнемся.

Вот так он за ночь свой танк на запчасти и раздал. Экипаж промолчал. Когда зампотех приехал, то, конечно, танк был неисправен, и его пришлось отправить в ремонт. Однако кто-то доложил об этом эпизоде в особый отдел. Хотели его судить, но пожалели – пересадили на другой танк.

На следующий день мы пошли в наступление с задачей овладеть деревней Лакуши. Надо сказать, что в районе Невеля – Пустошки была лесисто-болотистая местность. Воевать там – это суший ад. Я за три месяца боев ни разу не видел, чтобы хотя бы батальон танковый развернулся, не говоря уже о бригаде! Танки двигаются по дорогам, чуть в сторону свернул – застрял, да так, что вытащить невозможно. Сплошного фронта не было. Немцы строили оборону опорными пунктами, понимая, что обойти их практически невозможно.

Наступали вдоль большака, но, поскольку местность была болотистая, батальон развернуться не смог и наступал в колонне, поддерживаемый пехотой 51-го гв. стрелкового полка 18-й гсд. Подойдя к деревне, были встречены артиллерийским огнем, но с ходу ворвались в деревню, потеряв один танк, и, продолжая наступление, овладели деревней Васютино. 18 ноября батальон получил задачу наступать на Васьково. В бою принимало участие всего шесть танков и три САУ СУ-122. Взять деревню этими силами мы не смогли, но продвинулись метров на пятьсот, уничтожив опорный пункт немцев, потеряв при этом один танк. Закрепившись на этом рубеже, батальон до 20 ноября активных боевых действий не вел, а 21 ноября последовал приказ о передаче танков 78-й Невельской и 92-й бригадам. Батальон отошел с занимаемых позиций в район Тимонино. Однако 22 ноября противник предпринял контрудар из района Сергейцево. Одновременно по перешейку между озерами Жадра и Островито просочилась его пехота, которая захватила Наумово. Одновременно противник захватил Лакуши. На следующий день наступавшие от Сергейцево и из Наумово группировки противника соединились, окружив часть наших войск. В связи со сложившейся обстановкой передача танков была приостановлена. Вечером 23 ноября батальон, в котором имелось 11 танков, выступил в район деревни Луга с задачей совместно с 53-м и 51-м ГСП атаковать в направлении Наумово, уничтожить противника и развивать наступление в направлении Лакуши. Однако мы были встречены плотным артиллерийским огнем. Потеряв подбитыми четыре танка, откатились в овраг северо-восточнее д. Луга. 24 ноября немецкая пехота, при поддержке танков, продолжила атаку. В середине дня бригада получила приказ совместно с 51-м ГСП отразить немецкую атаку и овладеть Хишнево. Мы начали наступление вдоль большака в направлении Хишнево, но вскоре были встречены сильным огнем и отошли по приказу командира 18-й ГСД, потеряв сожженными пять танков и подбитым один. Оставшиеся танки заняли оборону по северной окраине д. Луга. Огнем с места попытки противника прорваться и захватить деревню были отбиты. На следующий день противник силами до батальона пехоты, при поддержке 15 танков Т-4 и двух самоходок, неоднократно атаковал наши позиции, но был отброшен. К концу дня его пехоте удалось просочиться в стыке 51-го и 53-го ГСП и захватить северную окраину деревни и подтянуть артиллерию. В результате контратаки оставшихся семи танков бригады четыре были подбиты, а оставшиеся три отошли в направлении Торчилово. Всего за день бригада потеряла четыре танка подбитыми и один сгоревшим, при этом уничтожив самоходное орудие, один танк и 75-мм пушку противника.

26 ноября вечером экипаж сходил на кухню, ребята получили кашу в котелках за завтрак и обед, принесли поллитровку водки на четверых и уснули. Утром просыпаемся: бригады нет. Приходит офицер из штаба 92-й бригады: «Вы переданы в нашу бригаду». – «А наша где?» – «Ваша пошла на пополнение, а вы еще с нами повоюете». Вот так я стал командиром взвода в 299-м танковом батальоне, а Коля Максимов – командиром танка. Несколько дней стояли в обороне. Наступление немцев на этом направлении было остановлено, но

они нанесли удар в районе деревень Торжок и Турки-Перевоз. 2 декабря 299-й батальон, в который были сведены все танки, с приданным ему 1453-м САП был переброшен в район деревни Лешни. На следующий день, совершив марш вдоль линии фронта, мы заняли оборону в 2 километрах северо-западнее Сомино. До 16 декабря стояли в обороне. 16 декабря бригада сосредоточилась восточнее деревни Дербиха. Задача батальона была после артиллерийской подготовки совместно с 1453-м САП и частями 115-й стрелковой дивизии форсировать реку Долыссица возле деревни Гатчино и развивать наступление в направлении деревни Торжок. В батальоне оставалось десять танков, а в самоходном артиллерийском полку – пять установок. Форсировали реку по наведенному мосту под огнем противника, потеряв два танка и одну самоходку. Прорвав оборону противника, вечером подошли к деревне Торжок и захватили ее. Пехота атаку не поддержала. Оставшись одни, заняли круговую оборону. Немцы нам обратно дорогу перерезали, подтянули противотанковые орудия и в итоге сожгли два танка и две самоходки. В этом бою, продолжавшемся всю ночь, погибли командир взвода, командир роты, а командир батальона капитан Кожанов и еще один командир роты сбежали. Правда, к утру они, видимо, очухались и оба втихаря вернулись. К этому времени я уже принял командование остатками батальона и решил организовать прорыв из этой ловушки назад, чтобы выйти тем же путем, что и пришли. Тут появляется наш комбат, весь мокрый, и орет: «Вперед! Братья кровь проливают, а вы тут сидите!»... Но в это время нам передали по радио, чтобы мы оставались на месте и держали оборону, а нам на выручку идут танки бригады. Немцы нас не атаковали, только обстреливала их артиллерия. Одним из снарядов был убит капитан Кожин, и батальон принял капитан Жабин. Вскоре подошли танки и грузовики с горючим и боеприпасами. Бригада ушла вперед, а мы остались дозаправляться горючим и снарядами, приводить танки в порядок.

Утром 18 декабря проскочили километра четыре, и надо же так получиться, что мы наскочили на командный пункт командира 370-й стрелковой дивизии, с которой к этому времени взаимодействовала наша бригада. Полки дивизии безуспешно штурмовали населенный пункт Демешкино. Командир дивизии нас задержал и приказал поддержать его пехоту. Комбат сказал: «У меня танк неисправный. Ты бери три танка – и вперед». Вышли вперед на рекогносцировку. Я сразу сказал: «Товарищ полковник, у вас танки горят». Видно было: на снегу перед деревней чадающие черным дымом костры. «У вас танки горят. Что мы сделаем тремя танками? Ведь погибнем ни за что!» – «Молчать, расстреляю! Выполнять приказ!» Повел я взвод в атаку. Пехоту, лежавшую внизу в ложине перед деревней под шквальным огнем, мы прошли, ворвались на окраину деревни, и здесь нас один за другим сожгли. Мне сперва в борт попали, потом в ходовую часть. Танк загорелся, я выскочил, а остальные, видимо, не успели. Вот и все. Весь экипаж погиб. Меня пехота огнем прикрывала, и я отполз к своим. В живых остались я, Коля Максимов и механик-водитель с другой машины. Вернулись на исходную позицию, подошли танки 29-й гвардейской бригады. Я вызвался их повести десантником на танке. Это был первый и последний раз, когда я воевал как десантник. Когда вырвались на передний край, всех, кто был на танке, как ветром сдуло. Оставшись один, я, как уж, вертелся за башней. Казалось, что все пули летят в меня. Свист пуль, скрежет рикошетирующих о броню осколков вдавливали в броню. Это ужас! Как я уцелел – не знаю... Тем не менее в этой атаке мы взяли деревню. Помню, набрали трофейных галет, консервов – питание у нас было неважным.

На следующий день мы сдали танки 29-й гвардейской танковой бригаде и вышли из боев.

1944

Расположились в землянках недалеко от деревни Долгое, что под Великими Луками. Вокруг только глухой лес, в километре виднелась приземистая избушка. В ней жили старуха с молодухой. Был у нас командир взвода, подольский парень Иван Баркалов – единственный, фамилию которого я и по сей день помню. Ему уже было за тридцать, женат, имел двоих детей. Он договорился с этой молодухой, что придет к ней ночью. Мы получали офицерский паек, в который входила 800-граммовая банка американской колбасы, – ее делили на двоих. Вот приходит ко мне этот Баркалов и говорит: «Я тебя прошу, дай мне эту банку. Я в гости пойду, они там голодают». – «Бери, пусть поедят». Утром он возвращается, возвращает банку, хохочет. Я ему: «Что ты ржешь, как конь? Что же ты не отдал?» – «Она тощенькая. Быстро уснула. Я утром проснулся, банку забрал и ушел». – «Какой же ты негодяй! Иди, отдай!» – «Не отдам. Хочешь, сам иди».

Новый, 1944 год мы встречали без каких-либо торжеств. Снег повалил, холодина. Мерзли в холодных землянках. В январе нам объявили, что бригада направляется под Нарофоминск на переформировку. В середине января личный состав бригады прибыл в лагерь под Нарофоминск. Разместились в небольших землянках: 18 офицеров в одной, солдаты в другой и штаб бригады в третьей. Это было все, что осталось от бригады. Тут опять мне пришлось схлестнуться с Баркаловым. Кухня находилась в отдельной землянке, куда мы ходили с котелками. После еды мы их рядом ставили на полку, прибитую к стене. Как-то Баркалов, развалившись на топчане, говорит одному из офицеров:

- Слушай, принеси мне еду. Неохота идти.
- Что я тебе, денщик, что ли?! – возмутился тот. – Ничего я тебе носить не буду.
- Тогда я сейчас все котелки перестреляю.
- Хватить дурить!
- Что, слабо, думаешь?
- Может, и слабо.

Баркалов выхватывает пистолет и сколько было патронов всаживает в эти котелки. Благо стрелял с трех шагов – промахнуться невозможно. Я вскипел, бросился на него... Подрались мы капитально: у меня до сих пор шрам на верхней губе от удара головой. Конечно, нас растащили. Никто докладывать об инциденте не стал. Придумали версию о том, куда делись котелки, и нам их заменили.

Нам было объявлено, что бригада расформируется, а на ее базе создается 4-й отдельный мотоциклетный полк. Пока разрабатывались штаты, подбирался на должности личный состав, офицеры были предоставлены сами себе. Попытка организовать учения не получилась. Часто ходили в Нарофоминск на танцы, а также к зенитчицам, стоявшим в деревне недалеко от лагеря. Как всегда, от нечего делать начинаются чудачества. Заместитель командира батальона по политчасти Кибальник начал домогаться до молодой, красивой фельдшерицы лет двадцати двух. Она ни в какую. Он следил за каждым ее шагом, поставил пост возле землянки фельдшеров и лично инструктировал солдат на посту, чтобы никого к ней не впускать, а ее не выпускать. Однажды не застал ее в расположении части и объявил тревогу, якобы учения. За офицерами, бывшими в Нарофоминске на танцах, послали машину. Девчонка, чувствуя такое давление и не желая этого замполита, нашла себе младшего лейтенанта и стала с ним жить. Тогда Кибальник стал преследовать этого офицера, наговаривать на него командиру бригады, обвинять в нечистоплотности, в сожительстве с этой «мадам». К счастью, командир бригады разобрался по-человечески. Вскоре часть расформировали: девушка уехала в одну сторону, младший лейтенант в другую, но Кибальнику она не досталась.

В марте меня вызвали в штаб бригады и предложили должность командира роты в мотоциклетном полку. Я категорически отказался, безапелляционно заявив:

– Я мотоциклы не знаю, никогда на них не воевал. Как был танкистом, так им и останусь! Что это за война на мотоциклах?!

Я действительно не представлял себе военных действий на мотоциклах.

– Пошлем на взвод, – ответил начальник штаба бригады.

– Посылайте на взвод. Не возражаю.

Следом вызвали Колю Максимова. Он тоже отказался от предложенной должности командира мотоциклетного взвода, сказав, что останется командиром танка. Нам двоим и еще трем или четверем офицерам были выданы личные дела, и мы направились в полк резерва офицерского состава при Главном Управлении БТМВ⁹ в Москву. В моем личном деле лежало представление на орден Отечественной войны и следующее звание «старший лейтенант». В Москву мы прибыли в середине апреля. Коля показал мне город, познакомил с родственниками, жившими в квартире на Гоголевском бульваре, там мы и ночевали. Я познакомился с его сестрой. Она была с 1927 года, уже замуж вышла, и ее муж был тяжело ранен под Сталинградом, оставшись инвалидом 1-й группы; потом он работал водителем. По Москве мы ходили, но мало времени было. Я навестил своих знакомых, друзей, там две девчонки со мной учились... Помню, я уже начал мыслить про академию, и, провожая нас, Колина мать говорила: «Как только война закончится, останетесь живы, приезжайте. Будете жить с нами, не надо никакого общежития».

30 апреля мы перешли в запасной полк. Приезжаем в полк, приходим в казарму на Песчаной, а на наших койках записка: «Прибыть в штаб полка, получить предписание на получение танков в Нижний Тагил». В штабе все оформлено, выписаны проездные – срок убытия, срок прибытия, билеты. И 30 апреля, не дожидаясь Первомая, мы поехали в Нижний Тагил. В Перми у меня работала сестра, а мать в Осе: ехать до нее на автобусе часов 8, а теплоходом почти сутки. Я вышел в Перми, постоял-постоял на вокзале, думаю: «Что я туда приеду? Там детей полно, отец один работает, а у меня ничего нет, кроме сухого пайка». Мать потом здорово ругалась, когда узнала, что я мимо проезжал, но не зашел. Она говорит: «Это только ты можешь сделать, больше никто». Я действительно свободно мог заехать: промежуток был большой, плюс можно было сослаться на то, что заболел. Придумать можно было! Но я вот так поразмыслил – и не поехал.

В Нижнем Тагиле мы погрузили танки на 60-тонные платформы. Под гусеницы ставили деревянные колодки, крепили их железными скобами. Спереди и сзади крепили танки растяжками из толстой проволоки, цепляя их за кольца на платформе и крюки, приваренные к броне танка. Сверху натянули танковый брезент, создававший тканевый шатер, под которым можно было отдыхать во время пути.

Рота разместилась в товарном вагоне, в котором стояли сколоченные нары. На них спали, они же служили лавками. Стояло лето. Частенько мы стояли у открытой двери вагона и, опершись на балку ограждения, всматривались в пролетающие мимо поля и луга с работающими на них женщинами и подростками. Завидев эшелон, они отрывались от работы, вставали, распрямлялись, махали нам вслед руками. Эшелону с танками давали «зеленую улицу»: мы останавливались только для смены паровоза и бригады, и в это короткое время роты успевали поесть в столовой. Мелькали полустанки, кишащие людом станции. Везде шла бойкая торговля разной снедью и поношенными вещами. Много было калек: кто на тележке, кто на костылях или с завернутым в карман рукавом. Толкались люди в военной форме, которые, исполнив свой долг, добирались домой. Долго еще потом они будут прихо-

⁹ Бронетанковых и механизированных войск. Использовалась также аббревиатура «БТиМВ». (Прим. ред.)

дить на вокзалы встречать и провожать воинские эшелоны в надежде увидеть знакомого или передать привет сослуживцам в свою бывшую часть.

Нам строго предписывалось никого на платформы не допускать, «попутчиков» не сажать. Но сколько же было желающих! Они, согнанные войной с насиженных мест, двигались обратно на родину. Всеми правдами и неправдами пробирались на платформы, забивались под тенты. Когда обнаруживались такие «зайцы», посмотришь на потрепанный, жалкий вид некогда красивой девчонки, тоску, грусть и испуг в ее глазах – и мужества не хватает их ссаживать. Дрожа от холода и страха, терпя невзгоды пути, добирались люди до своего покинутого дома. Другие везли невесть где и как приобретенные зерно и картофель, чтобы весной посеять и прокормить себя и свое семейство. Жесткое было время...

По утвержденному начальником эшелона графику я заступил дежурным. Проверил караул, посты, связь, доложил о приеме дежурства и приступил к выполнению своих обязанностей. К утру хотелось спать, но я, как мог, боролся со сном. Чувствую – поезд остановился. Приоткрыл дверь вагона, в лицо ударила приятная утренняя прохлада. Спрыгнул на насыпь, огляделся: стоим на разъезде. Впереди маячит одинокая сторожка, возле нее с флажком пожилая женщина в телогрейке, подпоясанной ремнем. Я потянулся до хруста в суставах, по привычке сделал несколько упражнений для рук, размялся и направился вдоль состава. Рядом с танками, на открытых площадках, крепким сном спали «пассажиры»: кто сидя, кто лежа на своих узлах. Мне было жаль этих людей, и я уже не терзался, что нарушил устав, оказав им помощь. Вдруг на одной из платформ мелькнула тонкая мальчишеская фигурка. Подросток, перебираясь от одной группы людей к другой, что-то высматривал, ощупывал и перебирал узлы. Я пригнулся, осторожно пролез под платформой, – худенькая фигурка метнулась за танк. Так и есть, воришка! Мальчишка меня заметил, схватил что-то, спрыгнул с платформы и бросился наутек. «Стой!» – крикнул я. Но его это только подхлестнуло и, прижав к себе сумку, он припустил еще быстрее. Я бросился вдогонку, на бегу расплясываясь от злости: «Ах ты, паршивец! Ну погоди, сейчас задам тебе трепку!» Я был спортсмен, и догнать хлопца мне было нетрудно. Я схватил его за шиворот поношенного, большого, не по размеру, пиджака, замахнулся, чтобы дать ему подзатыльник, но тут увидел глаза мальчишки. В них были и ужас, и ненависть... Он весь сжался, сгорбился, ожидая удара. Рука невольно опустилась.

– Фу ты, черт! – Злость как рукой сняло. – Ну? Ты чего испугался? От кого бежал? Чего делаешь здесь в эшелоне? – задавал я глупые вопросы, хотя прекрасно видел, чем он занимался, и понимал, кто стоит передо мной.

Мальчишка молчал, тяжело дыша. По его худенькому телу пробежала дрожь.

– А ну, пошли быстро в вагон, там разберемся. А то, чего доброго, поезд тронется – от эшелона отстанем.

Мальчишка обреченно плелся за мной. По дороге я поднял сумку, которую парнишка бросил на бегу, это была сумка почтальона. Паровоз издал долгий пронзительный гудок, дернулся назад, с грохотом сдвинул платформы с мертвой точки и потащил их вперед, медленно набирая скорость. Солдаты из теплушки протянули руки, на ходу подхватили мальчишку, а следом и меня. Пожилая женщина в черной железнодорожной шинели с обветренным лицом, подняв белый флажок, улыбалась, провожая взглядом наш эшелон. Поезд набирал ход. Пацан, забившись в угол вагона, затравленно озирался и тяжело дышал.

– А ну, герой, давай теперь обстоятельно разберемся, кто ты такой, откуда и зачем пожаловал, – примирительно начал я, рассчитывая на ответное доверие. Парень молчал.

– Ладно, – нашелся начальник караула лейтенант Алексашин. – Давай покормим хлопца. Смотри, какой заморыш, – по всему видать, что голодный.

Не дожидаясь согласия ротного командира, он взял котелок с оставшейся кашей из гречневого концентрата и протянул его мальчишке, нагнувшись к вещмешку за тушенкой и

хлебом. Мальчишка не заставил себя уговаривать – набросился на кашу, рукой выгребая ее из котелка, торопливо и жадно засовывал ее себе в рот большими порциями и, почти не жуя, давясь и икая, проглатывал. Тело его била мелкая нервная дрожь. В какой-то миг он проглотил всю кашу и посоловевшими глазами уставился на окружавших танкистов. Лейтенант Алексашин стоял рядом и, наблюдая эту нерадостную картину, покачивал головой.

– Ну и наголодался ты, хлопец, – и сам поставил перед ним банку тушенки и хлеб. Паренек к ним не притронулся, и тогда механик-водитель Рой, немолодой уже сержант, отец большого семейства, прослезился и обнял мальчишку за худые плечи. Остальные сидели в оцепенении. Всем стало нестерпимо жаль этого одинокого паренька. Я опять спросил:

– Ну, а теперь давай знакомиться. Рассказывай, кто ты и откуда?

Паренек на минуту задумался, словно собирался сочинить какую-нибудь историю, но затем несвязно заговорил:

– Я из Москвы. С Зацепа.

– Что же это ты, голубчик, так легко покинул столицу нашей Родины? – полушутя спросил я.

– А что мне там делать? Я воевать хочу.

– Вот вояка! – засмеялся Зарубин.

– Ну-ну, продолжай, – настаивал я.

Вкратце назвавшийся Николкой парень рассказал, что отец погиб на фронте в 41-м, мать умерла. Николка жил у старшего брата, который ушел на фронт. Жена брата, забитая нуждой, невзлюбила парнишку: целые сутки заставляла возиться со своими детьми, нещадно била и беспрерывно попрекала куском хлеба. Последнее больше всего уязвляло самолюбие подростка. Он не выдержал унижений и подался на улицу, где связался со шпальной и стал промышлять мелким воровством на Зацепском рынке. После нескольких призывов в милицию и очередного скандала дома Николка подался на фронт. Приставал то к одному, то к другому эшелону, но каждый раз его снисходительно выслушивали, кормили, давали на дорогу продуктов, но с собой не брали. Так он мотался по России и Украине от тыла к фронту и обратно.

– А что за узел у тебя?

– Стащил, жить-то нужно.

– А это что за сумка? – открывая ее, спросил лейтенант.

– Смотри, сколько здесь писем. Люди ждут любого известия с фронта, а ты украл и выбросил ее, – с металлом в голосе сказал я. – Это подлость, хлопец, и за нее бьют крепко.

Пацан вновь съежился, помрачнел, опять стал похож на загнанного зверька. Воцарилась тишина, в ней едва слышно пропищал голос горемыки:

– Дяденька, я больше не буду, возьмите меня только на фронт.

– На фронт? – задумчиво проговорил я. – На фронт нельзя, на очередной станции мы сдадим тебя коменданту, и он отправит тебя в Москву к брату, если ты не соврал.

Парнишка замолчал и, растирая глаза грязными кулаками и всхлипывая, стал нас уговаривать:

– Дяденька! Мне нельзя в Москву, ну никак нельзя! Не могу я поехать к этой кикиморе, лучше возьмите меня на фронт.

У меня стало тяжело на душе.

– Вася, давай возьмем! Это же мой земляк! – вступился Коля Максимов.

– Ишь ты, какой добренький! Как это возьмем? Этак все пацаны в армию потянутся.

Я задумался и после короткой паузы, не обращая ни к кому, проговорил:

– А, была не была! Возьму тебя, Николка, а там – будь, что будет. Только, чур, никому на глаза не показываться, пока не приедем в часть. Ты, Зарубин, на очередной остановке

посади его к себе в танк, и пусть там живет. По пути отдай сумку почтальону на 12-й или 9-й платформе.

– Я помню, где они, – пробурчал обрадовавшийся Николка, – сам отдам.

На пограничном посту мы спрятали парня в одном из «чемоданов» боеукладки и так провезли его в прифронтовую полосу.

К моменту прибытия нашего эшелона на фронт войска 2-го и 3-го Украинских фронтов вышли на рубеж Яссы – Оргеев – Дубоссары и далее по реке Днестр до Черного моря. Обе стороны, понеся большие потери, были измотаны; войскам требовались отдых и пополнения. Таким образом, к концу мая 1944 года на фронте установилось относительно затишье. 18-й танковый корпус был выведен в резерв, и 170-я танковая бригада передислоцировалась в район Ларга – Мовилений – Потэнджений. Расставили танки, машины, определили места расположения личного состава, штабов, тыловых подразделений и немедленно приступили к инженерному оборудованию и маскировке позиции. В конце июня эти работы были закончены. Также было закончено углубленное техобслуживание танков и машин. Все танки были заправлены горючим, маслом, боеприпасами. От каждого батальона в засаде на высоте 195,0 непрерывно находился взвод танков, который нес охрану и вел наблюдение за противником. Смена экипажей проводилась раз в неделю, ночью.

11 и 12 июня бригада получила 22 танка с экипажами с Челябинского танкового завода. А 17 июня пришел наш эшелон с 21 танком Т-34-85 из Нижнего Тагила.

Когда мы прибыли в батальон и обнаружился «заяц», поднялся скандал. Особенно усердствовал уполномоченный особого отдела батальона Иван Морозов, усматривая в этом преступление, связанное с нарушением пограничного режима. Комбат Отрощенко вызвал меня и устроил хорошую выволочку, но быстро отошел, задумался над моими доводами и обратился к замполиту: «А что, Иван, может, оставим хлопца? Будет у нас свой «сын полка». Сходи к Негрулю, возможно, он сжалится над мальчонкой».

Капитан Постовалов довел меня и Николку до землянки политотдела бригады и приказал привести себя в порядок и ждать, войдя к подполковнику Негрулю первым. Вскоре вызвали меня. Начальник политотдела молча, изучающе посмотрел на меня, а затем тихо и нехотя произнес:

– Не с того начинаешь, товарищ лейтенант, службу в нашей бригаде.

Немного подумав, он продолжил:

– Что прикажете делать с вами?

Я молчал.

– Ну, ладно, – тяжело вздохнул подполковник Негруль. – Подождите здесь, я схожу к комбригу, посоветуюсь.

Оставшись втроем, мы молчали, ожидая решения. Николка сник и ужасно боялся, что его отправят обратно. Из штабного автобуса крикнули: «Постовалов! Веди своих мазуриков». Мы вошли в аккуратно убранный салон: в нем за столом сидел невысокого роста молодой, симпатичный полковник с приятными серыми глазами и добрым взглядом. Постовалов доложил о прибытии.

– А ну, герои, расскажите, как вам удалось надуть пограничников? Ведь они утверждают, что у них даже мышь через границу не проскочит.

Я кратко и образно доложил. Комбрига развеселила эта история, он от души посмеялся и после короткого раздумья сказал:

– Георгий Иванович, не отправлять же пацана назад. Дай команду Прокопенко, пусть определит его в 1-й батальон помощником к повару и поставит на все виды довольствия.

Начальник политотдела согласился. На душе у меня отлегло. Обратный путь был веселее. Шутил Постовалов, подтрунивая над Николкой, а тот неожиданно заулыбался: «Не

хочу и не буду работать на кухне! Что я, холуй или чем щи наливают? Хочу быть разведчиком!»

Я оторопел от Николкиной прыти. Только что был согласен исполнять любую работу, а сейчас подавай разведку! Большого труда стоило мне уговорить пацана подчиниться приказу. Портной бригады сшил ему армейскую форму, подогнал pilotку; сапожник сшил из парусины ладные сапожки. Вскоре Николка стал любимцем батальона. Он оказался способным, сообразительным и смелым хлопцем, в боях под Будапештом ходил в разведку и был награжден медалью «За отвагу».

Не успели все успокоиться после этой истории, как вдруг меня вызвал к себе капитан Прокопенко. Я недоумевал и гадал: «Что бы это могло значить? Для чего я потребовался помпохозу бригады?» В землянке я доложил о прибытии, Прокопенко поздоровался, обошел вокруг, внимательно, с ухмылкой осмотрел меня со всех сторон, а затем сказал:

– А я думал, вы не сможете ко мне прибыть.

– Почему же не смогу? – не понял я.

– Да потому, что вы и офицеры вашего взвода голые. В ваших вещевых аттестатах все обмундирование списано.

Тут только до меня дошло, почему меня вызвали. В дороге механик-водитель танка Котов, бывший рецидивист и большой специалист по подделке документов, с помощью простого циркуля, ручки с пером и химических чернил с сахаром на листке бумаги нарисовал оттиски печатей. Оказалось, они списали обмундирование офицеров взвода! Прокопенко не сомневался в подлинности печатей, но не мог понять, как это случилось.

Я быстро придумал версию:

– Товарищ капитан, по прибытии с фронта в запасном полку нам списали обмундирование, а выдать не успели, сказали, что на фронте получим.

– Все это так, но уж больно добротное у вас обмундирование, такое и списывать жалко. Ладно, идите и получайте новое.

Я выскочил от Бати как ошпаренный: «Пронесло на сей раз, но больше шутить с этим нельзя, это же подсудное дело!» А Максимову сказал:

– Что-то наша служба в бригаде начинается с частых вызовов к начальству.

Бригада

По своему составу танковая бригада – небольшое соединение. В ее составе всего 4 батальона и 3 отдельные роты. Все танковые батальоны одинаковые по организации, количеству машин и людей, но все они по подготовке, состоянию техники и вооружения, по организованности и порядку не похожи друг на друга. Наш 1-й танковый батальон выделялся на фоне остальных благодаря его командиру Сереже Отрощенко, которому тогда было 22 года.

Помню, летом проводили строевой смотр бригады. Наш батальон проверял сам комбриг полковник Чунихин. Надо сказать, выглядел он солидно: уверенно командовал бригадой и пользовался огромным авторитетом. В бригаде все называли его Батя. К людям он относился бережно и не гнал бригаду в бой очертя голову, а действовал обдуманно, осторожно и в то же время решительно. Это позволяло бригаде успешно и малой кровью выполнять поставленные задачи. К смотру мы готовились тщательно – всем хотелось порадовать Батю.

Мы выстроились на небольшой расчищенной поляне. Подъехала машина, из нее не спеша вышел полковник Чунихин. Капитан Отрощенко подал команду: «Смирно! Равнение на середину!», резко повернулся кругом и, чеканя шаг, направился к идущему навстречу комбригу. Не доходя до него, он остановился и громко и отчетливо доложил: «Товарищ полковник! 1-й танковый батальон построен и к смотру готов!» Рослый, подтянутый, красивый, молодой комбат выглядел солидно. Комбриг поздоровался с батальоном, дал команду «Вольно», пожал руку комбату и не удержался, по-дружески обнял его. Обходя строй, лично знакомясь с вновь прибывшими, комбриг внимательно вглядывался в лицо каждого офицера. Знакомясь со 2-й танковой ротой, он остановился около комвзвода лейтенанта Гуляева и пристально начал вглядываться в его лицо. Пауза затянулась, окружающие недоумевали. Затем лицо комбрига расплылось в улыбке: «Иван!.. Гуляев! Ты ли это, дружище?!» – воскликнул он. Комвзвода, явно смущенный таким вниманием и встречей, невнятно пробормотал: «Так точно, товарищ полковник, я». Чунихин от души обнял Гуляева и трижды поцеловал. Лейтенант стоял пунцовым от смущения. Как потом выяснилось, еще в 1930 году Иван Гуляев был помкомвзвода, а красноармеец Чунихин два года под его командованием постигал солдатскую службу. Затем Гуляев уволился и уехал в свою Куйбышевскую область, где стал заведующим птицефермой, а Чунихин поступил в военное училище. И вот, через 14 лет, они неожиданно встретились. Вскоре Гуляев был назначен командиром роты.

Строевой смотр закончился прохождением рот торжественным маршем. Комбриг остался доволен подготовкой и состоянием батальона. Обратившись к нам, он в краткой речи рассказал о положении на фронтах и более подробно раскрыл обстановку на участке 2-го Украинского фронта, в заключение призвал всех упорно и настойчиво готовиться к новой наступательной операции.

Лето 1944 года выдалось жарким. Нещадно палило солнце, вся живая растительность выгорела. Густая серая пыль поднималась вверх даже при движении одиночного солдата. Танки же на занятиях взвинчивали целые столбы пыли, которая проникала во все щели, забивала легкие, оседала на лицах, смываемая каплями пота, застывала грязевыми подтеками на шее. В прифронтовой полосе до самого Прута все население было выселено. Вокруг – необъятные просторы заброшенных полей, садов, разрушенных деревень. Это позволяло нам свободно, без ограничений, учить личный состав военному делу. Особое внимание комбат Отрощенко уделял тактике и огневой подготовке. Он любил этот предмет и прекрасно разбирался во всех тонкостях боя. Часто комбат ставил командиров танков, взводов, рот в

сложные условия, добиваясь, чтобы каждый проявлял творчество и инициативу. На выдумки он был большой мастер.

Для очередных зачетных стрельб из танков штатным снарядом подобрали закрытую местность. Выставили оцепление, расставили мишени, загрузили боеприпасы. В первую смену стреляли я, Гуляев и Максимов. Мы заняли свои места, последовала команда: «К бою!» Танки рванулись вперед, пересекли линию открытия огня. Коля и я с первого выстрела поразили свои цели – деревянные мишени разлетелись в разные стороны. Пока Гуляев отыскивал свою цель и наводил пушку, Коля вторым снарядом разбил его мишень, а третьим снарядом ударил по стоящему в створе мишеней дереву, которое осело и повалилось. Отстрелявшись из пулеметов, мы вернулись на исходный рубеж и по сигналу «Отбой», забрав стреляные гильзы, пошли на доклад к комбату. Иван Гуляев не на шутку рассердился и на ходу зло ворчал на Максимова. А тот как ни в чем не бывало спокойно шагал и отшучивался: «Нужно стрелять, а не ворон считать». Выслушав доклад, Отрощенко отругал Максимова, назвав его «хулиганом на огневом рубеже». Однако затем он похвалил его за отличную стрельбу и снял с руки часы, вручив их Коле. В этом был весь Сергей! Он, как никто, чувствовал и знал, сколь мала дистанция между командиром и солдатом в бою, как много значит человеческое отношение и боевое товарищество.

Однажды под Яссами у меня на руке раздулся большой карбункул. Опухоль опустилась вниз и дошла до пальцев. Не выдержав адской боли, я пошел в санчасть. Заправлял ею старший фельдшер батальона старший лейтенант Василий Демьянович Колесниченко. Это был немолодой, но удивительно деятельный медик. Он осмотрел руку и сделал заключение: нужно идти в медсанзвод бригады или в медсанбат корпуса.

– Доктор, нету мочи терпеть, делай что хочешь, но помоги, – взмолился я.

– Ладно, помогу, но будет очень больно, терпи, – согласился фельдшер.

Взяв опасную бритву, он протер ее спиртом, обжег на пламени спиртовки и, обработав руку, властно потребовал: «Отвернись и терпи!» Крепко сжав мою руку, он чиркнул по карбункулу бритвой, но разрезать не смог. У меня помутилось в голове, я был на грани потери сознания, кровь брызнула и залила руку. «Терпи!» – грозно прорычал Колесниченко и вновь полоснул бритвой. Карбункул раскрылся. Очистив рану, положив тампон, Колесниченко перевязал руку и сочувственным голосом сказал: «Теперь иди в роту, усни. Отдохнешь, и все пройдет». Как пьяный, я побрел к танку, ругая и проклиная «коновала» за варварскую операцию. По пути я заметил, что в тени огромного дерева грецкого ореха лежит дивчина. Несмотря на отвратительное самочувствие, я подошел и заговорил с ней. Она приподнялась на локтях, и тут я обнаружил, что она на пятом или шестом месяце беременности. Девушку звали Мария Мальцева, она служила санинструктором в зенитно-пулеметной роте. Я ее ни о чем не спрашивал, но мне ее стало очень жалко: «Какой-то негодяй обрюхатил и смылся!»

К утру мне стало гораздо легче... Колесниченко помогал людям, делал маленькие операции, устранял вывихи и снимал боль. Это был природный целитель: беспокойный, бескорыстный и доброжелательный. Колесниченко хорошо учил санинструкторов. В бой они шли на танках командиров рот, а он шел вместе с комбатом. Это позволяло быстро оказывать первую медпомощь раненым и обгоревшим танкистам, спасать их от неминуемой гибели. Колесниченко много раз был ранен, но непременно возвращался в свой батальон, где ему всегда были рады. После очередного ранения, уже после войны, он вернулся в батальон и погиб уже в Австрии, в автомобильной катастрофе.

Иная обстановка была во 2-м танковом батальоне. Здесь сменилось почти все командование. Не пробыв в должности и месяца, убыл обратно в корпус комбат капитан Личман. Комбатом стал старший лейтенант Николай Иванович Матвеев, бывший замкомандира 1-го танкового батальона. Комбат был невысокого роста, это был симпатичный и добродушный офицер. Он быстро вырос в бригаде, но не имел опыта и навыков управления. Поначалу

командовал он робко и нерешительно, с трудом мог употребить власть. Плохую услугу оказывал ему замполит Шлыков, доносивший в политотдел бригады по любому поводу. Было известно, что он собирал «досье» на комбата и его замов. Подполковник Негруль, морщась, читал его донесения, упрекал в доноситељстве, но ничего поделать не мог. Таких людей, как говорят, могила исправит. В батальоне создалась нервная обстановка, а это отражалось на ходе боевой подготовки, воинской дисциплине и состоянии дел в целом. Полковник Чунихин и подполковник Негруль быстро поняли это. Комбриг целыми днями находился в батальоне, помогал Матвееву разобраться в обстановке, учил комбата планированию работы, формам и методам обучения и воспитания личного состава. Большую работу провели штаб бригады и особенно начполитотдела. Постепенно положение в батальоне стало выправляться: капитан Шлыков притих.

3-й танковый батальон располагался в некотором отрыве от штаба бригады. Дела в батальоне шли нормально и не беспокоили командование бригады, поэтому они редко бывали там. Этим воспользовался комбат майор И.Е.Бузько. Природа щедро наградила этого баловня судьбы пышущим здоровьем, но обделила разумом. Могучего телосложения, высокий и красивый, 29-летний майор был неотразим. Девчонки заглядывались на него, он это чувствовал и нагло пользовался их доверием. По натуре Бузько был груб, заносчив и необуздан. Он любил бахвалиться: «Пидымо у бой, усеа награжу ордэнами, а сам буду Героем». С замами отношения у него не сложились, а с личным составом он заигрывал, хотел показаться рубахой-парнем и страстно желал, чтобы его называли Батей. Но не получилось – солдат сразу чувствует фальшь.

Чем дальше, тем больше Бузько распирала дурь. Больше всего он любил кутежи и женщин. Если мимо расположения батальона проходила девушка в форме, он надевал летнюю кожаную куртку и командовал: «Пэтро, скажи, шо ее пилковник вызываем». Девчонка с ходу приводила себя в порядок и ускоренным шагом входила в землянку. Он, вальяжно развалившись, приглашает: «Сидай, сидай, мылая, когда тэбе пилковник приглашае. Пэтро! Накрой стол!» Пэтро вмиг исполняет, Бузько угощает, сыплет комплименты. Девчонка смущается, не может отказаться от его угощения, и, пожалуй, не было случая, чтобы какая-либо из них устояла перед ним... Часто после попойки Бузько просил: «Спырту!» Замы прятали спирт и старались не давать ему этого зелья. В одну из ночей он вызывает к себе помпохоза и приказывает: «Спырту!» Тот отвечает: «Спирту больше нет».

– Нэма?

– Да, товарищ майор.

– Грищенко до мэнэ!

Приходит его заместитель Грищенко и с лету: «Хватит дурить, комбат».

– Та шо, спирту нэма?

– Нэма, – отвечает его зам.

– Тоды – тревога батальону.

– Какая еще тревога? – не понял Грищенко.

– Боевая!

– Брось дурить, майор!

Бузько раскипятило:

– Я приказываю – тревога!

Заму ничего не остается делать, как исполнять хоть и дурной, но приказ.

– А какой номер?

– Первый!

Тревог было три номера. Первый – это угроза нападения: экипажи должны занять свои места в танках. Грищенко объявляет тревогу – в расположении батальона все закрутилось. Весь личный состав занял свои места в готовности к отражению атаки противника. Чтобы

прикрыть дурь комбата, начштаба капитан Сякин достал план проведения тренировок и вместе с Грищенко начал давать «вводные о выдвижении противника», затем последовали «атака нашего переднего края и бой в глубине». Прошло около двух часов, встало солнце. Грищенко заходит в землянку комбата. Будит его:

- Товарищ майор, разрешите сделать отбой тревоге?
- Який такой отбой? Хай тренируются.
- Ну это уже слишком. Я даю отбой!
- Ну лады, не хотите учить, отбой. Объявим отбой...

А тут и подъем!

Грищенко вновь входит в землянку Бузько. Тот развалился на топчане.

- Товарищ майор, нужно разбор сделать.
- Який ишо разбор?
- Такой, как положено. Мы подготовили вам недостатки и на что обратить внимание.
- Пистрой батальон, я знаю, что сказать, и без ваших писулук.

Батальон стоит в строю, Бузько подходит:

- Здорово, горлы. Шо я вам кажу. По тревоге пиднаматься нэвмеетэ. Шо це за тревога?

Как Грищенко гукнул: «Трэвога!», Клава пидхватаылась, як ошалелая. Вместо своих панталон натенула мои бруки и нэ пиймет, як комбат будэ бэз штанив дэйствовать пи тревоге.

Это была просто сальная шутка. Половину землянки занимал комбат, а вторую, отграниченную лишь занавеской, – медсанвзвод, где жили фельдшер Колесниченко и Клава – санинструктор батальона. Батальон покатывался от смеха, а Клава, пунцовая от стыда, не знала, куда деться.

- Так вот, хлопцы, трэнироваться трэба. Разойдысь.

Все с хохотом, шутками-прибаутками в адрес Клавы разошлись. Клава стремглав бросилась в свою землянку и залилась слезами. А Бузько как ни в чем не бывало направился к штабу и бахвалился своим замам: «Учитэся, пилководцы, у мэни. Я к людям пидход знаюго. Воны мэни любят».

В разговор вступил замполит:

– Вот что, комбат! Любят люди вас или нет, а перед Клавой я требую, чтобы вы извинились. Нельзя так обижать и ни за что позорить девушку.

- Подумаешь, шо я такого сказав?
- А извиниться придется. Я требую, – закончил Гончаров.

В бригаде узнали про чудачества Бузько и вызвали его в штаб бригады по телефону. Ему передали, что его срочно требует комбриг бригады.

- Грищенко, поезжай ты.
- Так вас требуют! Чего я-то поеду?! Не поеду, раз меня не вызывают.
- Вечно вы куражитесь, вечно мне шпильки в колеса вставляете, даже не хотите поехать!

- Товарищ майор, раз вам приказывают, надо ехать.
- Ладно, хорошо. Давай фляжку спирта, закуску – угостить командование надо.

Надо сказать, без подарков он в штаб никогда не ездил. Собрали его, и он уехал. Приезжает часа через два.

- Грищенко, комбриг говорит, чтобы ты приехал... Поезжай.

Грищенко приезжает, докладывает командиру бригады:

- Товарищ полковник, по вашему приказанию прибыл.

Тот на него смотрит:

- Да вы что, издеваетесь?! Я же вызывал командира батальона, а не вас!
- Так командир батальона у вас уже был и сказал, что вы меня вызываете.
- Когда? Я его в глаза не видел! Срочно! Живого или мертвого ко мне!

Тот возвращается:

- Товарищ майор, в какое положение вы меня поставили? Вы не были у комбрига.
- Так ехал, ехал, отдохнул немножко...

После этого пришел приказ: снять Бузько с должности и отправить в управление кадров корпуса. Объявили приказ. Он говорит:

– Горлы! Нэвдалось мэне с вами геройски повоеваты. Ордена ви ужо не получитэ, а я то бы вас всех наградил! За мэне остается Грышенко. Смотрите, шоб порядок был як при мэни. А я пиду пилк прыньмать.

Бузько уехал, и офицеры с облегчением вздохнули. Как сложилась его дальнейшая судьба, никто не знал и не интересовался, слишком плохую память он оставил о себе. Зато стало известно, как он попал к нам. Во время боев за Киев капитан Бузько был командиром роты управления 53-го тяжелого танкового полка фронтового подчинения. Немцы нанесли сильный контрудар, во время отражения которого погиб весь командный состав полка. Однако командир полка успел отправить командира роты управления со знаменем полка, политотделом и частью тылов подальше от линии фронта. Когда пришло сообщение, что все командование полка погибло, Бузько взял командование остатками полка на себя. Одновременно он послал во фронтовое управление телеграмму, что такого-то числа вступил в командование полком, описал в ней, как он героически сохранил знамя, вел себя умело и грамотно. Командование согласилось с таким временным решением, и в его распоряжение стала поступать техника, солдаты и офицеры. Тут он уже распетушился: как же – командир полка! Вдруг приезжает вновь назначенный командир полка в звании подполковника, вручает ему предписание и говорит: «Товарищ Бузько, с сегодняшнего дня прошу передать полк». Он посмотрел и ответил: «Я этот полк не принимал и сдавать тебе не буду. По уставу положено, чтобы приехал представитель штаба фронта. Где он? Нет? Вот и поезжай, когда будет представитель фронта, тогда и передам полк тебе». – «Как не будешь?! Вот приказ, подписанный начальником штаба фронта!» – «Ничего не знаю, передавать не буду». Подполковнику ничего не оставалось, как вернуться в штаб фронта. Второй раз он приехал уже с заместителем начальника управления кадров. Бузько их встречает: «Вот это другое дело! А то приехал, писульку мне какую-то сунул – сдавай полк. Теперь, пожалуйста, принимай».

Передав полк, сам он был назначен заместителем его нового командира. Кроме того, на него послали представление на следующее звание и орден Красного Знамени. Но он не знал, что на него составили представление, и написал еще одно, сам на себя, и за своей же подписью отправил. Новый командир полка, приняв полк, начал командовать, а Бузько не подчиняется: «А что ты мне приказываешь? Ты скажи спасибо, что я тэбэ пилк передал. Я без тебя знаю, больше, чем ты». Сложилась тяжелая обстановка: командир полка докладывает, что заместитель не дает командовать, саботирует приказы. Приехали представители командования, разобрались. Все подтвердилось, и тогда вышел приказ: снять с должности и назначить с понижением...

Батальон автоматчиков располагался в деревушке Мовилснии, от которой осталось одно название: все дома были разрушены или сожжены. Прилегающие поля, сады и огороды заросли бурьяном, и только редкие деревья и виноградники напоминали, что здесь когда-то жили и трудились люди. Только чудом уцелевшие могучие деревья грецкого ореха спасали автоматчиков от зноя и мошкар.

Батальоном командовал капитан Василий Иванович Горб: разумный, смелый и решительный офицер. В кругу друзей он, шутя, говорил: «Выиграем войну на моем горбу». Жизнь в батальоне шла своим чередом. Однажды в землянку к комроты капитану Яковлеву зашел старший лейтенант Доценко. В разговоре капитан рассказал, что в одном из московских госпиталей после ранения на фронте находится его знакомая девушка-румынка. Она в совер-

шенстве знает румынский, немецкий и русский языки и могла бы пригодиться в бригаде в предстоящей операции на территории Румынии. Доценко насторожился и не хотел дальше продолжать разговор, но Яковлев успокоил его, поведав довольно сложную и интригующую судьбу этой девушки. Эмилия Чамушеску прошла подготовку в германской разведывательной школе и была заброшена немцами в наш тыл. Работать на фашистов она не захотела и сразу добровольно с повинной явилась в штаб одной из наших армий, где заявила, что готова работать для разгрома фашистских захватчиков. Это предложение заинтересовало наше командование, и Чамушеску стала нашей разведчицей. Однажды, после выполнения очередного задания, она с разведчиками переходила линию фронта, попала под обстрел и получила тяжелое ранение в лицо: у нее была разбита нижняя челюсть. С большим трудом разведчики вынесли ее к своим. После хирургической операции и долгого лечения она выздоровела и хотела бы работать у нас.

Доценко труханул. В то время было крайне опасно брать на себя такую ответственность. Однако, преодолев страх, он переговорил с начштаба бригады. После необходимых согласований майор Левин направил в госпиталь вызов. В первых числах августа в штаб моторизованного батальона автоматчиков вошла девушка в военной форме, среднего роста, внешне ничем не примечательная, и четко доложила: «Эмилия Чамушеску, хотела бы повидать капитана Яковлева».

Доценко сразу понял, кто стоит перед ним, и быстро вызвал ротного командира. Встреча была приятной и трогательной и в какой-то мере проливала свет на перевод Яковлева в нашу бригаду с понижением... Эмилия была зачислена во взвод разведки и совместно с разведчиками Березовского выполняла особо опасные задания командования. На родной территории она работала смело и не раз доставляла важные сведения для командования бригады и корпуса.

Бригада испытывала большие трудности в обеспечении продовольствием. Несмотря на летнюю пору, овощей не было, да и с крупой было плохо. Со склада корпуса мы получали почти одну только фасоль. В обед на первое фасоль, на второе фасоль, на ужин вновь фасоль, и так ежедневно в течение длительного времени. Фасоль приелась, люди жили впроголодь, проклиная снабженцев. На одной из хозяйственных машин было написано: «Папа, убей немца». Какой-то шутник ночью краской дописал «И помпохоза». Утром рыскали особисты, вычисляя шутника, а водитель соскребал свежую краску с борта. Старшине Селифанову каким-то способом удавалось получать другие крупы и разнообразить пищу. Это был пронырливый, способный и знающий свое дело хозяйственник, поэтому его упорно держали на офицерской должности до самого конца войны. После увольнения он работал в Москве начальником гастрономического отдела крупного магазина. Ниже я еще расскажу, как мы с ним встретились.

По вечерам у моего танка собирался взвод, а чаще рота, и я пересказывал им прочитанные мной когда-то книги. Пересказ затягивался, я специально прерывал его на самом интересном месте, поэтому экипажи с нетерпением ожидали очередного вечера. Кстати говоря, пока был командиром взвода, я часто помогал писать письма членам экипажа своего танка и танков взвода. В то время девушки слали на фронт треугольники (иногда с вложенными в них фотографиями), на которых указывали: «Бойцу Красной Армии». Солдаты отвечали понравившейся девушке, завязывалась переписка, которая иногда перерастала в более серьезные отношения. Но народ тогда был малограмотный, и иногда танкисты просили меня написать за них письмо. Я никогда не отказывал и с вдохновением расписывал реальные или мнимые подвиги героя: «Сиж, пишу тебе и представляю, какая ты красивая: как очки моего противогаза, освещенные ракетой». Конечно, с моим переходом в другой взвод или роту такая переписка быстро прекращалась. Сам же я всю войну писал Фаине Левинской. Среднего роста, симпатичная, немножко чернявая евреечка, бывшая на три года меня младше, она

эвакуировалась в Осу вместе с семьей из Одессы. Мы провели вместе неделю или десять дней прямо перед моим призывом в армию, но всю войну поддерживали переписку, а после ее окончания я приехал к ней в гости в Одессу...

Дежурные по батальону часто докладывали комбату о нарушении распорядка дня в нашей роте. Капитан Отрощенко решил проверить достоверность этих докладов. Однажды вечером, уже после отбоя, я вел рассказ о невеселой судьбе поручика Ромашова из повести Куприна «Поединок». Ребята были захвачены повествованием и не заметили появления начальства. Только к концу рассказа я заметил комбата вместе с замполитом. На полуслове оборвав рассказ, я подал команду: «Встать, смирно!» Но комбат ответил: «Сидите, продолжайте». Я, конечно, смутился и вел пересказ уже не так свободно и красочно, но в конце все же заслужил похвалу комбата. Пожелав танкистам спокойной ночи, он и замполит ушли. После этого я почувствовал, что комбат и замполит стали ко мне присматриваться.

Надо сказать, что, имея за плечами год войны, я уже был опытным взводным командиром и знал, как надо готовить взвод к боям. Воспитательный процесс довольно сложен – и в то же время на удивление прост. Прежде чем отдать приказ подчиненному, надо поставить себя на его место и представить: как бы я выполнил этот приказ? Во-вторых, надо, чтобы подчиненный понял, что ты от него хочешь, и из уважения к тебе захотел выполнить этот приказ как можно лучше. Тогда можно быть уверенным, что приказ будет выполнен с желанием, точно, беспрекословно и в срок. Экипаж моего танка меня уважал. По собственной инициативе после подъема ребята грели воду, приносили мыло, чистое полотенце, поливали на руки. Остальные командиры завидовали мне. Помню, командир танка младший лейтенант Зоря, самолюбивый и тщеславный крепыш, выговаривал своим подчиненным: «Смотрите, охламоны, как во взводе Брюхова заботятся о своих командирах. А вы, бездельники, даже воды для бритья не можете согреть». У него не ладились взаимоотношения с экипажем. Он то и дело кричал на подчиненных, оскорблял их и даже пускал в ход кулаки. Не трогал он только механика-водителя сержанта Симонова, который имел твердый характер и крепкие кулаки. Экипаж ненавидел своего командира, но командир взвода и ротный «демагог» (как его окрестили) Алексеенко не вмешивались. В начале августа взвод лейтенанта Чебашвили ночью встал в засаду на той самой высоте 195.0. Зоря вел себя нервно – покрикивал, понукал, отдавая приказ, ставил подчиненных по команде «смирно», таким же образом требовал доклада об исполнении приказа, кричал, ругался. Озлобленный экипаж терпел. В этой суматохе была нарушена маскировка, и утром немцы обнаружили танк. Противник всполошился и открыл ураганный огонь по засеченной цели. До сотни снарядов и мин было выпущено по танку. Вокруг все было изрыто, побито наружное оснащение танка, повреждена пушка. Зоря растерялся и, бросив экипаж, сбежал с позиции. Опомившись, после обстрела он незаметно вернулся и упротил экипаж не докладывать командиру взвода...

Наступление

Перед наступлением в бригаде был проведен партийный актив, на котором с докладом выступил полковник Чунихин: «Около четырех месяцев войска 2-го Украинского фронта ведут бои местного значения, улучшают свои позиции, пополняются личным составом, боевой техникой, вооружением, материальными запасами и напряженно готовятся к новому наступлению. Настал наш час! Обстановка требует от нас активных и решительных действий. 18-й танковый корпус получил задачу к 18 августа быть в готовности к проведению Яско-Кишиневской наступательной операции».

Так впервые мы услышали это название. Бригаде предстояло действовать в направлении Хуши – Васлуи – Бухарест. Комбриг ориентировал офицеров, что наступать мы будем на большую глубину и в высоком темпе. Это потребует от каждого воина бригады высокой ответственности за подготовку личного состава, вооружения и техники к боевым действиям, а от технических работников и работников тыла – продуманного материально-технического обеспечения. «Особо хочу подчеркнуть, что нам предстоит впервые наступать на чужой территории. Еще раз напоминаю вам заявление Правительства СССР от 2 апреля и постановление Государственного Комитета Обороны от 10 апреля о поведении советских войск на румынской земле. Мы вступаем на нее не как завоеватели, а как освободители, поэтому, освобождая деревни и города, каждый из вас должен вести себя достойно. Я прекрасно вас понимаю. Проходя с боями от Сталинграда, вы видели зверства оккупантов, в том числе и румынских войск, но мы должны быть выше эмоций, сохранив светлый разум и достоинство советского человека. Мы должны относиться к румынскому народу без ненависти, тем более мести и насилия».

Перед наступлением большое внимание уделялось оперативной маскировке. За две недели до начала операции был введен режим полного радиомолчания. Радиостанции комбрига и начштаба работали только на прием. За неделю до наступления на всех основных дорогах и рокадах, на просматриваемых участках были установлены трехметровые завесы из маскировочных сетей и фашин, которые хорошо скрывали передвижение войск и подвоз материальных средств от тыла к фронту. Каждую ночь имитировался отвод войск от Ясс в сторону Сорок и Тирасполя. Эти мероприятия ввели противника в заблуждение.

Ночь перед наступлением была теплая, тихая. Темнота наступила быстро и незаметно, в безоблачном небе ярко высвечивали звезды. Войска первого эшелона фронта занимали исходное положение для наступления. Подтягивались к переднему краю командные и наблюдательные пункты, оборудовались артиллерийские позиции. Связисты тянули провода в новые районы, саперы проделывали проходы в минных полях. К нам сон не шел. Кругом слышались шутки, смех, сочные анекдоты, играла гармошка. Всех охватил какой-то экстаз, наступательный порыв. Люди устали от длительного бездействия и рвались в бой.

19 августа в шесть часов утра мощным залпом «катюш» началась артподготовка. На фоне голубого неба появились огромные языки пламени. Оставляя за собой ослепительный шлейф, со скрежетом пронеслись ракеты, и через какой-то миг вражеская оборона потонула в море огня, дыма и пыли. Следом за «катюшами» вступила в работу вся артиллерия армии и фронта. ПТО и танки вели огонь прямой наводкой. В промежутках между огневыми налетами в небе появлялась авиация, утюжа выявленные и неподавленные огневые точки. На переднем крае и в ближайшей глубине обороны противника стоял крошечный ад. Это было страшное и потрясающее зрелище.

После авиационной и артиллерийской подготовки части и соединения 52-й армии перешли в наступление, не встречая сопротивления. С началом наступления 52-й армии выдвинулся первый эшелон корпуса – 170-я и 110-я танковые бригады. Мы были поражены,

проходя через истерзанную полосу обороны противника. Казалось, не было ни одного квадратного метра, где бы не зияла воронка!

Танки шли в батальонных колоннах красиво, словно утята за наседкой, выдерживая направление и интервалы. С подходом батальонов к реке Бахлююлуй комбриг уточнил задачу комбатам. После короткого мощного огневого налета под прикрытием стрелковых частей, 1-й и 2-й батальоны на рассвете переправились через реку в район Коджеска-Ноу и с ходу перешли в атаку. Рота Колтунова и наша рота под командованием Гуляева вырвались вперед. Здесь противник оказывал упорнейшее сопротивление. Появились первые потери. Вражеским снарядом разворотило каток и порвало гусеницу на танке лейтенанта Рязанцева. Комвзвода был легко ранен, но после перевязки остался в строю. Сгорел один танк 2-го батальона, тяжело раненного командира танка младшего лейтенанта Кривенко отправили в госпиталь.

Робко и нерешительно действовал Зоря, командир танка соседнего взвода моей роты. Комвзвода Чебашвили по радио непрерывно подгонял его, помогал выдерживать направление, давал целеуказания. Первый бой молодого офицера явно не удался. Он нервничал, метался. Его нервозность передалась экипажу. Бронебойный снаряд «Пантеры», ударив им в лоб, ушел в сторону. В танке полетели искры и запахло гарью. Лейтенант растерялся и в немом оцепенении ожидал следующего снаряда. Первым опомнился механик-водитель сержант Симонов. Наблюдая в смотровую щель за полем боя, он сам ставил задачу на уничтожение выявленных целей, а пришедший в себя наводчик орудия Бровин сам стал отыскивать и поражать цели. Игнорируя командира, экипаж вел бой. Второй снаряд ударил в ходовую часть, разорвал гусеницу и вырвал каток. Экипаж выскочил из танка и залег. Рота, ведя бой, медленно уходила вперед. Симонов, сочно выругав командира танка за трусость, собрал экипаж, стал расправлять гусеницу, вывешивать танк, снимать разбитые катки. Тут же подъехали ремонтники. В считанные часы заменили катки, натянули гусеницу – и танк помчался догонять роту.

Ожесточенный бой продолжался несколько часов. Наконец, противник не выдержал, дрогнул и стал отходить. Преследуя отходящего противника, мы с ходу ворвались в Ворвешти и начали движение на Урикений. Мой взвод обогнал разведку и первым ворвался в Урикений. В селе мы сопротивления не встретили, выскочили на южную окраину и на рубеже Богдэнэшти – Высота 188 – Бэлчиул были встречены артиллерийским огнем. Мы развернулись, завязали огневой бой и с подходом батальона попытались атаковать, но вражеский огонь был плотным и точным – наша атака не удалась.

Разведчики бригады доложили, что на этом рубеже обороняются вторые эшелоны немецких 1-й танковой и 18-й горнострелковой дивизий, а непосредственно перед бригадой в опорном пункте на огневых позициях находятся две артбатареи, сосредоточены 11 танков и 7 штурмовых орудий. Оценив обстановку, полковник Чунихин принял решение: «С подходом частей 21-го стрелкового корпуса ударом двух танковых рот на узком участке фронта расцечь опорный пункт на части, а двумя танковыми ротами охватить фланги, завершить разгром противника и продолжать наступление». Подошедший приданный бригаде 315-й артиллерийский полк развернулся и стал уничтожать выявленные огневые точки прямой наводкой. Нанесла удар наша авиация, подтянулись стрелковые части, и наступление возобновилось. Мой взвод атаковал с фланга. В этом бою я уничтожил танк и штурмовое орудие противника, а Максимов – два ПТО.

Замысел комбрига удался. Противник не выдержал и начал отход, и батальоны перешли в преследование. Мы с ходу овладели Корнештием, Данкаштием, Чиобрештием, вышли на левый берег реки Николенка и сосредоточились в лесу юго-восточнее Курэтуриле. Но не успели мы еще встать в укрытия и замаскироваться, как налетела вражеская авиация. Волны бомбардировщиков бомбили район сосредоточения бригады. Заходы самолетов следовали

один за другим. Спасаясь от бомб, солдаты перемешались с пленными румынами. Когда самолеты улетели, наши и два румынских врача стали оказывать помощь раненым, а затем на трех повозках отправили их в тыл, в госпиталь...

Во второй половине дня разведка доложила, что на юг отходит колонна автомашин в сопровождении танков. Комбриг, не останавливая преследования, приказал командиру 2-го батальона поставить в засаду взвод танков с десантом автоматчиков и разгромить колонну. Взвод младшего лейтенанта Панфилова скрытно занял выгодную позицию у деревушки Скоробиткуль. Подпустив колонну на близкое расстояние, танкисты с места, почти в упор, стали расстреливать врага. От неожиданности в колонне началась паника, машины дергались из стороны в сторону: спасаясь от огня, одни пытались прорваться вперед, другие назад. Расстроив колонну и нанеся ей значительные потери огнем с места, взвод пошел в атаку и довершил разгром противника. В том бою Дмитрий Иванович Панфилов лично уничтожил три легких танка, а на дороге в беспорядке остались лежать сотни трупов врага. Вскоре Панфилов был представлен к званию Героя Советского Союза¹⁰.

Так закончился первый день боевых действий, в течение которого мы с боями прошли 20 км. В течение ночи мы пополнились горючим и боеприпасами. Подошли кухни, людей накормили и дали им немного передохнуть. С рассветом в прежнем боевом построении батальоны продолжали наступление на Гуря, Добровецул, Хуши. Сбивая небольшие заслоны, мы быстро дошли до Криповаря, где догнали отходящую из Ясс колонну. Двигаясь на высокой скорости параллельным курсом, наш батальон обогнал ее и атаковал с головы, а батальон Матвеева ударил по хвосту. Зажатая «в пресс» колонна быстро прекратила свое существование: на дороге остался только искореженный металл и трупы людей и лошадей. Не задерживаясь, комбриг гнал бригаду дальше. Мы овладели Рушием, вышли на его южную окраину и тут встретили организованное сопротивление. Атака с ходу ротой старшего лейтенанта Маевского не удалась: потеряв танк, рота отошла. Вперед пошла разведка. Вскоре к танку Отрощенко лихо подкатил командир разведвзвода Березовский и доложил, что впереди опорный пункт по фронту около 5 км – там обороняется до пехотного батальона, две противотанковые батареи, есть закопанные танки.

Приданный артполк развернулся и открыл огонь. После 15-минутного огневого налета с фронта атаковали взводы Чебашвили и Амбразумова, артиллерия поддержала их огнем прямой наводки. Главные же силы бригады, используя глубокие, длинные лощины и кукурузные поля, скрытно обходили опорный пункт. Наша рота в колонне шла впереди, оставляя за собой шлейф высоко поднятой пыли. Противник не ожидал такого поворота событий и начал отход. Мой взвод рванул наперерез отходящему противнику, оседлал дорогу и с места открыл по колонне противника губительный огонь из пушек и пулеметов. Колонна остановилась и стала пятиться назад, искать спасения от нашего огня. Вперед медленно выползли два танка и штурмовое орудие. Я первым увидел их и поддал команду: «Блинов! Прямо танк. 500-бронбойным, огонь!» Наводчик орудия быстро отыскал цель и навел орудие. Заряжающий старший сержант Акульшин вогнал бронбойный снаряд в канал ствола, гаркнул: «Бронбойным готово!» – и с первого же выстрела Блинов поразил цель: яркие языки пламени лизнули броню вражеского танка. Со вторым танком расправился Коля Максимов. Штурмовое орудие елозило между машин, ведя по нам неприцельный огонь. Два снаряда, выпущенные Блиновым, не достигли цели. Я ругнулся: «Раззява!...» Но с третьего выстрела мой наводчик попал. Задние машины напирали, создавалась пробка. С флангов ударили подошедшие батальоны. Немногим, совсем немногим врагам удалось вырваться по целине и спастись бегством!

¹⁰ Звание Героя Советского Союза было присвоено лейтенанту Д.И.Панфилову 24 марта 1945 г. (Прим. ред.)

Бригада стремительно наступала на Хуши. Нещадно палило солнце, танки стали перегреваться. В системах охлаждения закипала вода, и некоторые танки были вынуждены остановиться. Все чаще появлялась вражеская авиация, но пока нас спасали наши истребители. Во второй половине дня мы овладели Добрэвцулом, а затем и Бэлчиулом. Успешное наступление привело к пренебрежению элементарными правилами движения. Пройдя Бэлчиул, мы неожиданно попали под огонь с рубежа «развилка шоссе и железной дорог – высота 218». Началась паника. Под огнем противника, отстреливаясь, мы стали отходить. Комбаты пытались выправить положение, но тщетно. Лишь когда подъехавшие комбриг со штабом разобрались в обстановке и уточнили задачи батальонам и артиллерии, удалось организовать взаимодействие и управление.

После короткого артналета 1-й и 2-й батальоны ворвались в оборону противника. Румынские части оказали нам упорное сопротивление: их оборону пришлось буквально прогрызать. Полковник Чунихин ввел в бой 3-й батальон. Он успешно продвинулся вперед, но рота Голевского у шоссе на Кодешти наскочила на минное поле. Один за другим на минах подорвались пять танков. Противник усилил огонь и сопротивление, командование 3-го батальона пришло в замешательство, и танки встали, ведя огневой бой с места. Комбриг огнем артиллерии прикрыл батальон капитана Грищенко и приказал командирам 1-го и 2-го батальонов усилить натиск. Этот удар сломил сопротивление врага: батальоны довершили разгром узла обороны, преследуя противника, с ходу овладели Кодешти и к исходу дня вышли на реку Васлуй южнее Кодешти. Всего в течение этого дня бригада с боями прошла 25 км, нанесла противнику большой урон, но и сама понесла ощутимые потери: сгорело два танка, пять подорвались на минах.

Разведка корпуса доложила, что из Ясс на Бэлчиул движется большая колонна пехоты и артиллерии под прикрытием танков. Комкор принял решение силами двух усиленных автоматчиками танковых батальонов 170-й и 181-й танковых бригад прикрыть фланг корпуса, оседлав дорогу на Васлуй, южнее Бэлчиула, разгромить подходящую колонну противника и тем самым обеспечить основным силам корпуса возможность движения вперед. Полковник Чунихин для выполнения этой задачи выделил 2-й танковый батальон. Старший лейтенант Матвеев расположил роты Колтунова и Фесенко на рубеже Прибештий – высота 218. Правее рубеж высота 218 – Шербетий занимал танковый батальон 181-й бригады. Здесь танкисты стали поджидать вражескую колонну, а главные силы бригады с рассвета переправились через реку Васлуй и, сбивая заслоны, продолжили наступление на Хуши.

Тем временем колонна противника подошла к Бэлчиулу. Осторожно пройдя его, она наткнулась на организованный огонь. После короткого замешательства танки развернулись и при поддержке огня артиллерии с пехотой пытались прорваться через заслон. Завязался ожесточенный бой. Противник, не считаясь с потерями, хотел уничтожить наши танки и выйти на реку Сирет. Бой продолжался более двух часов. Потери с обеих сторон были значительные. Поняв, что прорваться не получается, противник отдельными колоннами решил пройти через Бэлчиул и уйти на Нигрешти. Заметив это, батальоны перешли в атаку, смяли передовые части противника и громили их до Бэлчиула. Северо-западнее Бэлчиула слышалась интенсивная стрельба. Командир 2-го батальона решил, что его ведет какая-нибудь соседняя часть, и был рад, что ускользнувший противник наткнулся на наши части и будет уничтожен. Однако бой с колонной вел один танк бригады лейтенанта Рязанцева. Он был подбит днем ранее и отстал от основных сил батальона. Сменив вырванный каток и отремонтировав танк, комвзвода догонял свой батальон, когда при подходе к Бэлчиулу неожиданно наткнулся на отходящую колонну пехоты противника. Быстро оценив обстановку, Рязанцев принял бой. Прикрываясь высотой и умело маневрируя, он стал методично обстреливать противника: выскочив на гребень высоты, выстрелами из пушки и пулеметов бил по головным машинам и тут же скрывался за высотой. Противник стал развертываться и пятиться, и

тогда Рязанцев, обойдя высоту слева, открыл огонь во фланг колонне. Противник в панике начал метаться, а Рязанцев уже заходил справа и вновь открыл огонь, расстреливая машины и повозки. На поле боя осталось семь разбитых противотанковых пушек, десятки машин, много трупов. В этот момент подъехал замначштаба бригады капитан Новиков. Это был уже не молодой – до войны он был третьим секретарем райкома партии, – но очень грамотный офицер. Поглядев на результаты боя, он поблагодарил экипаж и комвзвода за умелые действия. За этот бой лейтенант Рязанцев был представлен к званию Героя Советского Союза¹¹.

Пока батальон Матвеева вел бой под Бэлчиулом, главные силы бригады продолжали наступление и с ходу овладели Миклештием. К исходу дня бригада овладела Манцулом и вышла к реке Красна. Уничтожив заслон на реке, мы с ходу переправились и овладели Строештием. Наш батальон сосредоточился в лесу в двух километрах юго-восточнее села.

На следующей день бригаде предстояло овладеть Хуши – важным стратегическим узлом дорог. Затем мы должны были, не останавливаясь, выйти на реку Прут в районе Леово, захватить переправы, соединиться с передовыми частями 3-го Украинского фронта и тем замкнуть кольцо окружения и не дать возможности отойти противнику за реку Сирет. По замыслу комбрига, в атаке на Хуши должна участвовать вся бригада, а уничтожением противника в нем займутся моторизованный батальон автоматчиков, 2-й и 3-й танковый батальоны. В то же время 1-й батальон с танкодесантной ротой и артдивизионом, не задерживаясь, должны были наступать на реку Прут, на соединение с передовым отрядом 3-го Украинского фронта.

Комбат собрал командиров взводов и рот. Капитан Клаустин доложил, что все офицеры собраны, за исключением командира 2-й танковой роты: он по техпричинам отстал за рекой Красна, танк требует ремонта.

– Хорошо, – сказал комбат. – Пусть ремонтируется и догоняет батальон, а роту поведет Брюхов.

Затем он поставил задачи ротам и, уточнив ряд организационных вопросов, отпустил нас. Началась рутинная работа по подготовке машин к завтрашнему маршу и бою. Гордый оказанным доверием, я старался изо всех сил. Не выдержав, Коля Максимов съязвил:

– Смотри, ротный, не надорвись!

С рассветом мы пошли в наступление, и, когда подошли к Хуши, старающийся избежать окружения противник начал беспорядочный отход. Развернувшись, батальоны одновременно перешли в атаку, ворвались в город и после короткого ожесточенного боя разгромили противника и вышли на юго-западную окраину Хуши. Юго-восточную окраину заняла 181-я танковая бригада. Наша рота во главе батальонной колонны пошла на реку Прут, и у Новэнешти мы встретили колонну легковых, штабных и грузовых машин противника. Рота атаковала колонну с головы, а подошедшая следом 1-я танковая рота ударила по ее хвосту. Зажатая с двух сторон колонна после короткого боя была уничтожена: оставшиеся в живых сдались в плен. Это оказался штаб 79-й пехотной дивизии 41-го армейского корпуса румын. Удалось удрать всего одной легковой автомашине, но, к сожалению, с генералом, командиром этой дивизии. В наши руки попали все штабные секретные документы и карты, но большой ценности они уже не представляли. Уцелевшие легковые машины и автобусы штаб бригады взял себе.

Наш батальон во второй половине дня вышел на рубеж высота 127 – высота 80, где был встречен огнем противника с рубежа высота 181 – Бэлтянул, прикрывающего подступы к переправам в районе Леово. Местность от Хуши до реки Прут была пересеченная, холмистая, на всем протяжении простирались необъятные поля высоченной кукурузы, которые

¹¹ Звание Героя Советского Союза было присвоено гвардии лейтенанту Н.Д.Рязанцеву 24.03.1945 г. (посмертно). (Прим. ред.)

надежно скрывали пехоту, артиллерию и даже танки противника. Воевать в таких условиях было трудно и опасно. Кроме того, досаждала жара и неимоверная пылица. Отрощенко развернул батальон и повел в атаку. Ощупью, медленно, мы пробивались сквозь буйную зелень кукурузы, уничтожая отходящего противника. Ломаю кукурузу, мой танк двигался вперед. Выйдя из кукурузы на одну из полевых дорог, я неожиданно увидел метрах в четырехстах слева «Пантеру». Немцы тоже нас заметили и стали разворачивать башню в нашу сторону. Сердце сжалось, а в голове пронеслось: «Неужели все?» Тут же я скомандовал: «Влево 20, «Пантера» 400, бронбойным, огонь!» Заряжающий гаркнул: «Готово!», но наводчик орудия сержант Блинов замешкался, ища цель, растерялся, руки его не слушались. Я резким рывком отбросил наводчика в сторону, да так, что тот свалился на боеукладку. Быстро перебросив пушку влево, я поймал «Пантеру» в прицел и нажал электроспуск. Выстрел! Вспыхнул фейерверк огненных брызг на броне немецкого танка, и тут же мы увидели охватившее «Пантеру» пламя. Секунды отделяли нас от смерти! После короткого оцепенения послышались восхищенные возгласы экипажа. Только Блинов сидел на боеукладке как пришибленный, боясь смотреть в глаза товарищам, хотя никто не упрекал и не укорял его. Я откинулся на спинку сиденья и отрешенно смотрел на прицел. Сердце все еще продолжало учащенно биться, а в голове крутилась одна мысль: «Успел... Все же успел... И на сей раз пронесло...» После короткой паузы я скомандовал: «Рой, вперед!» Механик-водитель воткнул вторую передачу, и танк, сильно рванув, помчался дальше, оставляя за собой пылающую «Пантеру». Атака продолжалась.

Моя рота вышла к срезу воды южнее Леово. Прикрываясь прибрежными кустами и деревьями, мы остановились. Осмотрев в бинокль противоположный берег, я увидел подходящие танки. Обнаружив роту, они открыли огонь, — завязалась короткая дуэль. Я видел, что это Т-34, и доложил комбату. Вверх были выпущены две красные ракеты — сигнал «свои», но танки на противоположной стороне продолжали стрелять из-за укрытий. Радист-пулеметчик сержант Пальников, рыская по эфиру, быстро поймал передачу на русском языке: «Ласточка, Ласточка! Я — Ромашка...» — далее кодом следовал текст. Когда Ромашка перешла на прием, Пальников включился на передачу: «Ромашка, прекратите огонь. На берегу свои, танкисты 2-го Украинского. Прием». К сожалению, в ответ радист услышал: «Ласточка, я — Ромашка, перехожу на запасную волну, в нашу сеть вклинился противник».

— Вот дура! — выругался Пальников. — Неужели они не видят и не понимают, что здесь свои?

Весь вечер нам пришлось выяснять отношения с передовыми частями 3-го Украинского фронта, а противник тем временем подорвал мост в Леово. Только к утру следующего дня 25 августа установилась устойчивая связь с частями 3-го Украинского. В Хуши подошли соединения 52-й армии; задача по окружению Яско-Кишиневской группировки была выполнена.

Комкор приказал комбригу очистить от противника полосу, прилегающую к реке Прут в районе Леово. С рассветом бригада перешла к уничтожению и пленению противника в прибрежной полосе. Борьба на этом этапе не укладывалась в обычную тактическую схему, четко обозначенной линии фронта не было. Боевые действия приняли маневренный, динамический характер, где все решали быстрота и натиск.

Танковые батальоны с ротами автоматчиков прочесывали местность в указанных районах. Наш батальон развернулся в линию, методически, последовательно, от рубежа к рубежу продвигался к реке Прут. При подходе к Фельчнул рота наскочила на огневые позиции противотанковой батареи, и немцы открыли по нам прицельный огонь с короткой дистанции. От неожиданности танки остановились. Я первым опомнился от этого минутного замешательства. В таких случаях есть только одно, испытанное средство преодолеть психологический барьер и заставить подчиненных возобновить атаку — это вырваться вперед, принять весь

огонь на себя и увлечь за собой роту. Надо сказать, что решиться на такой отчаянный шаг трудно, ужасно трудно! Но ведь в противном случае потери могут быть намного больше. Я крикнул: «Рой, вперед!» Механик-водитель рванул с места и, набирая скорость, направил танк прямо на батарею. Наводчик орудия моего танка открыл беглый огонь из пушки и пулемета. И тут я увидел, как справа от батареи выползают два штурмовых орудия. Развернув башню, я открыл по ним огонь и одновременно начал кричать по радио, чтобы шли за мной. Замешательство прошло. Танки моей роты ворвались на огневые позиции батареи и подавили шесть пушек. Одну самоходку мы сожгли, а вторая, спасаясь бегством, скрылась в высокой кукурузе, но наткнулась на роту Парфенова и была уничтожена ею.

С подходом 181-й танковой бригады наша бригада перешла в преследование отходящего противника; всего же за день боев бригада уничтожила 2 танка, 6 орудий, до 50 автомашин, 300 повозок и взяла в плен 970 человек. Началось неорганизованное отступление противника, перешедшее в бегство. Бежали кто как мог: без управления и взаимодействия, забивая шоссе и полевые дороги. Машины были переполнены людьми, многие висели на бортах, обессилев, падали на ходу и разбивались. На разрушенных переправах через реки создавались заторы, скопища обезумевших войск, которые беспрепятственно уничтожались нашей авиацией и танками. Дороги были забиты подбитыми и горевшими машинами, устланы трупами, которые в жару быстро разлагались. В воздухе стоял невыносимый смрад, от которого мутило. Да, это было ужасное зрелище, но оно не вызывало никакой жалости. Наоборот, мы почувствовали какое-то успокоение – наконец-то мы научились воевать!

Ночью 26 августа бригада дозаправилась горючим, пополнилась боеприпасами, людей накормили горячей пищей и дали им немного отдохнуть. С рассветом мы продолжили преследование. Впереди шел наш батальон, за ним – штаб бригады с мотобатальоном автоматчиков и далее 2-й и 3-й танковые батальоны. Тылы оставались отрезанными в Хуши. По пути на Берешти мы догнали отходящую колонну пехоты противника, с танками и артиллерией. Ведя огонь с ходу, танки моей роты обошли колонну и отрезали ей пути отхода, а рота лейтенанта Маевского ударила по хвосту... На дороге остались 4 подбитых немецких танка, 7 орудий, а машины и повозки мы не считали. Сбив вражеский заслон, батальон ворвался в Берешти и лишь в середине дня встретил организованное сопротивление на рубеже высота 264 – лес Валеюку. Разведчики Березовского притащили пленного, который сказал, что их 325-я штурмовая бригада с трудом вырвалась из окружения и сейчас переходит к обороне; в бригаде есть штурмовые и противотанковые орудия. Отрощенко решил не дать противнику закрепиться, с ходу атаковать и уничтожить его. Он развернул батальон, и атака началась. Вперед вырвался Коля Максимов. Я приказал комвзводам Яковлеву и Чебашвили не отставать, а сам, матеря Максимова по радио, рванул за ним. Как немцы не попали по Максиму – ума не приложу, но за счет нашего порыва атака получилась стремительной. Рота ворвалась на позиции противника и проутюжила их. Тем временем рота Маевского атаковала противника в лесу Валеюку, обеспечив наш левый фланг. Из-за одиноко стоящего сарая на юго-восточных скатах высоты 264 выползло самоходное орудие и начало поворачиваться в сторону танка Максимова. В пылу боя экипаж ее не заметил. Я крикнул в переговорное устройство:

– Вправо 10, самоходка, бронбойным, огонь!

Звякнул клин затвора, наглухо зажав снаряд в казеннике.

– Готово! – доложил заряжающий.

– Цель вижу, – спокойно сообщил Блинов, работая подъемным и поворотным механизмами.

– Короткая! – Сержант Рой на ровной площадке плавно остановил танк. Тут же прогремел выстрел – на броне самоходки брызнул сноп огненных брызг, а затем машину охва-

тили пламя и дым. Атака продолжалась, но рота Маевского завязла в лесу, выкуривая из него немцев. Темп наступления упал. Комбат принимал все меры, чтобы усилить нажим на врага, но сил было мало. К счастью, главные силы бригады подошли вовремя. Полковник Чунихин быстро разобрался в обстановке и приказал 2-му и 3-му батальонам с ходу развернуться и ударить по флангам узла сопротивления, а затем совместно с нашим 1-м батальоном завершить уничтожение противника. Около двух часов продолжался этот упорный бой. Потеряв 4 самоходки, 5 противотанковых орудий и десятки солдат и офицеров, противник не выдержал и стал отходить на Жорешти. Увы, сильно пересеченная местность не позволила нам окружить и полностью уничтожить противника.

В должности командира роты

Преследование отходящего противника продолжалось, однако становилось ясно, что нам трудно рассчитывать на большой успех. Бригада вела бои непрерывно более шести суток, пройдя за это время с боями 200 км. Люди устали и нуждались в отдыхе, большая часть танков была сожжена, подбита или отстала в пути по техпричинам. Тылы бригады были отрезаны в Хуши, резко ухудшилось снабжение горючим, боеприпасами, продовольствием. И чем дальше продвигались в глубь Румынии, тем сложнее и труднодоступнее для танков становилась местность. Большое количество крутых холмов, глубоких впадин, водных преград снижали скорость движения бригады, сковывали маневр. Досаждала нам дикая жара и невыносимая пылица.

Вечером 26 августа мы получили приказ наступать в направлении Кулалби – Тудор – Владимиреску, форсировать реку Сирет на участке Фундены – Тудор – Владимиреску и к исходу 27 августа выйти в район Сурдила – Гречь. В батальон вернулся после ремонта командир 2-й танковой роты лейтенант Гуляев. Полковник Чунихин утвердил меня в должности командира роты, а его назначил заместителем командира батальона. Нас вызвали к танку комбата, и комбриг объявил о своем решении, поздравил нас с новыми назначениями и пожелал успеха. Проводив комбрига, Отрошенков пребывал в хорошем настроении и шутил: «Ну, Иван, растешь ты у меня, как гриб после теплого дождя. За один месяц умудрился от комвзвода стать замом комбата. Ловко!» И действительно, еще в начале августа он был комвзвода, за неделю до наступления стал комроты и вот через неделю после начала боевых действий стал замом комбата. На войне бывает всякое, это было вынужденное, но разумное и правильное решение.

С рассветом преследование отходящего противника продолжалось. Передовым отрядом бригады шел наш батальон. Через час после начала движения, сбив небольшое прикрытие, овладели Кроешти. В жаркий полдень, прихватив трофейную автомашину «Опель-капитан», капитаны Калугин, Лебедев и Кулаков пригласили Эмилию Чамушеску в машину на обед. Взбодрившись вином, они развеселились и в приподнятом настроении решили догнать передовой отряд и вместе с ним выйти на реку Сирет, о которой так восторженно рассказывала Эмилия. За руль села Чамушеску. Ехали беззаботно: подогретые вином и присутствием девушки офицеры балагурили, стараясь блеснуть остроумием и произвести впечатление. Вероятно, именно поэтому они не заметили, как на развилке полевых дорог отвернули в сторону и тут наскочили на засаду. Вначале немцы не обратили внимания на машину, видимо, полагая, что это возвращается одна из отставших. Наши офицеры на какой-то момент оцепенели и даже растерялись: хмель как рукой сняло. Первой нашлась разведчица. Она притормозила и властно скомандовала: «Капитан! Бросай в них гранату!» Калугин быстро снял с пояса гранату, резко открыл дверцу машины и с силой швырнул ее. От неожиданности немцы повалились на землю. Этого замешательства было достаточно девушке. Поддав газу, она резко развернулась, и машина, набирая скорость, пошла в отрыв. Очухавшиеся фашисты, открыв сильный автоматный огонь, бросились в преследование. Видя, что от погони не уйти, Чамушеску направила машину в густую кукурузу. Ломая мощные стебли, машина неестественно подпрыгивала, ее бросало из стороны в сторону, и, наконец, она заглохла. Офицеры и разведчица выскочили и пустились наутек. Вдогонку немцы открыли по ним автоматный огонь, но преследовать по кукурузе побоялись. Когда офицеры вышли к своим, Эмилии с ними не было. Калугин с Лебедевым взяли танк командования бригады и поехали на розыски. Засады противника уже не было. Невдалеке от машины нашли Эмилию. Она лежала без сознания, в луже крови, с перебитыми ногами. Санинструктор наложил на раны жгуты, офицеры бережно перенесли ее на трансмиссию танка. В медсанвзводе ей оказали

помощь и отправили в госпиталь. Мне запомнилось, что девушка была смертельно бледна, а на ее окровавленной гимнастерке были ордена Отечественной войны и Красной Звезды. Что стало с ней дальше, я не знаю...

Тем временем наш батальон вышел к развилке шоссейной и железной дорог в 4 километрах юго-восточнее Шербенешти, где догнал колонну вражеской пехоты с танками и артиллерией: она отходила по шоссе на юг, к переправе. Противник остановился и поспешно изготовился к бою. Отрощенко развернул батальон и с ходу атаковал противника. Подошли главные силы бригады, и комбриг развернул на прямую наводку 315-й истребительно-противотанковый полк. При поддержке артиллерии бригада ворвалась в расположение противника. Потеряв 7 танков, 9 противотанковых орудий, десятки солдат и офицеров, побросав машины и повозки, противник стал отходить к переправе. На плечах отступающих бригада вышла к реке в районе Нынешти, но переправу нам захватить не удалось: немецкие саперы взорвали два пролета моста. На восточном берегу остались исправные танки, орудия и автомашины противника. Батальоны быстро расправились с остатками вражеских войск и, выйдя к реке, двинулись к городу Текучи. По оставшемуся не взорванным мосту мы переправились через реку Сирет и двинулись на Бухарест по хорошей асфальтовой дороге. Невыносимая жара делала свое дело – перегревались двигатели, закипала вода в системах охлаждения, началось возгорание резиновых бандажей на катках. Они отлетали кусками, засоряя дорогу, а с оголенными катками танк кособочило: он становился неуклюжим и на ходу напоминал хромого человека. Участились вынужденные остановки танков, и темп движения упал. Несмотря на это, бригада успешно преодолела 120 км и к исходу дня сосредоточилась на северной окраине Орзояска, где мы получили печальное известие – подорвалась на mine машина комкора, генерал-майор Полозков тяжело ранен и в безнадежном состоянии отправлен в госпиталь. Временно корпус возглавил его заместитель полковник Колесников.

Ночью разведчики нашей бригады на двух броневых автомобилях вошли в Бухарест. Было тихо. В центре города они обнаружили высокое массивное здание, осветили его фарой и прочитали – «Румынский Государственный Банк». Утром разведчики возвратились и доложили, что путь на Бухарест свободен, по маршруту противника нет. Мост через реку в Урзучени для танков непроходим, но рядом имеется брод. По данным разведки корпуса, противник мелкими группами отходит полевыми дорогами в юго-западном направлении.

К рассвету подвезли горючее, мы дозаправились, заменили негодные катки, накормили людей и дали им немного передохнуть. С утра 170-я и 110-я танковые бригады выступили по маршруту Орзояска – Бузеу – Урзучени. В голове колонн шел полковник Колесников с опергруппой корпуса. Вновь на большой скорости горели резиновые бандажи: дорога была усеяна кусками резины и наглядно указывала маршрут движения танков. Все же батальоны успешно завершили двухсоткилометровый марш и сосредоточились в лесу на северной окраине Афумаци. Бухарест был рядом, это волновало нас и вызывало жгучее желание двигаться быстрее. 29 августа правительство Антонеску¹² обратилось к советскому командованию с просьбой приостановить наступление Красной Армии на столицу и дать им возможность самим разобраться и навести порядок в городе.

Бригада расположилась в виноградниках. Мы стояли в ротных колоннах в готовности в любой момент начать движение. Машины дозаправили горючим, загрузили боеприпасы.

¹² Ион Виктор Антонеску (1882–1946) – глава правительства Румынии и Верховный Главнокомандующий румынской армии в 1940–1944 гг., активный сторонник политики нацистской Германии. На самом деле маршал Антонеску был арестован еще 23 августа 1944 г., после того как отказался выполнить требование короля Михая I о заключении перемирия с Советским Союзом. Казнен в Бухаресте 1 июня 1946 г. по приговору румынского суда как военный преступник. В 2006 г. был частично реабилитирован Апелляционным судом Бухареста по причине «превентивно-оборонительной» и «юридически оправданной» природы войны Румынии против Советского Союза (решение отменено Верховным судом Румынии в 2008 г.). (Прим. ред.)

Впервые за десять дней напряженных боев выдалась небольшая пауза, и мы использовали ее, чтобы провести осмотр машин и накормить людей горячей пищей. Сидя на броне, развалившись на чужой теплой земле, ребята расслабились, отдыхали, ели спелый сладкий виноград. Некоторые сходили к речушке, искупались и постирали обмундирование. Появилось и крестьянское вино, а за чаркой начались оживленные разговоры, шутки. К вечеру подошли тылы бригады и несколько танков из ремонта. Бригада получила приказ к трем часам ночи 31 августа выйти в Крынгу, а в последующем наступать на Козени и Бухарест. К полуночи этого же дня мы должны были выйти на юго-западную окраину Бухареста и сосредоточиться в районе Белеу.

В штаб срочно вызвали командиров батальонов и отдельных рот. Комбриг коротко изложил обстановку, поставил задачи и приказал выступать. Комбаты, не задерживаясь, разошлись. Прозвучал сигнал: «Подъем!» Со всех сторон понеслась команда: «По машинам!» При свете луны снующие между машинами люди походили на призраков. Комбаты на ходу ставили задачи ротным командирам, а те отдавали самый короткий приказ: «Все за мной! На Бухарест!» Взревели моторы, зажглись габаритные фонари. При свете подфарников танки начали движение. Звенящий лязг гусениц далеко разносился по округе. Колонны шли ходко. Волнение охватило всех: мы шли освобождать первую столицу западного государства. Потом будут Будапешт, Вена, но Бухарест займет в нашей памяти особое место: он был первым.

Ночью мы вошли в Крынгу. Бригаду остановили, поступила команда: «Привести в порядок бригаду и утром организованно войти в Бухарест». Всю ночь личный состав бригады не смыкал глаз. Мы чистили танки, автомашины, тщательно укладывали и притрачивали имущество, мылись, брились. Ранним прохладным утром мы выступили из Крынгу на Бухарест. Впереди со знаменем бригады шел «Виллис» комбрига Чунихина. В 9.20 утра 31 августа 170-я танковая бригада вошла в Бухарест. Жители встречали нас цветами. Пройдя через весь город, бригада сосредоточилась на южной окраине в пригороде Прогрессу и расположилась в садах и пригородных домах. Трое суток мы стояли на месте: несли патрульную службу, восстанавливали подбитые и вышедшие из строя танки, создавали запасы ГСМ, боеприпасов, продовольствия. Там же организовали помыв и отдых личного состава. Конечно, мы ездили в столицу, хотя вскоре поступил приказ, запрещающий посещение Бухареста. И было из-за чего! Вечером Леша Рыбаков и Коля Максимов собрались в город. Я отпустил его до двух ночи. Рыбаков вернулся, а Максимов нет. Я нервничал, уснул только под утро. До подъема было еще полчаса, когда я вдруг услышал цокот копыт, скрип повозки и пьяный голос Максимова, под аккомпанемент скрипки тянущего «Катюшу». К расположению роты подъезжала пролетка: Максимов сидит за кучера, рядом с ним скрипач-цыган в яркой рубашке, с копной черных вьющихся волос, сзади кучер и экстравагантная молодая женщина во хмелю. Увидев все это, я бросился навстречу, подхватил коня под уздцы и стал поворачивать его назад. Коля Максимов соскочил с облучка: «Вася! Вот, тебе подарок привез!» Я на него: «Ты что делаешь, сукин сын?!» Мы не заметили, как поднялась рота, наблюдая эту сценку. Танкисты упрашивали: «Товарищ лейтенант, оставь девчонку в роте». Извозчик обрадовался такому исходу и погнал коня прочь что есть духу. Рота с сожалением провожала пролетку с «красавицей». Я еще выговаривал Максимова, когда тот, не обращая внимания на завистливые взгляды сослуживцев, направился к своему танку. Экипаж подготовил постель, и, проснувшись, Коля поведал нам, как чудесно отдохнул в борделе. Конечно же, его цветистый рассказ вызвал волну зависти, и на следующий день, несмотря на уже вышедший приказ, на поиски приключений отправились мы с заместителем начальника штаба бригады Юрой Калустиним. Мы почистились, помылись, втихаря сели в машину (трофейные машины у нас уже были «в товарных количествах», и я освоился с их вождением) и поехали в город. Дом терпимости мы нашли легко – это было одно из лучших зданий Буха-

реста. Вошли в парадный подъезд, поднялись по шикарной лестнице. В большом фойе нас встретила бандерша, проводила на диван. В баре мы заказали ликер – хотелось сладкого, от водки и спирта мы уже порядком устали. Нам подали альбом, в котором были фотографии красавиц с маленькой аннотацией. По-румынски мы не понимали, поэтому, когда подошли выбранные нами девушки, оказалось, что выбранная мной на голову меня выше, а Калустиным – на голову его ниже. Пришлось поменяться! Мы заплатили бандерше 500 лей и пошли в номера. Закуска и спиртное в номере оплачивались отдельно, да еще и девушка напоследок упросила дать денег... К рассвету мы были дома.

Румыны хорошо относились к нам. Правда, рассматривали они нас с некоторым любопытством, иной раз даже трогали солдат и удивлялись, что мы обычные люди, а не сибирские медведи, покрытые шерстью и с окладистой бородой. Одна румынка крадучись подошла к танку, достала из сумочки ножик и стала ковырять броню, проверяя, не деревянный ли у танка корпус, как пропагандировали фашисты.

Недалеко от расположения обнаружили цистерны с вином. Люди потянулись туда с котелками, флягами и даже с 90-литровыми танковыми бачками. Начались шумные застолья. Но приятное пребывание под Бухарестом было недолгим. Рано утром колонны батальонов вытянулись, и в 7.00 штаб бригады прошел исходный пункт. Стояла чудесная сентябрьская погода: на небе ни облачка, но жары уже нет. Вдоль маршрута простирались сады, виноградники, обширные поля высокой спелой кукурузы. Хорошая шоссейная дорога позволяла двигаться с высокой скоростью. Однако опять начались проблемы с двигателями и резиновыми бандажами катков. Несмотря на отставание отдельных танков, шли ходко, весело, на земле и в воздухе было спокойно. Автоматчики, облепив танки, беззаботно сидели на броне, любуясь чудной природой этого края. Без помех мы прошли 60 км и сосредоточились на юго-восточной окраине Дрэгешти. Здесь мы дозаправили машины, провели техосмотр, подтянули отставшие танки, на некоторых заменили катки.

На другой день, пройдя еще 10 км, мы остановились на юго-западной окраине Каракале. Вновь сыпались бандажи катков. Потребность в них увеличивалась, и зампотехи представляли катки с подбитых и неисправных танков. Работа адская, но другого выхода не было. Ремонтники, не зная отдыха, валились от усталости и тут же у танков засыпали.

С рассветом бригада продолжила движение и сосредоточилась в живописной предгорной местности в двух километрах восточнее Крайова. Остановка перед трудным переходом через Карпаты была кстати. Этого времени хватило, чтобы подтянуть основную массу отставших танков и восстановить те, которые своим ходом, ковыляя, дотянули до нас. Были произведены небольшие перемещения офицеров: Коля Максимов был назначен командиром взвода.

Остановка под Крайовой была омрачена трагедией. У нас в батальоне одним из командиров танка был лейтенант Иванов с Белгородчины. Это был взрослый мужик лет 32–34, коммунист, с высшим агрономическим образованием, бывший до войны председателем колхоза. В его деревне стояли румыны, и при отступлении они угнали с собой молодежь, а коммунистов и их семьи согнали в один сарай и сожгли. Потом соседи говорили, что люди кричали и плакали, когда солдаты обливали сарай горючим, а потом румыны еще стреляли, добывая их через доски. Вот так погибла семья Иванова – жена и двое детей... Наша бригада проходила недалеко от его села, и он отпросился заехать. Там ему рассказали эту историю, отвели на пепелище. Когда он вернулся, его словно подменили. Он стал мстить. Воевал лейтенант здорово, временами даже казалось, что он ищет смерти. В плен Иванов не брал никого, а когда в плен пытались сдаваться, косил не раздумывая. А тут... Они выпили и пошли с механиком искать молодку. К вечеру зашли в дом: в комнате сидят и пьют чай пожилой мужчина и молодка лет двадцати пяти, у нее на руках полуторагодовалый ребенок. Ребенка лейтенант передал родителям, ей говорит: «Иди в комнату», а механику: «Ты иди,

трахни ее, а потом я». Тот пошел, а сам-то пацан с 1926 года, ни разу, наверное, с девкой связи не имел. Он начал с ней шебуршиться, а она в окно выскочила и побежала. Иванов стук услышал, выскакивает: «Где она?» А она уже бежит. «Ах ты, сукин сын, упустил!» – и дал ей вдогонку очередь из автомата. Румынка упала, они и ушли. Если бы он целился в бегущую, то наверняка не попал бы. А тут из очереди всего одна пуля – и прямо в сердце. На следующий день ее родители с местными властями пришли к нам в бригаду. А еще через день органы их вычислили и взяли – СМЕРШ работал неплохо. Иванов сразу сознался, что стрелял, но сказал, что не понял, что убил ее. На третий день был суд. На поляне построили всю бригаду, привезли бургомистра и отца с матерью убитой девушки. Механик плакал навзрыд, Иванов еще ему говорит: «Слушай, будь мужиком. Тебя все равно не расстреляют, нечего нюни распускать. Пошлют в штрафбат – искупишь кровью». Когда им дали последнее слово, тот все просил прощения, и так и получилось: дали 25 лет с заменой штрафным батальоном. А лейтенант встал и говорит: «Граждане судьи Военного трибунала, я совершил преступление и прошу мне никакого снисхождения не делать». Вот так, просто и твердо. Сел и сидит, травинкой в зубах ковыряется. Объявили приговор: «Расстрелять перед строем. Построить бригаду. Приговор привести в исполнение». Строились мы минут 15–20. Подвели осужденного к заранее отрытой могиле. Бригадный особист, подполковник, говорит нашему батальонному особисту, стоящему в строю бригады: «Товарищ Морозов, приговор привести в исполнение». Тот не выходит. «Я вам приказываю!» Тот стоит, не выходит. Тогда подполковник подбегает к нему, хватая за руку, вырывает из строя и сквозь зубы матом: «Я тебе приказываю!» Тот пошел. Подошел к осужденному. Лейтенант Иванов снял пилотку, поклонился в пояс, говорит: «Простите меня, братцы», – и все. Морозов говорит ему: «Встань на колени. Наклони голову». Он сказал это очень тихо, но всем слышно было – стояла жуткая тишина. Лейтенант встал на колени, пилотку сложил за пояс... «Наклони голову». И когда он наклонил голову, особист выстрелил ему в затылок. Тело лейтенанта упало и бьется в конвульсиях. Так жутко было... Особист повернулся и пошел, из пистолета дымок идет, а он идет, шатается, как пьяный. Полковник кричит: «Контрольный! Контрольный!» Тот ничего не слышит, идет. Тогда он сам подскакивает: раз, раз, еще... Что мне запомнилось – после каждого выстрела, мертвый он уже был, а еще вздрагивал. Полковник тело ногой толкнул, оно скатилось в могилу: «Закопать». Закопали. «Разойдись!» В течение пятнадцати минут никто не расходился. Мертвая тишина. Воевал Иванов здорово, мы уважали его, знали, что румыны сожгли его семью. Мог ведь снисхождения просить, говорить, что случайно, но нет...

Остаток дня прошел в подавленном состоянии. Говорить не хотелось, все жалели Иванова. Но после этого случая никаких эксцессов с местным населением у нас в бригаде не было.

9 сентября мы покидали чистый, нетронутый войной, небольшой город Крайова. Находясь в резерве корпуса, бригада шла за штабом корпуса по маршруту Атзуснаци – Дева. На этот раз походный порядок был построен с учетом возможного ведения встречного боя. В авангарде шел наш 1-й танковый батальон. Пройдя 50 км по живописным предгорным дорогам, бригада сосредоточилась в Брэнешти. Затем бригада преодолела Трансильванские Альпы и сосредоточилась в Ливозени, в 5 км южнее Петрошани. Этот марш проходил в исключительно сложных условиях труднодоступной местности – по узкой, горной дороге, изобилующей крутыми подъемами и спусками, резкими поворотами, опасными участками, где с одной стороны отвесные скалы, а с другой – бездонная пропасть. На всем протяжении встречались оставленные противником завалы и инженерные заграждения с узкими проходами, проделанными двигающимися впереди нас частями. И чем выше мы забирались в горы, тем слабее тянули двигатели танков и автомашин. Водителям приходилось призывать на помощь все свое мастерство и опыт, чтобы не скатиться назад, не сорваться в пропасть.

Машины шли медленно, строго выдерживая дистанции и соблюдая все меры предосторожности. Притихли и крепче прижались к броне автоматчики, с тревогой смотрели вперед танкисты. Красота Трансильванских Альп теперь больше пугала, чем очаровывала.

К 11 сентября мы сосредоточились в Кистени, а вскоре бригада передислоцировалась в Деву, где стояла в резерве корпуса. Здесь пришло радостное сообщение о том, что я награжден орденом Красного Знамени. Награждены были также комбаты Отрощенко и Матвеев. На радостях они уехали в город Дева и в ресторане «обмыли» свои ордена. Возвращаясь обратно, комбаты увидели опрокинутую машину с солдатами. Несколько человек получили серьезные травмы, а подвыпивший зампотех батальона автоматчиков капитан Калабухов беспомощно стоял, не зная, что предпринять. Они остановились, и возмущенный бездейственностью Калабухова Отрощенко набросился на него: «Ах ты, гад! Кто тебе дал право калечить людей?!» Калабухов, не раздумывая, ударил Отрощенко кулаком по лицу, но тут же опешил и бросился бежать в кусты. Отрощенко оторопел, он не ожидал такой прыти от зампотеха! Рассвирепев, комбат выхватил пистолет и произвел по убегающему офицеру три выстрела. Отрощенко отлично стрелял из пистолета, но тут промахнулся. Расстроенные комбаты вернулись в бригаду и сообщили об аварии. Капитан Горб направил фельдшера батальона Курилова с санинструктором Матреной Ляшенко на место происшествия. Инцидент стал известен начальнику особого отдела бригады и комбригу. Чунихин с Негрулем вызвали Отрощенко и Калабухова.

– Эх, Сережа, – начал расстроенный комбриг, – а я-то думал, ты стал зрелым мужчиной и серьезным командиром. А ты все еще впадаешь в детство и опасно играешь. Под трибунал бы вас нужно отдать, да жаль паршивцев! Ладно, отстраняю вас от должностей. Вас, капитан Отрощенко, назначаю замом командира 3-го танкового батальона, поднаберешься там ума-разума. А вас, капитан Калабухов, зачисляю в резерв до особого распоряжения.

Отрощенко от стыда готов был провалиться сквозь землю. Он покорно и безропотно воспринял наказание и тут же уехал к майору Грищенко собирать и подтягивать танки. Батальон принял капитан С.П.Задорожный. Замена была неравноценна. Задорожный был веселый, компанейский, хороший человек, но это было и все! Он был очень слабым организатором, не обладающим необходимыми командирскими качествами – волей, инициативой и находчивостью, да к тому же любитель «заложить за воротник»...

Новое наступление

16 сентября наконец пришел приказ: «Бригаде выступить и 17.09.44 сосредоточиться в районе Монороштия». Марш мы совершали ночью, со всеми мерами предосторожности и маскировки. В кромешной темноте танки двигались при тусклом свете подфарников, чутьем угадывая дорогу и направление. Ночи были холодные. Клонило ко сну. Перед рассветом мы вышли в указанный район, расставили и замаскировали танки. Автоматчики соскочили с танков, приплясывая и энергично размахивая руками, грелись, разминали затекшие ноги. Расставив танки и выставив засады, разместились в домах. Трое суток мы простояли в этом районе, находясь в резерве комкора, а к утру 19 сентября главные силы корпуса сосредоточились в районе Липова.

С утра 21 сентября развернулись тяжелые бои на ограниченном участке местности в районе города Арад – важнейшем узле железных, шоссейных и грунтовых дорог. Противнику удалось собрать довольно крупную группировку войск из отходящих из Румынии частей и нанести удар по ослабленным частям нашего 18-го танкового корпуса и соединений 53-й армии. С большими потерями наши войска медленно отходили, оставив важные населенные пункты Зигманд-Куз и Этвекеш. В этот момент комкор решил ввести в бой свой резерв и по радио поставил задачу командиру 170-й танковой бригады: «Незамедлительно перейти в наступление. Совместно с главными силами корпуса разгромить противостоящего противника и вернуть оставленные населенные пункты». Чунихин приказал выводить батальоны на рубеж ввода в бой, а сам, забрав комбатов, помчался уточнять обстановку и увязывать взаимодействие с воюющими бригадами корпуса. С подходом танков он уточнил на местности задачи батальонам и определил время «Ч» – начало атаки.

Наступление началось. Для Задорожного это был экзамен на прочность и самостоятельность. Он излишне нервничал, суетился, дергал меня и Рязанцева – в общем, больше мешал, чем помогал. Атака с ходу нам не удалась, и мы отошли на исходные позиции. Комбриги подтянули артиллерию, подоспела авиация. После повторного уточнения задачи мы перешли в наступление, поддерживаемые авиацией и артиллерией. Моя рота вышла на восточную окраину Зигманд-Куз, рота Рязанцева – к огненным позициям вражеской артбатарей. Расстреляв и раздавив орудия, она с большим трудом пробилась к шоссе Шимандул-Арад, где была оставлена и теперь вела огневой бой. Рота понесла ощутимые потери. Один танк был подбит и неподвижно стоял на окраине, а два других догорали в самом Зигманд-Куз. Моя рота уничтожила один танк, разбила три противотанковые пушки, но при этом потеряла один танк. С большим трудом и значительными потерями бригада овладела Зигманд-Куз, вышла на шоссе, ведущее на Арад. Ожесточенный бой продолжался до позднего вечера...

С рассветом 22 сентября бригада во взаимодействии с 32-й мотострелковой бригадой продолжала наступление. Сбив противника с шоссейной дороги, наш батальон перешел к преследованию отходящего противника, но при подходе к Сфынту-Поул мы опять уперлись в оборону и с ходу прорваться не смогли. Тогда пехота и артиллерия усилили натиск с фронта, а танки, незаметно выйдя из боя под их прикрытием, оторвались от противника. Используя пересеченную местность, по ложинам, вне дорог, мы обошли узел сопротивления и ударили в тыл противнику. Немцы не ожидали этой атаки, дрогнули и стали отходить. Однако в воздухе незамедлительно появилась вражеская авиация. Она беспрерывно бомбила и обстреливала боевые порядки бригады. На многих танках были пробиты запасные топливные баки, сорваны полки и ящики с инструментом, покорежены катки. Были ранены и отправлены в госпиталь комроты старший лейтенант Рязанцев и офицер связи бригады старший лейтенант Чебашвили. Этот «экзамен» капитан Задорожный не выдержал: он явно не

был готов командовать батальоном. Чунихин приказал Задорожному свести все танки в мою роту и, подъехав к нашему расположению, лично поставил задачу. Сводная рота продолжала наступление. Ведя бой с отходящими подразделениями противника, танки совместно с батальоном автоматчиков вышли к развилке шоссейных дорог в 6 км от города Гайя, где наткнулись на упорное сопротивление вражеских танков и артиллерии.

Я с ходу развернул сводную роту и совместно с батальоном автоматчиков атаковал противника. Около двух часов шел упорный напряженный бой. Мы буквально прогрызали оборону противника, и вот он не выдержал и стал медленно отходить. Я уловил этот момент и вырвался вперед. За мной пошел Коля Максимов, а следом и вся сводная рота. Отдельные подразделения венгров и немцев стали сдаваться в плен. Вскоре наши танки вышли на развилку шоссейных дорог, и задача дня была выполнена. Этот узел шоссейных дорог, идущих из Арады на север и северо-запад, имел большое значение: с его захватом пути отхода противнику были отрезаны. За день боя противник понес значительные потери, но и сводная рота потеряла три танка.

Наш батальон и батальон автоматчиков заняли круговую оборону. Танков у нас осталось очень мало, а пополнения не предвиделось. Опускался прохладный осенний вечер. Уставшие за день танкисты, автоматчики, артиллеристы закреплялись и улучшали свои позиции. В район обороны прибыл офицер связи бригады Саша Чащегоров и передал приказ: «Комбатам и Брюхову срочно прибыть в штаб бригады». На моем танке мы направились в штаб, который располагался недалеко от Гайи, в живописном фольварке.

На большой скорости танк подкатил к автобусу комбрига. Здесь уже собрались все офицеры штаба и командиры подразделений. Полковник Чунихин приказал достать карты и сразу приступил к постановке задачи: «Сегодня в ночь скрытно от противника выйти из боя и, резко изменив направление, наступать на Баттонью, Мако, Ходмезевашархей. Вперед высылается передовой отряд в составе танков 1-го танкового батальона, усиленного артдивизионом и танкодесантной ротой. Командиром передового отряда назначаю Брюхова». Я ответил по форме: «Есть!» – «Ваша задача, – продолжал комбриг, – первым перейти государственную границу Румынии и Венгрии, не ввязываясь в затяжные бои, освободить Баттонью. Начать освобождение Венгрии и обеспечить наступление бригады на Мако».

Ночью передовой отряд сосредоточился в небольшой роще. Машины дозаправили горючим, пополнили боеприпасами, хорошо накормили людей и около 2 часов ночи 23 сентября начали выдвижение к венгерской границе. Шли на ощупь, по проселочным дорогам, соблюдая все меры предосторожности и маскировки. Ночную тишину нарушал лишь гул моторов и лязг гусениц. С рассветом мы вышли на улучшенную грунтовую дорогу, которая вела к границе. Поеживаясь от утренней прохлады, пристально глядя вдаль, сидели на башнях командиры машин. Автоматчики грелись на трансмиссии. Мы остановились, внимательно осматривая местность впереди. Покосившийся пограничный столб, обрывки колючей проволоки и поваленный шлагбаум говорили о том, что здесь проходит государственная граница Румынии и Венгрии. Узкая проселочная дорога вела к Баттонье. Слева и справа от дороги, вперемежку с рощами, простирались поля неубранной, спелой кукурузы, тут и там просматривались отдельные, убогие домики хуторов, утопающие в зелени. Стояла непривычная тишина. Казалось, что нет никакой войны. Но не прошли мы и полукилометра, как эту тишину разорвал грохот разрывов снарядов и мин, треск пулеметных очередей. Это взвод Максимова встретился с противником, развернулся и атаковал его. Завязался короткий, стремительный и хлесткий бой. Опорный пункт с ходу был смят, и наш передовой отряд продолжал движение по дороге на Баттонью. В воздухе появилась «рама»¹³.

¹³ Фронтное прозвище германского разведчика-корректировщика FW-189. К концу 1944 г. этот тип самолетов уже довольно редко появлялся над полем боя. (Прим. ред.)

Описав круг над передовым отрядом, она легла на обратный курс – верный признак того, что надо ждать самолетов противника. Зенитных средств передовой отряд не имел. Около хутора перед самой Баттоньей я приказал рассредоточить и замаскировать танки, радистам снять лобовые пулеметы и вместе с автоматчиками приготовиться к отражению воздушного налета. Мы замаскировались снопами сжатой пшеницы, и вскоре действительно появились три «Мессершмитта». Поначалу они не обнаружили танки, но потом, пройдя на бреющем, разметали нашу нехитрую маскировку. Мой танк стоял крайним у дороги, его они и атаковали. Один из снарядов попал в трансмиссионное отделение, и танк загорелся. Мы выскочили, залегли в кювете. Вскоре сдетонировал боекомплект, сорвав башню танка с погона. Ее верхний лист взмыл высоко вверх прямо надо мной. Я пополз по канаве, с ужасом думая, что сейчас он упадет на меня, но он упал в 20 метрах.

Израсходовав боеприпасы, самолеты улетели. Ждать повторного налета авиации мы не стали, а пошли вперед. Я приказал взводу Алексашина продолжать наступление вдоль дороги, отвлекая на себя противника, а два других взвода пошли левее и правее ее. Неожиданно путь нам преградил глубокий ров, вырытый, по-видимому, для осушения полей. Атака захлебнулась, танки встали. Противник открыл сильный артиллерийский огонь, корректировавшийся с колокольни церкви в центре Баттоньи. В этой критической ситуации я приказал всем развернуть пушки назад и преодолеть ров в удобных местах. Первым преодолев ров, я рванул вперед, на ходу стреляя из пушки и пулеметов; за мной шли остальные танки. Атака возобновилась, а когда удачным выстрелом сбили корректировщика с колокольни, огонь артиллерии ослаб. Прикрываясь домами, маневрируя, мы вышли в центр городка. Противник стал отходить, прятаться в домах. Наши автоматчики прочесали дома и улицы, и к 12.00 23 сентября городок Баттонья был освобожден. Передовой отряд вышел на его северо-западную окраину, где перешел к обороне. Так был освобожден первый венгерский город. Первый бой на территории Венгрии оказался на редкость упорным и жестоким. Противник не хотел мириться с потерей Баттоньи. Он подтянул резервы и неоднократно контратаковал, бросая танки и пехоту при поддержке авиации и артиллерии, но наш передовой отряд устоял, отбив все атаки.

К исходу дня противник отошел, потеряв в боях 9 танков (4 из них были на моем личном счету), 7 противотанковых пушек, 13 минометов и оставив в Баттонье два склада боеприпасов. Наши потери составили четыре танка с экипажами... Полковник Чунихин по радио поздравил меня с переходом государственной границы Венгрии, поблагодарил за выполнение поставленной задачи и приказал закрепиться на достигнутом рубеже. Нам подвезли боеприпасы и горючее, а когда подъехала кухня, мы накормили личный состав и дали ему возможность немного передохнуть. Тогда же мы похоронили убитых...

Ночь прошла спокойно. Жители, напуганные фашистской пропагандой, боялись показываться на улицах, прятались в домах и погребах. К утру они осмелели – первыми появились любознательные ребятишки, за ними – молодые женщины.

В боях за Венгрию

23 сентября прибыл и вступил в командование корпусом генерал-майор П.Д.Говоруненко. Он был среднего роста, чуть полноват, с волевым и даже каким-то свирепым выражением лица. Из-под больших, густых, нависших черных бровей смотрели колючие, строгие глаза, которые сверлили человека насквозь, вселяя страх и ужас в подчиненных. Это был резкий и властный командир, и его твердую руку сразу почувствовали в корпусе. Говоруненко быстро разобрался в обстановке и принял смелое решение: «Во взаимодействии с частями 288-й стрелковой дивизии с рубежа Баттонья – Перегул-Маре разгромить противостоящего противника и наступать в направлении Мезехедьеш, Тоткомлош, Сентеш. К исходу 26 сентября кратчайшим путем выйти на реку Тисса, где захватить переправы на участке Сентеш-Фельдеак».

К исходу 24 сентября приказ поступил в бригады, и мы приступили к подготовке и выполнению задачи. Пока готовились к наступлению, разведка корпуса доложила, что в Ходмезевашархей сосредоточилась сильная группировка войск противника. Комкор понял, что она может нанести удар во фланг наступающим частям корпуса, поэтому внес изменение в свое решение: «181-й танковой бригаде с севера, а 170-й – с юга атаковать Ходмезевашархей и совместно с 228-й стрелковой дивизией уничтожить противника в городе и выполнять ранее поставленную задачу».

24 сентября наш 1-й танковый батальон выступил из Баттоньи. После короткого боя мы овладели селом Чанадпалоту и, продолжая наступление, захватили город Мако. Не останавливаясь, бригада продолжала наступление на север. Разгромив небольшие гарнизоны венгров в Кирайхедьеш и населенном пункте «господский двор Ракоши», наши танки ворвались в Фельдеак. Здесь комбриг увязал взаимодействие с командиром 799-го стрелкового полка. Полк (вернее, то, что от него осталось) разместился десантом на наших танках. Из Фельдеака мы наступали вдоль шоссе, сбивая заслоны, и в 8 км от Ходмезевашархей наскочили на сильный узел обороны. Разведка проморгала! Рота втянулась в бой, но, уничтожив один танк и разбив батарею противотанковых пушек противника, остановилась. В это время комбриг с остальными силами бригады обошел узел обороны справа. Противник, опасаясь окружения, начал отход на Ходмезевашархей, а мы начали преследование. Вскоре бригада вышла к южной окраине города; одновременно к ее северной окраине вышла и 110-я бригада. Совместно с пехотой мы начали штурм города, но, несмотря на артиллерийскую поддержку, наших сил явно не хватало. Противник, подтянув силы, упорно оборонялся. Кроме того, у немцев в городе стоял бронепоезд, который, маневрируя между домами по восточной окраине, вел по нам сильный огонь.

Быстро кончился короткий осенний день. Танки и пехота отошли на исходные рубежи. Ночь прошла в напряженной подготовке к новому штурму. Передохнуть не удалось: противник всю ночь не давал нам покоя, пытаясь контратаковать. Всю ночь, в дождь и в кромешной темноте, гремели выстрелы. Рассвет наступал мучительно долго. Сплошная облачность покрыла небо. Беспрерывно шел нудный осенний дождь, земля размякла и сильно затрудняла движение даже пехоте. Резко сократились подвижность, маневренность танков. Местность перед городом была ровная, открытая. С водонапорных башен, элеватора и колоколен весь наш боевой порядок был виден как на ладони, и прицельный огонь из орудий и минометов наносил нам большие потери.

После короткой артподготовки 18-й танковый корпус и 228-я стрелковая дивизия перешли в атаку. Начался ожесточенный бой. Танки медленно ползли, ведя огонь с ходу из пушек и пулеметов. Стреляли мы часто наугад, так, для остротки. Пехота, не отставая, шла за танками. Окраину Ходмезевашархей затянуло дымом. В городе вспыхнули пожары. С боль-

шим трудом мы ворвались на окраину, но противник не собирался отдавать город и яростно сопротивлялся, используя для опоры каждый дом. Встретив столь упорное сопротивление, пехота залегла. Танки, зажатые домами, чувствовали себя «неуютно» и встали. Сил для наращивания усилий в корпусе и дивизии не было. В эфире стоял мат и взаимные упреки.

В этот день, как и в предыдущий, особую неприятность нам доставлял вражеский бронепоезд. Прикрываясь домами, он незаметно выкатывался то в сторону Мако, то в сторону Орошхаза и открывал губительный огонь. Разозлившись, Коля Максимов попросил меня прикрыть его огнем, а сам рванул на перехват бронепоезда. Я за ним! На встречном курсе Максимов поймал бронепоезд и удачным выстрелом подбил его. Бронепоезд остановился, зафыркал, изрыгая огромные клубы пара, и стал медленно отходить. Огонь наших двух танков добил его: он еле уполз в укрытие и больше не появлялся. Пехота повеселела, поднялась в атаку и начала выкуривать противника из домов. Весь день до позднего вечера продолжался упорный бой, но безуспешно. Бригада понесла большие потери, но пробиться к центру города не смогла...

Противник решил сорвать продвижение наших войск в глубь Венгрии и, отведя румынские войска, перешел в наступление в направлении Чанадпалота – Тоткомлош. Удар приходился в тыл нашей 53-й армии и 18-му танковому корпусу. Командующий 53-й армией приказал 228-й стрелковой дивизии сковать противника под Ходмезевашархей, а 18-му танковому корпусу под покровом темноты выйти из боя, разгромить вклинившегося противника и обеспечить левый фланг армии. 170-я и 110-я танковые бригады ночью, в непогоду, незаметно вышли из боя и сосредоточились в Фельдеаке, а утром перешли в наступление. Удар получился неожиданным для противника. Разгромив и разогнав венгерские части, 170-я танковая бригада захватила Чанадпалоту, где заняла круговую оборону. Северо-западнее к обороне перешел 975-й стрелковый полк 228-й стрелковой дивизии, а восточнее – 110-я танковая бригада корпуса. Но противник быстро обнаружил отход 18-го танкового корпуса и после небольшой перегруппировки сил решительно атаковал ослабленные части 228-й стрелковой дивизии. Пехота не выдержала напора и стала отходить с боями на юг. Противник занял Фельдеаке и развивал наступление на Мако и Чанадпалоту. Создалось угрожающее положение для наших частей: они оказались как бы зажаты с двух сторон.

Полковник Чунихин незамедлительно бросил основные силы бригады на Мако. Второй раз за последние дни танкисты бригады во взаимодействии с пехотой начали освобождение Мако. Завязался бой. Противник не ожидал нашего наступления – не успел даже закрепиться, и в его рядах началась паника. К исходу дня город был полностью очищен от противника, и бригада совместно с 228-й стрелковой дивизией заняла круговую оборону. 1-й танковый батальон остался в Чанадпалоте. Не надеясь на Задорожного, комбриг оставил с батальоном замначштаба бригады майора Новикова, возложив на него оборону Чанадпалоты.

На небольшом участке юга Венгрии разыгрались драматические события. Обстановка ежедневно менялась в пользу одной или другой стороны. Шла настоящая круговерть. Населенные пункты переходили из одних рук в другие по несколько раз. Напряженные, изматывающие боевые действия шли день и ночь без сна и отдыха. 29 сентября противник производил перегруппировку своих сил и средств. Этим воспользовались наши танкисты и пехота, улучшая и укрепляя свои позиции. Во второй половине дня противник перешел в наступление сразу с трех направлений. Его пехота при поддержке танков и артиллерии атаковала в направлении Чанадпалоты. Главный удар 18-я пехотная дивизия венгров наносила на Мако. Ей удалось смять оборону 767-го стрелкового полка и ворваться на северную окраину города, где завязались ожесточеннейшие бои. Противник пытался любой ценой вернуть Мако. Лишь ценой больших потерь нашим войскам удалось сдержать натиск врага и не дать

ему возможности овладеть городом. К исходу дня силы противника иссякли, и с наступлением темноты он прекратил атаки.

Успешно отразив все атаки венгров, 1-й танковый батальон удержал позиции в Чанад-палоте. Ночью комдив стрелков прислал в 767-й стрелковый полк пополнение, и с утра этот полк, при поддержке 2-го танкового батальона бригады, перешел в контратаку и отбросил противника. Танкисты, пехота и артиллерия дивизии закреплялись на достигнутых рубежах. А вот наша авиация бездействовала: слишком далеко мы ушли вперед. В течение нескольких дней продолжались упорные, ожесточенные бои. Все атаки врага были отбиты. 5 октября потрепанные части 6-й и 2-й пехотных дивизий и 1-й танковой дивизии венгров перешли к обороне.

Командир 18-го танкового корпуса получил приказ: «Силами 170-й танковой бригады во взаимодействии с 228-й стрелковой дивизией удерживать занимаемый рубеж, а главными силами прорвать оборону противника и наступать в направлении Кунагота, Орошхаза, Сентеш. Овладеть Орошхазом и выйти на рубеж Уйварош – Надьмагоч, выслав передовые отряды на р. Тисса, и захватить переправы в районах Чонград. В последующем быть в готовности наступать на Сольнок». 6 октября главные силы корпуса прорвали оборону противника и уничтожили потрепанные части его 6-й и 20-й пехотных дивизий и, развивая наступление, овладели Орошхазом. 170-я танковая бригада, отбив все атаки противника, также перешла в наступление.

В 1-м танковом батальоне оставшиеся 10 танков свели в мою роту, которая пошла вперед в голове бригады. Продвигались мы по проселочным дорогам осторожно, используя местность. Венгерская равнина очаровывала: кругом простирались поля кукурузы, сады и виноградники. Бедные крестьянские хаты напоминали Украину. Огромные графские угодья с добротными каменными постройками впечатляли. Все было в дикийнку, и каждый с большим любопытством рассматривал землю Венгрии.

Распогодилось, и теперь в синеве неба беспрерывно появлялись самолеты. Без боя мы вошли в Кирайхедеш и подошли к «господскому двору Ракоши». Головной взвод лейтенанта Алексашина был обстрелян из противотанковых орудий. В полной уверенности, что противник сломлен, отходит и, значит, не сможет оказать серьезного сопротивления, я развернул роту и атаковал «господский двор Ракоши» с юга. Противник подпустил танки на дальность прямого выстрела и открыл сильный огонь из танков и ПТО. От неожиданности в боевом порядке роты произошло замешательство. Не раздумывая, я вырвался вперед и повел за собой роту. Разгорелся упорный, ожесточенный бой. Налетели немецкие бомбардировщики, и темп атаки упал. Танки медленно елозили от укрытия к укрытию, ведя затянувшийся огневой бой. Мой экипаж подбил «Пантеру», а взвод Максимова уничтожил два противотанковых орудия. Однако рота потеряла два танка.

В ходе боя разведчики установили, что в Ракоши обороняется до пехотного батальона при поддержке 2 «Пантер» и 9 ПТО. Кроме того, в 6 км севернее на огневых позициях стоит артдивизион и поддерживает обороняющихся огнем. Подъехал комбриг, устроил мне разнос за опрометчивую атаку, разобрался в обстановке и доложил по радио комкору. Генерал-майор Говоруненко изменил задачу бригаде, приказав обойти «господский двор Ракоши» справа и наступать в направлении Бекешшамшон, Сенкуташ и к исходу дня выйти и оседлать шоссе Вашерхеш – Куташ. Уяснив новую задачу, комбриг подозвал меня и приказал действовать с танкодесантной ротой в качестве передового отряда, не ввязываясь в затяжные бои.

Обойдя «господский двор Ракоши» справа, мы перерезали дорогу Питварош – Ракоши, на которой Коля Максимов уничтожил две машины с пехотой. Я не мог уйти от соблазна уничтожить артдивизион врага, который помог немцам подбить два моих танка под Ракоши, и приказал Максимова и Яковлеву охватить его с флангов. Развернув взводы, они внезапно ворвались на огневую позицию и в считанные минуты расправились с дивизионом, оставив на

земле 6 искореженных орудий, более десятка трупов и несколько горящих тягачей. Довольные удачным боем, мы двинулись вперед и вышли на дорогу Тоткомлош – Ракоши, где встретили и уничтожили несколько машин с боеприпасами и имуществом, следовавших в Ракоши. Передовой отряд подошел к Шарконю, где встретил организованное сопротивление артиллерии, пехоты и кавалерии противника. Завязался бой, но противник не выдержал и отошел на Бекешшамшон. Под покровом темноты наш передовой отряд по мосту переправился на другую сторону канала Сараз-Эр и перерезал дорогу, идущую вдоль канала. Комбриг оставился в Шарконе. Из ремонта подошли четыре танка, и их передали нам.

К исходу дня главные силы корпуса и стрелковые соединения вышли на рубеж Бекешчаба – Орошхаза. Ночью, боясь окружения, противник начал отход, осторожно двигаясь вдоль канала на Бекешшамшон. Здесь он наскочил на засаду передового отряда, и разгорелся ночной бой. От неожиданности в колонне противника началась паника. Под огнем танков передового отряда машины, повозки, солдаты и офицеры метались в разные стороны, в грохоте разрывов и пулеметных очередей ржали лошади, ревели, надрываясь, моторы, кричали и стонали люди. Создалась пробка. Многие бросились в лес, прыгали в канал, пытаясь вплавь уйти от губительного огня. И только одиночным хвостовым машинам и повозкам удалось удрасть назад... Наступившее утро высветило ужасное зрелище растерзанной колонны противника. Мы же в течение дня и ночи сумели не понести потерь и с рассветом атаковали и овладели Бекешшамшоном.

Разрозненными группами противник отходил на Сентеш, на окраине которого организовал оборону. Главные силы нашего 18-го танкового корпуса подошли к Сентешу и начали бой за город. 110-я и 181-я танковые бригады атаковали, несли потери, но успеха не имели. Комкор приказал прекратить безрезультатные атаки и принял решение: 110-й танковой бригаде сковать противника с юга, а силами 170-й и 181-й танковых бригад нанести удар с востока и севера. Окружить противника в Сентеше, прижать его к реке и уничтожить.

К полудню 170-я танковая бригада оседлала дорогу Орошхаза – Сентеш и, продолжая наступление, вышла к развилке шоссе в 4 км северо-восточнее Сентеша. Чунихин вызвал меня к себе и лично поставил задачу: «Возьми свои шесть танков, роту автоматчиков и четыре орудия. За ночь выйди к переправе через реку Тисса, в районе Чонград, и захвати шоссе и железнодорожные мосты». Для ориентировки он сообщил, что с такой же задачей туда идет передовой отряд 181-й танковой бригады.

После короткой подготовки наш передовой отряд двинулся к реке. Пугающую тишину темной осенней ночи нарушали лишь дальние раскаты тяжелого боя за Сентеш. Мы продвигались полевыми дорогами и напрямик полями, преодолевая ручьи и каналы. Шли по тылам противника, в кромешной осенней темноте, стараясь не обнаружить себя, не вступать в бой и не задерживаться. Маршрут определяли по силуэтам отдельно стоящих домов в хуторах, деревень и посадок, сверяя его по карте, которую подсвечивали фонариком. Согласно карте, маршрут должен пересекать узкоколейную железную дорогу, а ее все не было. Я стал волноваться, и мы остановились у добротного каменного дома. Не достучались – запуганные мадьяры не отвечали. Вперед в разведдзор выслали лейтенанта Бикмулина с десантом автоматчиков. Ждем 15 минут – никаких известий. «Вперед!» – команду я. И вот, двигаясь на большой скорости, мы наткнулись на танк Бикмулина. Сам он безмятежно спал на сиденье. Это взбесило всех. Коля Максимов вытащил из танка сонного Бикмулина, дал ему в ухо и выматерил: «Ты что делаешь, скотина?! Тебя зачем послали?!» Лейтенант только оправдывался: «Так я же вперед послал разведчиков Складенко и Горбкова». «Ладно, – сдерживая себя, сказал я, – не время сводить счеты. Разберемся. Вперед, все за мной!» Отряд на повышенных скоростях помчался к Тиссе на переправу. По пути мы подобрали автоматчиков. Бикмулин шел теперь в хвосте колонны. Мы вышли к железной и шоссе дорогам на

Чонград, а вскоре подошел передовой отряд 181-й танковой бригады в составе трех танков и взвода автоматчиков.

Танки вышли к соединению дорог. Автомобильная дорога шла по высокой насыпи вдоль Тиссы. Под углом к ней по такой же высокой насыпи подходила железная дорога. Примерно в 500 метрах от реки обе дороги делали резкий поворот и шли к мостам параллельно в 200–300 метрах друг от друга, образуя как бы бутылочное горлышко, ограниченное высокими насыпями. В нем находилось небольшое болото, поросшее камышом, и стоял домик станционного смотрителя. Девяти танкам двух передовых отрядов было тесно. Они скучились, лишая себя маневра, и могли помешать друг другу вести огонь. Мы с командиром передового отряда 181-й бригады вначале переругались, но затем благоразумие взяло верх, и мы обсудили план совместных действий. Автоматчики привели железнодорожника с женой, которые пытались удрать из дома на другой берег. Магьяр перепугался, от страха икал, размахивал руками и что-то лопотал. Языка мы не знали, и понять его нам было трудно. Допрос прекратили и подальше от греха водворили его с женой обратно в дом.

После короткого раздумья я направил командира танка лейтенанта Алексашина на автомобильный мост разведать оборону, а если повезет, то и захватить его. Взводу Максимова я приказал поддержать его огнем. Алексашин был человек, способный на дерзкие действия: для выполнения этой задачи нужен был именно такой офицер.

По долине реки Тисса поднимался рассветный туман. Он заволакивал мост и подступы к нему. Танк Алексашина с трудом поднялся на крутую, высокую насыпь и на большой скорости пошел по узкому шоссе. Справа и слева простиралась пойма, заросшая деревьями и кустарниками. Было тихо, но при подходе к мосту противник обнаружил танк Алексашина и открыл сильный огонь. Один за другим взорвались перед танком и на броне осколочные снаряды. Чиркнув по башне, ушла в сторону болванка. Автоматчики прижались к броне и спасались от губительного огня за башней. Танк остановился, начал сдавать назад. Отстреливаясь, под прикрытием огня танков Максимова Алексашин с трудом отошел. Подтвердились данные разведки стрелкового корпуса – мост обороняли до пехотного батальона, 6 танков, 2 самоходных орудия, несколько зенитных и артиллерийских батарей, а в 15 км северо-западнее в готовности стояли еще 15 танков. Стало ясно, что без пехоты, артиллерии и авиации атаковать по узкой шоссе-дороге с высокой дамбой бессмысленно. Мы доложили обстановку и получили приказ оседлать железную и шоссе-дороги и не допустить подхода к Сентешу и выхода из него частей противника. По обоюдному согласию танки передового отряда 181-й танковой бригады перекрыли дорогу и удерживали ее, а я растянул свои танки вдоль железной дороги и взял под обстрел шоссе-дорогу.

Расчет оказался верным. С утра все три бригады корпуса перешли в наступление, завязались уличные бои. Поняв бессмысленность сопротивления, венгерские части провели перегруппировку и контратаковали в северо-западном направлении. Большая колонна их тылов под прикрытием двух танков – а за ними и боевые части – стали удирать из Сентеша по шоссе через мост на Чонград. Вот тут-то они и попали под огонь наших танков. Началась паника, давка, неразбериха. Подгоняемые страхом, машины пытались обогнать друг друга и прорваться на переправу, но попадали под огонь танков с фронта. Многие водители в ужасе останавливались и пытались развернуться обратно в Сентеш, но попадали под фланговый огонь. Машины горели, разваливались на куски, скатывались на обочину, сваливались с насыпи и опрокидывались. Страх и паника докатились до войск в Сентеше. Отступление превратилось в бегство. Лавина бронетранспортеров, автомашин, повозок накатывалась на передние машины. Давка нарастала: все больше машин и повозок сваливалось или скатывалось с насыпи. Люди бросали машины и разбегались в разные стороны, спасаясь от огня танкистов. Мы рвали колонну на части. Это было фантастическое зрелище!

Полный разгром отходящего противника завершили главные силы корпуса. Ни один танк, ни одна машина или повозка венгров до переправы не дошли. Все они остались в свалке на шоссе от Сентеша до переправы через реку Тисса. К исходу 8 октября город Сентеш был полностью освобожден, и 18-й танковый корпус вплотную подошел к переправе у Чонград. В это время немцы взорвали оба моста. Вот этого я себе простить не могу до сих пор! Железнодорожный и шоссейный мосты через реку Тисса в районе Чонград имели большое стратегическое значение. Они открывали путь на Будапешт, к Дунаю, в глубь Венгрии. Наш 18-й танковый корпус и войска 53-й армии получили бы возможность выйти на оперативный простор. И трудно предположить, как бы развивались в дальнейшем боевые действия. Почему мы не взяли мост? Да, он слишком сильно был укреплен, подготовлен к взрыву, страшно было заскочить на мост и преодолеть его: ведь когда он будет подорван, ты окажешься в реке или за ней – один на один с врагом! Думаю, лучше было бы сковать противника с фронта, не проявляя слишком большой активности, нарастить усилия на плацдарме, создать специальный отряд и ударить ночью, внезапно, с тыла, – сбить и окружить охрану моста, захватить его и обезвредить. В этих условиях противник вряд ли бы решился на подрыв моста. Но... получилось так, как получилось.

Утром подъехали комкор генерал-майор Говоруненко и начштаба корпуса полковник Белозеров с опергруппой. Страшная свалка подбитых и искореженных дымящихся машин, кладбище трупов людей и лошадей потрясли генерала. Более жуткое зрелище трудно представить. За мужество и героизм в этих боях были представлены к званию Героя Советского Союза командир передового отряда 181-й танковой бригады старший лейтенант Тарасов, комвзвода этой же роты лейтенант Якимович и я. Тарасов и Якимович получили награду в июне 1945 года, а я только в 90-х годах.

Противник понес большие потери и 9 октября начал отводить войска на север, в район Дебрецена. Бригада получила приказ немедленно выступить на Карцаг и во взаимодействии со 110-й танковой бригадой овладеть городом. В последующем она должна была форсировать канал Хортобадь – Береттьо, овладеть Меддьеш и к исходу 11 октября – Пюшпекладань, после чего наступать на Хайдусобосло. Эта задача была довольно сложной как по глубине, так и по исполнению, а времени на подготовку у нас почти не было. Кроме того, в бригаде оставалось чуть более десятка танков, около шестидесяти активных штыков, лишь несколько орудий и минометов.

11 октября бригада начала наступление на Карцаг. Сбив заслон противника, танки ворвались на северо-западную окраину города. Начался бой за город, который закончился только к исходу дня. Ночью мы дозаправили машины, пополнили боезапас, привели в порядок танки, дали передохнуть людям. Разведчики Березовского вели разведку в направлении Пюшпекладань. Теперь танков в бригаде оставалось совсем мало...

Рано утром в 1-й танковый батальон приехал комбриг, чтобы разобраться с обстановкой. Встретив меня, он увидел, что обе мои руки перебинтованы, и спросил:

– Что это у тебя с руками?

– Так, ерунда. На левой руке по глупости два пальца перебил люком, а кисть правой вчера осколком зацепило.

Немного поразмыслив, Чунихин приказал комбату Задорожному передать оставшиеся три танка во 2-й батальон, а личному составу выйти в резерв бригады. Мы разместились в домах на восточной окраине Карцага и пять дней отдыхали и блаженствовали. После стольких боев и маршей сложно представить более щедрую награду! Все эти пять дней бригада (а вернее, ее 2-й батальон) вела тяжелые бои, теряя последние танки. Только 16 октября комбриг получил распоряжение передать оставшиеся танки и автоматчиков в 110-ю танковую бригаду. Без особых хлопот мы передали 4 танка и 45 автоматчиков и сосредоточились в

деревне Буча. Три дня остатки личного состава бригады тихо и мирно приводили себя в порядок, отсыпались и отдыхали.

20 октября немцы прорвали оборону румынских войск на рубеже Сольнок – Тисафельдвар и подошли к Кишуйсаллаш. Комбриг получил распоряжение срочно собрать всех, кто может держать в руках оружие, свести их в одно подразделение и занять оборону в трех километрах северо-восточнее Пуста-Эсеег. Собрали всех: разведчиков, саперов, связистов, ремонтников и танкистов. Всего набралось меньше роты – 80 активных штыков. Вот это разношерстное подразделение при поддержке минометной роты старшего лейтенанта Киселева и одной противотанковой пушки заняло оборону в указанном районе. Но, слава богу, воевать не пришлось, и 23 октября мы были сменены соединениями 6-й гвардейской армии.

Переформировка

18-й танковый корпус был выведен на отдых и формирование. 1 ноября 170-я танковая бригада покинула деревню Буча и, совершив три ночных перехода по маршруту Дьома – Баттонья – Сынпетрул, 4 ноября сосредоточилась в Ковачи, в 8 км севернее Темишоара. На формировании, как обычно, были произведены кадровые перестановки. Вместо погибшего под бомбежкой 21 октября командира 2-го батальона старшего лейтенанта Матвеева был назначен старший лейтенант Джумин. Командиром нашего 1-го батальона стал майор Грищенко, а 3-го батальона – капитан Отрощенко.

Стояла золотая осень 1944 года, и это были удивительно теплые, солнечные, безоблачные дни. Воздух был свеж и прозрачен, особенно ночью и ранним утром. Ковачи было добротным, чистым, ухоженным немецким поселением, и у многих бойцов сразу возникла неприязнь к его жителям. Те в страхе притаились, боясь возмездия. Среди наших солдат и офицеров все чаще слышалось пренебрежительное слово «фашисты». Комбриг и начальник политотдела вовремя подметили это. Пришлось собирать собрания, вести разъяснительную работу, что война идет с гитлеровской кликой, а не с мирными, ни в чем не повинными людьми. Для остротки бойцам напомнили о трагическом случае в Крайове. Все это было своевременным и крайне необходимо. В итоге короткое пребывание в Ковачах прошло мирно. Жители быстро успокоились и начали относиться к нам с большим уважением.

Мы разместились в домах, потеснив хозяев, и сразу приступили к обслуживанию техники и приведению личного состава в порядок. Я поселился в отдельном домике. Хозяйка по утрам готовила мне завтрак, а обедать я ходил в офицерскую столовую. Как-то раз гляжу – идет Мария Мальцева, уже стройная.

– Какими судьбами здесь? А где это все у тебя?..

– Все было и ушло. – И потом сколько я у нее ни спрашивал, она так и не сказала, что же произошло.

Я предложил девушке заходить ко мне в гости, она зашла, и вот тогда-то мы с ней и сошлись... Так она у меня и жила до нашей отправки в Югославию.

Судьба у нее была тяжелая. Мария жила на Белгородчине. Перед войной ее отец-полковник был назначен командиром дивизии в Белоруссию. Окончив 9 классов, Мария поехала на лето к отцу, а тут война. Эвакуироваться она не успела и вместе с отцом с боями отходила на восток. В одном из боев отца тяжело ранило. Вскоре он скончался, но перед смертью попросил своего зама, 50-летнего подполковника, позаботиться о дочери – вывести из окружения и отправить к матери. После похорон отца пошли дальше. Вечером остановились в какой-то деревне. Девушка тяжело переживала гибель отца, рыдала. Утешавший ее подполковник налил стакан водки и заставил Марию выпить это, убеждая, что ей станет легче. Утром она проснулась в кровати с этим подлецом. Подполковник просил прощения, говорил, что не помнит, как получилось: мол, много выпили, и ты тоже пьяная была. Но на следующую ночь опять пришел к ней. Так продолжалось до выхода из окружения. Добравшись до своих, Мария убежала от подполковника, в первом же райвоенкомате встала на учет, поступила на курсы медсестер, окончила их и прибыла на фронт. С Корсунь-Шевченковской операции¹⁴ она шла с бригадой, была ранена.

Мария действительно сильно меня полюбила и просилась: «Вась, давай я к тебе в батальон переведусь». Но у нас в батальоне ни одной девчонки не было, а санинструктором был сержант Корбут. Я отбрыкивался: «Командир батальона девчонки не имеет, у зама его дев-

¹⁴ Проводилась 24 января – 17 февраля 1944 г. силами 1-го и 2-го Украинских фронтов. (Прим. ред.)

чонки нет, а ты появишься со мной. Это как-то не здорово будет. Меня не поймут. Вот стану начальником штаба, тогда можно будет».

В один из дней мы с Колей Максимовым решили поехать посмотреть, не восстановили ли ремонтники подбитый танк, брошенный нами примерно в десяти километрах от Ковачей. Машины у нас не было, но Коля раздобыл где-то двух лошадей: мы заседлали их и поехали. Надо сказать, что я с детства ездил верхом, но никогда не пользовался седлом. Здесь же я решил, что в седле даже удобнее будет ехать, но пока мы проскакали эти десять километров, я уже понял, что ходить мне будет сложно. Танк был не готов. Мы достали сухой паек, немножко пожевали и пустились в обратный путь. Это была мука! Кое-как я добрался до расположения бригады. Весь следующий день я ходил ноги врозь и после этого зарекся ездить на лошадях.

5 ноября 18-й танковый корпус перешел в подчинение 3-го Украинского фронта, а 7 ноября там же, в Ковачах, бригада отметила 27-ю годовщину Великой Октябрьской социалистической революции. Впервые за годы войны мы встречали праздник под чистым небом, вдали от фронта. Подразделения бригады выстроились на небольшой площадке. Полковник Чунихин произнес краткую речь и вручил ордена и медали солдатам и офицерам, отличившимся в Яско-Кишиневской операции. Всех поздравили с праздником, а награжденных – с наградами. В приподнятом настроении, любуясь новенькими орденами и медалями, батальоны и отдельные роты прошли торжественным маршем. Вечером комбриг пригласил офицеров на торжественный ужин. Поднял тост за Победу, еще раз поздравил награжденных и пожелал всем выжить и разгромить ненавистного врага.

Время летело быстро. Бригада готовилась к новым боям. Полным ходом шло комплектование личного состава и перемещение офицеров. 18 ноября в госпиталь на лечение неожиданно убыли начштаба бригады майор Новиков и замкомбрига майор Панов. Позднее мой друг начальник штаба 2-го танкового батальона Саша Чашегородов (рослый, симпатичный парень с 1923 года) рассказал об этом вот что. Как-то вечером из бригады пришла красивая связистка Маша Решетова, с которой он дружил. По такому случаю в штабном автобусе он накрыл столик на двоих. Вдруг ближе к вечеру (уже начало смеркаться) появляется заместитель командира бригады майор Новиков. Он зашел в автобус, Сашка вскочил: «Товарищ майор, садитесь». Тот сел. «Как у тебя тут? Охрану организовал?» – «Так точно. Товарищ майор, может быть, с нами немножечко выпьете?» – «Ну, давай». Выпили, и майор говорит: «Вот что, Саша. Сейчас уже стемнеет, сходи, проверь посты, охрану, чтобы было все в порядке. Тебе двух часов хватит?» – «Так точно», – и ушел. Прошло два часа, слышит: машина заурчала и майор с этой связисткой укатили в бригаду. Проходит с неделю – новость: Машку Решетову и майора Новикова отправляют в госпиталь в Одессу, «они заболели». Сашка, когда услышал, аж от радости подпрыгнул: ведь это ему могло потребоваться теперь ехать туда!

В этот же день, 18 ноября, поступило распоряжение: «Бригаде быть в готовности 22 ноября убыть в город Субботина для получения танков». Закончилась передышка. Началась оживленная подготовка к маршу. Отъезд в Югославию вызвал у нас с Колей беспокойство. В Румынии жизнь быстро вошла в мирную колею: работали магазины, кафе, ресторанчики. Мне выплатили денежное содержание за ноябрь и деньги за 9 подбитых танков – 330 тысяч лей, а Максимову за месяц и 3 подбитых танка – 150 тысяч лей. Нужно было их срочно потратить. Мы пошли к комбату, но майор Грищенко направил нас к комбригу. Полковник Чунихин был в хорошем расположении духа:

– А, миллионеры! С чем пожаловали? Что, Вася, нужно? – он меня по имени звал.

– Товарищ полковник, разрешите съездить в Темишоару освободиться от денег.

Чунихин на мгновение задумался и быстро решил:

– Хорошо, поезжайте. В 16.00 22 ноября быть в бригаде.

– Есть!

Коля быстро нашел пролетку, и утром рано, не позавтракав, мы поехали в Темишоару. Через час пути мы въехали в город. Одна из первых вывесок, которую мы смогли прочесть, была «Ресторан». Мы тут же остановили возницу и отправили его назад. Заходим – в ресторане ни души, полумрак, столики, застеленные белыми скатертями. Садимся. Перед нами вырастает официант и дает нам меню на румынском языке. Мы показываем жестами – «надо поесть». На смеси немецкого и русского объяснили, что хотим поесть. Он принес закуску, потом отбивную. Мы очень вкусно поели, и официант спрашивает: «Кафе? Те?» Я Колю спрашиваю: «Ты кофе когда-нибудь пил?» – «Да». – «А я нет, только ячменный. Надо попробовать». Официант: «Кафе. Коньяк? Рум?» Во, думаю, интересно, кофе с коньяком или с ромом! Как это так? Коля говорит: «Я с коньяком, а ты с ромом!» Принесли нам чашки, – туда граммов по тридцать рома и коньяку налито. Кофе горячий: я как вдохнул, дыхание перехватило, я закашлялся. Вот, думаю, испортили хороший напиток. Выпили, Коля спрашивает: «Ты коньяк пил?» – «Ни разу». – «Я тоже». – «Давай?» – «Давай». Мы подзываем официанта, просим принести коньяк. Он приносит бутылку и по рюмочкам разливает. Коля берет у него из рук бутылку и разливает по фужерам. Запиваем опять кофе, – нам снова принесли, в других чашках. По второй – бутылки нет. Я говорю: «Ты ром пил?» – «Нет». – «Я тоже. Официант, ром!» В зал уже вышел и повар в колпаке, посмотреть, что происходит. Выпили мы и рома, расплатились и вышли из ресторана пьяные в дым. Прошли немного, видим: на перекрестке стоит наша регулировщица. Движения нет. Мы к ней и давай приставать, а она от нас отбивается. Ее подружки, заслышав визг, выглянули со второго этажа дома и кричат: «Идите сюда, что вы к ней пристаёте?» Мы к ним заваливаемся и говорим: «У нас деньги есть. Гуляем!» Дали им денег, чтобы они сходили в магазин, но пока они ходили, мы уснули мертвым сном. Проснулись уже на другой день: «Где мы? Как сюда попали?» Девчонки нас на смех подняли: «Вот кавалеры, пришли, погуляли!» Нам стыдно было страшно, мы по стакану чая выпили и смылись. Пошли по городу, зашли в ателье. Я себе и Марии Мальцевой заказал шапки-кубанки, Коля тоже, и еще мы костюмы заказали. На следующий день все было готово. Потом идем, глядим, у подъезда стоит дамочка... Ну, мы зашли, да так там и остались на два дня. Там были девчонка и ее мать, которая ею и торговала. Денег у нас почти не осталось. Идем по улице, Коля хватает первую же попавшуюся лошадь под уздцы. Возница пытался сопротивляться, но Коля похлопал по кобуре пистолета, и тот успокоился. Сели, поехали, подъехали к магазину. Там взяли коробку вина, кулек конфет, пряников. Мы выложили все оставшиеся деньги, но, видимо, оказалось мало, продавец что-то закричал. Пришлось помахать перед его носом пистолетом, чтобы замолчал. Махнули в Ковачи, доложили комбригу, что прибыли, а там уже колонна вытянута. Устали мы страшно, залезли в штабной автобус и уснули. Просыпаемся. Надо похмелиться, а у нас остались только конфеты и пряники...

В Баймоке, в который мы прибыли, жители встретили нас приветливо. Советских бойцов разместили в добротных домах, выделив им лучшие комнаты, создали превосходные условия для жизни и отдыха. Хозяйева ухаживали за нами, словно мы были их самые близкие родственники. На стол ставили лучшие вина, доставали лучшие продукты. Однако приятное пребывание в Баймоке оказалось коротким: уже 26 ноября на железнодорожную станцию прибыл первый эшелон с танками. Комбриг передал 21 танк в 1-й танковый батальон, 10 – во 2-й, и 3 танка принял Коля Максимов для укомплектования взвода танков командования бригады. Получилось так, что перед приходом эшелонов с танками полковник Чунихин вызвал нас к себе. Мы подробно рассказали о поездке в Темишоару, хохотали. Потом он перевел разговор в деловое русло: «Вася и Коля, сами понимаете, что война идет к концу. Вам всего по двадцать лет, и будет обидно и несправедливо, если вы не доживете до Победы. Поэтому я решил, Коля, назначить тебя командиром взвода танков командира бригады. Будешь рядом

со мной. Реже будешь ходить в атаку, а значит, больше шансов остаться в живых. Ну а тебя, Вася, я планирую поставить начштаба, а в перспективе и комбатом». Коля, конечно, заерепенился: «Как я оставлю друга?!» Комбриг сказал: «Подумайте, я вам только добра желаю. Подумайте, сразу не отвергайте».

От комбрига мы вышли обескураженные, в расстроенных чувствах. Пришли ко мне на квартиру, хозяйка нам накрыла стол. Мы посидели, выпили. Я говорю: «Коль, он дело говорит. Надо согласиться». Он подумал и сказал: «Наверное, так будет лучше, хоть один из нас останется жив. После войны поедem в Москву, будем учиться в академии и жить у меня на Арбате. Давай выпьем!»

В последующие два дня прибыли еще эшелоны с танками, и бригада была полностью укомплектована. Вскоре комбаты доложили о готовности батальонов к маршу. Основной костяк командного состава бригады, до комроты включительно, по праву считали себя ветеранами, имели солидный боевой опыт. Душой бригады были комбриг Чунихин и начполитотдела Негруль. Эти два прекрасных офицера с полуслова понимали друг друга, работали согласованно и дружно. Мы им подражали, брали с них пример.

Через Югославию и Венгрию

В эти погожие дни уходящей осени войска 3-го Украинского фронта форсировали Дунай и, развивая наступление, вышли к озерам Веленце и Балатон. Создались хорошие условия для удара в тыл Будапештской группировке. Однако к началу марша бригады погожие дни сменились затяжным ненастьем. Круглые сутки шел холодный, мелкий дождь...

С большим сожалением бригада расставалась с уютным и гостеприимным городом, его приветливым населением. Несмотря на поздний вечер, югославы трогательно провожали нас, желая доброго пути и Победы. Совершив ночной марш, мы сосредоточились на северо-западной окраине Самбора, где ожидали переправы через Дунай. По дороге мы догоняли колонны пеших партизан, одетых пестро и очень бедно. Подавляющее большинство партизан было в гражданской одежде, некоторые даже босиком, – но все увешаны оружием, пулеметными лентами и гранатами, как наши матросы в годы Гражданской войны. Шли молодые и пожилые люди, среди них много девушек и подростков. Все приветливо махали, провожая нас, а на остановках югославские партизаны окружали танки. Шло братание, обмен оружием и сувенирами. Кругом раздавались приветственные возгласы и слышалось приятное обращение – «другари». Бойцы угощали друг друга вином, папиросами, махоркой. С началом движения партизаны забирались на танки, грелись на броне и ехали с нами десантом. Мы шли громить общего врага!

В Самборе мы расположились на окраине, около кладбища. Город был сильно разрушен: поработала авиация. На площади перед строем партизанам вручали боевые награды; огромная толпа горожан смотрела на это торжество. Из строя выходили худенькие хлопцы и девчонки, которым не было и 15 лет! Выходя, они неуклюже чеканили шаг и смущенно принимали награды. Толпа одобрительно гудела и рукоплескала. Это зрелище трогало нас до слез.

Личный состав отдыхал около танков, а наиболее предприимчивые организовали охоту на фазанов. Капитан Шлыков отобрал таежных охотников, и за короткое время они отстреляли несколько десятков фазанов, накормив батальон королевской дичью. Томительное ожидание затянулось, и тогда кое-кто умудрился слазить в подвалы и запастись виноградным вином.

К району расположения 2-го танкового батальона подошла колонна югославских партизан. Ехавший впереди на белом коне командир остановился. Это был довольно симпатичный мужчина среднего роста, широкоплечий и чернявый. Рядом с ним на гнедой лошаденке находился адъютант – молодая, красивая девчонка лет семнадцати. За ними в пешем порядке, опираясь на ружья, стоял отряд. Джумин пригласил командира к себе. Завязался разговор. Партизаны шли в тыл на отдых для приведения себя в порядок, а затем вновь на фронт. Тем временем танкисты обступили адъютанта: начались расспросы, смех. Звали ее Радмила. Имя всем очень понравилось, оно веяло чем-то русским, родным. Лейтенант Талызин шутя предложил:

- Хочешь, Радмила, выйти замуж за русского?
- Хочу, – не растерялась девчонка. Талызин вытолкнул вперед радиста Струнина:
- Вот тебе жених. Молодой, симпатичный, сибиряк.
- Хорошо, согласна. Только по нашему обычаю нужно спросить согласия отца и братьев. Они там, в отряде. Идите и договаривайтесь.

Все рассмеялись, и тогда Радмила попросила у танкистов продать или подарить ей пистолет. Талызин тут же снял с ремня трофейный «парабеллум» и вручил его Радмиле. Девчушка обрадовалась, тронутая любезностью, бросилась к Талызину на шею и страстно

расцеловала его. Взводный смутился. Вскоре отряд снялся и ушел. Стало тихо и неудобно, веселье сменилось грустью...

Первой в корпусе переправилась 110-я танковая бригада. Переправляться можно было только ночью, в сплошной темноте, и утром, при густом тумане. Днем, как только прояснялось, налетала немецкая авиация и нещадно бомбила. Переправа затянулась. Не хватало переправочных средств, четкой организации. У реки скопилось много войск: наших и югославских. Все подступы были забиты танками, артиллерией, машинами, пехотой. Вокруг царила нервная обстановка – гнали одних, задерживали и уводили в сторону других. Все это сопровождалось отборной бранью. То и дело возникали заторы, пробки, скученность, и это хорошо использовала вражеская авиация. Потери росли. Чтобы ускорить переправу, стали переправляться днем, прикрываясь дымом. Саперы на лодках зажигали дымовые шашки и, разъезжая вокруг переправы, ставили дымовую завесу. Река здесь была не особенно широкая – метров 700–900, но сильное течение с водоворотами затрудняло движение. Маломощные катера с трудом тащили тяжелый паром по мутным водам Дуная, почему-то названного голубым.

Только в полдень 1 декабря начала переправу 170-я танковая бригада. Первым вышел к переправе наш батальон. 2-й и 3-й батальоны расположились в лесу в 5 км восточнее Бездан, а мотобатальон автоматчиков оставался в прежнем районе. Завершить переправу бригада с большим трудом смогла лишь к исходу 2 декабря. Более суток мы стояли в бездействии, ожидая приказа, а 3 декабря маршем в районе Удвар перешли югославо-венгерскую границу и сразу почувствовали прохладное отношение венгерских жителей. Запуганные гитлеровской пропагандой, венгры с появлением наших частей в страхе разбежались по домам, спрятались и украдкой следили за нами. В темноте мы прошли Герешд, Хидаш Бонзгард. При подходе к Пюштек-Надашу все слышали взрывы. Разведка доложила, что все мосты через небольшую речушку взорваны, а бродов нет. Средств для наведения моста бригада не имела, и полковник Чунихин повернул колонну обратно и повел ее на Дунай, Тамаши и далее, в район Хедьесеверо. Здесь разведчики доложили, что мост через канал Канош в районе Сакали для танков непроходим. Корпусные саперы строили новый мост через канал, разбирая для этого близлежащие бревенчатые строения.

Время подпирало. Обстановка требовала быстрее выхода бригады к линии фронта. Комкор торопил, ругался. Полковник Чунихин лихорадочно искал выход. Он приказал капитанам Гусаку и Калугину быстро и тщательно обшарить ближайшие окрестности и найти переправу через канал. Разведчики и саперы разъехались вдоль канала, и вскоре капитан Гусак доложил по радио, что нашел мост в районе железнодорожной станции Хидег-Кутдек, но не уверен в его надежности. Выбора не было. Комбриг во главе танковой колонны помчался к обнаруженной переправе. К мосту вела полевая дорога по насыпи. Мост был деревянный, но на железобетонных опорах и с виду добротный. Канал же был глубокий, шириной около 20 м; его высокие насыпные берега, одетые в бетон, спускались в воду. Переправочных средств для преодоления таких каналов у нас не было. У моста собралось командование бригады, комбаты, подъехал капитан Калугин. Судили, рядили, прикидывали. Наиболее горячие головы самоуверенно утверждали: «Мост добротный, выдержит. В Союзе не по таким ходили. На дохлах сваях, и те, приседая, выдерживали». Многие изъявляли желание первыми переправиться по мосту. Чунихин колебался, опытного и осторожного комбрига терзали сомнения. Скрепя сердце, он решил и приказал Максиму отобрать лучшего механика-водителя из взвода танков командования, посадить экипаж и опробовать мост. Выбор пал на старшего сержанта Трухачева. Еще раз осмотрели мост, посоветовались, – и танк пошел на переправу. Наступила тишина, все замерло в ожидании. Трухачев вел танк уверенно, медленно и плавно. Но когда вся масса машины оказалась на мосту, пролет рухнул, и танк, словно пикировщик, пошел вниз и скрылся в воде. В оцепенении ждали –

вот-вот появится механик-водитель, но он не появлялся... Отчаянные добровольцы ныряли в ледяную воду в надежде спасти Трухачева, но это не удалось. Это была первая и такая трагическая потеря на правом берегу Дуная в Венгрии. В скорбном молчании колонна бригады повернула обратно и возвратилась в Хедьес, где мы простояли почти полтора дня в ожидании готовности моста.

Пока корпус в муках преодолевал речушки и каналы, войска 2-го Украинского фронта 5 декабря перешли в наступление. В распутицу, по бездорожью, с трудом преодолевая водные преграды и яростное сопротивление противника, наши войска медленно продвигались вперед. После большого шума, аврала и напряженной работы саперов простейший, но добротный мост через канал был построен, и 7 декабря бригада преодолела канал и продолжала движение по маршруту Сокали – Тамаша – Фельдшег – Мадьяркеси – Мезекомаром – Лайошмаром. К 8 декабря танки бригады сосредоточились в роще в 5 км юго-восточнее Эннинга. Перед началом движения к танку командира 1-го танкового батальона лихо подъехал «Виллис», из которого вышел подполковник Негруль, а следом за ним капитан среднего роста, широкоплечий, в кожаной куртке и танкошлеме.

– Принимай гостей, комбат, – здороваясь, сказал подполковник. – Вот тебе новый замполит.

– Климов Степан, – представился капитан, протянув руку комбату. Так началось служение в батальоне этого удивительно душевного человека. Во время ночного марша, на коротких остановках, на ходу замполит побывал во всех танках батальона, познакомился и поговорил с каждым солдатом и офицером. Утром он уже знал офицеров по фамилии, а взводных и ротных командиров по имени и отчеству. Авторитет Климова быстро стал в батальоне непрекращаемым. Люди тянулись к нему, шли за ним, готовые выполнить любую задачу.

Как мы ни старались, а в пути из-за неисправностей отстало 9 танков. Зампотехи батальонов Сергиенко, Ковалык и Аракелян с ремонтниками растянулись по маршруту, восстанавливая их. Неделью бригада находилась в районе сосредоточения. За это время подтянули все неисправные танки, удалось провести углубленное техобслуживание машин и оружия, мы заправились горючим, довели боезапас до двух боекомплектов. Мы также провели занятия по изучению местности в районе предстоящих боевых действий, изучили особенности театра военных действий и противостоящего противника. Со всеми штабами провели тренировки на местности и на картах.

Все отчетливее чувствовалась близость фронта. В воздухе часто появлялись «рамы», бомбила вражеская авиация, слышались раскаты артканонады на передовой. Везде были видны следы прошедших боев: разрушенные строения, сгоревшая боевая техника, необработанные, раздутые трупы лошадей. Появилось обычное после длительного отдыха чувство напряжения, страха неизвестности.

Корпус получил задачу выйти в выжидательный район. Совершив ночной марш, к утру 17 декабря 170-я танковая бригада сосредоточилась в районе Н. Хантоша. Наш батальон, шедший в голове колонны, сбился с маршрута, вклинился в колонну 110-й танковой бригады и прибыл в Н. Хантоша только к утру следующего дня. Всегда спокойный и уравновешенный, полковник Чунихин был в ярости и с ходу набросился на Грищенко. И поделом – такая ошибка грозит срывом выполнения поставленной задачи, со всеми вытекающими последствиями.

Трое суток стояла бригада в выжидательном районе. Личный состав самым тщательным образом готовился к боям. Все привели в порядок технику, оружие. В каждый танк дополнительно загрузили по 15 снарядов. К исходу 19 декабря 170-я танковая бригада закончила подготовку к боевым действиям и 21 декабря тремя колоннами выступила из района Н. Хантоша по маршруту Шарошд – Динльеш – Кишвеленце. Танки шли вдоль южного берега озера Веленце в режиме полного радиомолчания и затемнения, не включая подфарников.

Установилась приличная погода: ночью подмораживало, днем пригревало солнце. Однако после продолжительных дождей земля набухла, вздулась, стала клейкой, труднопроходимой. Даже на проселочных дорогах танки оставляли глубокую колею, которая тут же заполнялась водой. Автомашин часто застревали, и танки тащили их на буксире. Особенно трудно приходилось солдатам, следующим в пешем порядке.

Для сокращения маршрута я решил «срезать путь» и пойти напрямик по полю. Но, свернув с дороги, мой танк зарылся в землю по башню. Попытались вытащить – зарылся второй, а затем и третий танки. Выручил зампотех роты Размадзе. Он предложил соединить несколько тросов и на длинной сцепке двумя танками вытащить застрявшие машины. Через полчаса, вытащив танки, рота догнала колонну батальона. Я, конечно, страшно переживал, но обошлось. Бригада заняла исходные позиции для наступления на западной окраине Позменда.

22 декабря началась мощная получасовая артподготовка. Земля тряслась от бесчисленных разрывов снарядов. Под прикрытием огня началось выдвижение бригады на рубеж ввода в бой. И тут неожиданно налетела вражеская авиация. Танки то увеличивали скорость, то замедляли ход, бросались влево и вправо, ища спасения в укрытиях. Выход на рубеж ввода оказался трудным. На рубеже ввода мы разглядели результаты напряженных, ожесточенных боев соединений 46-й гвардейской армии, в течение двух дней пытавшихся прорвать оборону противника. Кругом зияли воронки от бомб, снарядов и мин. Чадили сгоревшие танки, автомашины, броневики, валялись необрунные трупы. Зрелище хоть и знакомое, но не из приятных...

На рубеже ввода полковник Чунихин развернул наблюдательный пункт и принимал танковые батальоны «на себя». Впереди на танке шел майор Грищенко, за ним в ротных колоннах вели роты два старших лейтенанта: Рязанцев и я. Затем роты перестроились в линию взводных колонн и ровно в 9.30, развернувшись в боевую линию, с десантом автоматчиков перешли в наступление в направлении «западная окраина Позменд – высоты 216, 226». Следом поднялась и перешла в наступление пехота.

Атаковали мы на больших скоростях, стремительно. Пехота не поспевала и быстро отстала от танков. Ведя упорный бой, батальон выбил противника из рожи южнее Вереба и ввязался в затяжной бой с танками и артиллерией противника. Темп наступления сразу упал. Комбриг, наблюдая за полем боя, понял, что пора наращивать силу удара. Правее 1-го танкового батальона он ввел в бой 3-й танковый батальон. Капитан Отрощенко, получив приказ, уверенно повел батальон вперед, следом шли роты старшего лейтенанта Васадзе и лейтенанта Голевского. Не доходя до 1-го батальона, роты развернулись и стремительно атаковали. Это позволило нашему батальону к полудню выйти западнее, а 3-му – восточнее Вереба и охватить его с флангов. Противник предпринимал отчаянные попытки восстановить положение. При поддержке огня артиллерии и авиации танки и пехота противника контратаковали 1-й танковый батальон с западной окраины Вереба. Удар пришелся по моей роте. Я выдвинул лейтенанта Алексашина со взводом на безымянную высоту и оседлал ее, а остальные танки повел по ложине во фланг. Алексашин открыл меткий огонь: загорелся один, затем другой танк противника, под огнем пулеметов залегла пехота. Контратакующий противник дрогнул, и в это время я с двумя взводами ударил ему во фланг. Оставив на поле боя 3 подбитых танка, 8 уничтоженных орудий и до 40 убитых солдат, противник отошел в Вереб. В бою был подбит танк Алексашина. Командир и его механик-водитель старший сержант Зарубин получили ранения.

День подошел к концу. Комбриг приказал Отрощенко и Грищенко занять круговую оборону, привести батальоны в порядок и с утра быть в готовности наступать на Вертешбоглар, Бичке и Тату. За первый день боя батальонами было уничтожено 15 танков, 2 БТР,

8 орудий, 8 автомашин и до 170 солдат и офицеров, захвачено в плен 27 человек. Бригада потеряла 13 танков, из них 9 сгорело; 17 человек было убито и более 20 ранено...

Таким образом, к исходу третьего дня операции тактическая полоса «Маргарита» была прорвана. Город Секешфехервар стойко оборонялся, и взять его не удалось. Медленный темп наступления объяснялся отсутствием у пехоты танков непосредственной поддержки. Утром наша 170-я танковая бригада продолжила наступление в направлении Вертешача, Вертешбоглара, Бодайка. Моя рота вырвалась вперед и, не ввязываясь в бои, маневрируя и обходя опорные пункты, по полевым дорогам вышла к роще на южной окраине Вертешбоглара, откуда хорошо просматривался весь поселок. В это время из Секешфехервара через Вертешбоглар, на Бичке и далее на Будапешт шла колонна немецких танков. В реве моторов и лязге гусениц немцы не обратили на нас внимания, не заметили подход моих танков. Я выбрал удобную позицию и стал наблюдать и считать танки – их было 61. Что делать? Я связался с комбатом и доложил обстановку. Майор Грищенко приказал: «В бой не ввязываться. Ожидать подхода батальона. Продолжать наблюдение и докладывать о результатах».

День был не по-зимнему теплый. Земля отогревалась на солнце, вверх поднимался легкий пар. Минуты ожидания тянулись мучительно долго и тревожно. Вдруг на опушке рощи показались три немецких солдата, они тянули катушки с телефонным проводом. Безмятежно болтая и смеясь, связисты обогнули рощу, прокладывая проводную связь. Я приказал старшине Закройщику без шума и стрельбы скрутить их, что и было сделано. Вытаращив от удивления глаза, трясаясь от страха, немцы не могли понять, откуда здесь появились русские. Это меня успокоило – значит, они не знают о нашем присутствии. Вороша в памяти знания, полученные за шесть лет изучения немецкого языка в школе, я пытался расспросить пленных: «Из какой части? Куда идут танки?» Но мой словарный запас был мал, а другие знали немецкий не лучше. Жесты и мимика тоже не помогли: связисты испуганно кивали в знак согласия на все вопросы. Поняв бессмысленность допроса, я оставил их в покое – под охраной автоматчиков.

Неожиданно на полевой дороге появилась классная легковая машина «Опель-адмирал». Видимо, едет солидная персона, подумал я. Решив сам взять ее, я приказал механику-водителю Стулову мчаться наперерез машине. Немцы спокойно продолжали движение и, только когда танк оказался поблизости, опомнились и стали метаться из стороны в сторону, но было поздно. Танк преградил путь машине, а наводчик Блинов навел жерло пушки в их сторону. Я схватил автомат с башни танка и бросился к машине с криком «Хенде хох!». Ошеломленные и перепуганные, верзилы вылезли, задрав руки вверх. Завороженные необычной сценой, танкисты роты с интересом наблюдали, что будет дальше. Немцы со страхом пялились на меня. Пауза длилась мгновение. Неожиданно и вопреки логике, самый рослый немец в погонах подполковника бросился бежать. Я за ним. Вдруг немецкий офицер резко остановился и побежал назад к машине. «Испугался, засранец!» – решил я, но это оказалось не так. Немец подбежал к машине, схватил с сиденья портфель и помчался в другую сторону, на Вертешбоглар.

Немец бежал, как хороший спринтер, и стал отрываться. Я кричу «Хальт!», на бегу стреляю – не попал. Вторая очередь – тоже мимо! Это только в кино быстро попадают, а в жизни – нет. Тем более на бегу из ППШ! Я остановился, прицелился, но очереди не последовало: перекос патрона. Я замер, испарина появилась на лбу, пытаюсь передернуть затвор – не получается. Немец почувствовал, что я не стреляю, резко повернулся, выхватил «парабеллум» и бросился на меня, открыв огонь. Теперь уже я бежал от фашиста, на ходу удаляя перекошенный патрон. Это мне удалось, я резко развернулся и с места дал длинную очередь, вложив в нее всю злость. Верзила как будто наскочил на непреодолимую стену, остановился и рухнул как подкошенный. Подходя, я дал в упавшего вторую очередь, потом еще одну. После этого я уже смело подошел к убитому фашисту, забрал портфель, документы,

пистолет и часы. У меня самого было два пистолета – один на поясе, а второй за пазухой, но почему-то я не догадался ими воспользоваться, когда автомат заклинило. Посмотрел в портфель – там какие-то карты. Я еще подумал, что, наверное, это что-то важное, раз немец вернулся к машине их забрать. Мы подцепили машину тросом к танку, водителя посадили за руль, а пленных на сиденья. Немецких связистов и трех наших автоматчиков я посадил на танк и приказал двигаться в штаб бригады.

Оказалась, что в портфеле была карта контрудара в районе города Секешфехервар, утвержденная фюрером. Об этом случае упоминает в книге «Генеральный штаб в годы Великой Отечественной войны» генерал армии Штеменко: *«В полосе наступления 3-го Украинского фронта враг тоже подготовил контрудар, опираясь на укрепленную линию «Маргарита», но просчитался во времени, и его намерения были сорваны в момент сосредоточения сил контрударной группировки. Об этом свидетельствовали две карты 2-й танковой дивизии немцев, захваченные 22 декабря 1944 г. в районе Секешфехервара войсками 3-го Украинского фронта. Они о многом рассказали опытному штабу. Ф.И.Толбухин доложил тогда в Генеральный штаб: «На одной из них (имеются в виду карты. – С. Ш.) нанесена кодировка большого количества населенных пунктов на нашей территории к юго-востоку от озера Балатон. На другой карте показано расположение штабов 3-го и 57-го танковых корпусов, штабов и частей 1, 3, 6, 23-й танковых дивизий и 130-го танкового полка РГК. Все это наглядно подтверждает, что немцы готовились к активным действиям к востоку от озера Балатон». Как стало известно позже, здесь были, кроме того, 8-я танковая дивизия и отдельные батальоны танков».*

Офицер связи, видимо, не мог обогнать танковую колонну в Вертешбогларе и полевой дороге хотел выскочить вперед, на главную магистраль. За этот боевой эпизод и рейд по тылам противника меня наградили орденом Суворова 3-й степени. Для награждения меня вызвали к командиру корпуса генерал-лейтенанту Петру Даниловичу Говоруненко. Там же был и Шелег, начальник политотдела. Командир корпуса, обращаясь к начальнику политотдела, произнес: «Смотри, Шелег, сопляк, молоко на губах не обсохло, а он уже орден Суворова получил! Я еще такого ордена не имею, а он его получает!» Меня поразило, что вместо того, чтобы похвалить меня, порадоваться, он произнес это с таким сожалением и упреком!

Колонна танков противника прошла Вертешбоглар. С ней на подходе к Бичке расправилась наша авиация. В середине дня к Вертешбоглару подошел комбат с остальными танками. Я доложил обстановку. Майор Грищенко осмотрелся и принял решение перерезать шоссе. Атака прошла удачно. Уничтожив противника, батальон оседлал шоссе Секешфехервар – Бичке в 2 км юго-западнее Вертешбоглара. Противник решил восстановить движение по шоссе, и 12 его танков и штурмовых орудий с пехотой контратаковали из Сокали. Еще до 20 танков контратаковали со стороны Чаквара. Завязался тяжелый бой.

Тем временем 3-й танковый батальон нашей бригады, пробиваясь с боями на Бодайк, перерезал шоссе Секешфехервар – Бичке в трех километрах севернее Вертешбоглара. Развернув роты Васадзе и Голевского, батальон занял круговую оборону. Разгорелся ожесточенный бой с превосходящим по силам противником. Фашисты ударили из района Чаквара во фланг бригаде, пытаясь расцезь ее на две части и завершить разгром бригады. Комбриг разгадал замысел врага и выдвинул в район Витози (на рубеж прикрытия) 2-й танковый батальон старшего лейтенанта Джумина (начальник штаба – старший лейтенант Чашегиоров). Батальон занял оборону по господствующим высотам полукругом, с расчетом отражения контратак противника из Чаквара и Ловашбереня. Приданную истребительно-противотанковую батарею поставили уступом справа. При контратаке из Чаквара она помогала роте Шебурияна отражать атаки врага с фронта, а из Ловашбереня вела огонь во фланг. Автоматчики спешили и осторожно пробирались по кукурузе, выбирая удобные позиции. Вскоре

наткнулись на «Пантеру». Немцы заметили автоматчиков и открыли огонь. Подгоняемые страхом, те бросились назад и, к счастью, уцелели: никто не был даже ранен.

Джумин и Чащегоров торопили танкистов, быстро расставляя танки по рубежу обороны. Противник развернулся и перешел в контратаку. Роты Шебурия и Панфилова успели занять выгодный рубеж и встретили противника организованным огнем. Завязался ожесточенный бой. Танки противника наседали. Основной удар пришелся по роте Шебурия. Рота не дрогнула, огнем отражая яростный натиск врага. Хорошо помогали противотанкисты. Загорелся танк противника, за ним второй, был подбит третий, но противник, словно не замечая потерь, лез и лез вперед. Был подбит танк младшего лейтенанта Мельничука, загорелся танк младшего лейтенанта Петрова. Уничтожив танк противника, получил пробой танк младшего лейтенанта Степанова. Смертью героев погибли эти молодые, не успевшие пожить офицеры, были убиты или ранены многие члены их экипажей. Враг наседал. Ему удалось потеснить 2-й танковый батальон, обойти роту Панфилова и прорваться в Вертешача. Здесь, в трех километрах от населенного пункта, танки противника атаковали штаб бригады. Полковник Чунихин с опергруппой руководил боем первого эшелона бригады. Оборону штаба в открытом поле возглавил майор Дудин. Без промедления он поставил всех под ружье, вручил под начало офицерам группы солдат, определил позиции и поставил конкретные задачи. Взвод танков командования он выдвинул на танкоопасное направление, организовал круговую оборону, после чего связался с комбригом и доложил ему обстановку и свое решение. Оно было одобрено.

Коля Максимов подобрал удобные позиции для каждого танка. Противник не заставил себя ждать. Его танки с пехотой наносили удар из Ловашбереня на Вертешача. Танкисты Максимова сдерживали врага, нанося ему значительный урон. Немцы не ожидали противодействия наших танков, несколько растерялись и уже не так уверенно шли вперед. Все же они быстро перестроились и начали искать слабые места в обороне штаба. Зампотех бригады инженер-подполковник Галкин и помкомбрига по тылу капитан Прокопенко с ординарцами залегли под снопом кукурузы рядом с танком Максимова. Наблюдая в бинокли, они отыскивали цели и корректировали огонь танков, радовались каждому меткому выстрелу танкистов. Время от времени приходилось браться за автоматы и отбиваться от просочившейся пехоты. В разгар боя осколочно-фугасный снаряд разорвался рядом, разметав в разные стороны сноп и всех, кто находился под ним. Погибли сразу два замкомбрига, два прекрасных офицера, любимца бригады. Погибли и их ординарцы. Потеря была тяжелой...

Противник нащупал фланги и стал окружать штаб. В бой вступил весь личный состав. Максимов сумел уничтожить танк и штурмовое орудие противника, но фашистская болванка не пощадила и его. Коля был тяжело ранен в обе ноги. Фельдшер роты управления Жуков оказал первую медпомощь и вместе с другими ранеными отправил его в госпиталь. Но в день своего рождения (Коле исполнился 21 год), не приходя в сознание, мой друг, с которым столько было пережито вместе, умер. Похоронили Колю в Бузеу, в Румынии...

Штаб с трудом отбивался от наседающего противника. Силы были явно неравные. Отбиваясь, сгорел танк начштаба бригады. Подоспела истребительно-противотанковая батарея, находящаяся в резерве. Она развернулась рядом с единственным оставшимся нашим танком и включилась в борьбу с танками врага. Однако, несмотря ни на что, противник прорвался между 2-м танковым батальоном и штабом бригады на Вертешача, отрезал штаб от главных сил и стал его окружать. В опасности оказалось не только командование бригады, но и ее Боевое Знамя и секретные документы.

Комбриг с опергруппой срочно выехал во 2-й батальон и произвел перегруппировку. Подтянув 1000-й истребительно-противотанковый полк, он поставил его на прямую наводку и приказал вместе с ротой Шебурия отражать контратаку противника на Витози. После залпа «катюш» батальон автоматчиков с ротой Панфилова ударили во фланг прорвавшемуся

противнику на Вертешача и, сломив сопротивление противника, вышли к штабу бригады. Положение было восстановлено.

Комбриг подтянул штаб ближе к главным силам бригады, а сам срочно выехал в 1-й танковый батальон, где создалась наиболее угрожающая обстановка. Здесь противник бросил в бой 32 танка с пехотой, при поддержке артиллерии и авиации. Основной удар из Чаквара силами 20 танков пришелся по моей роте. Заняв выгодный рубеж по опушке леса, рота удачно перекрыла дорогу на Вертешбоглар и успешно отражала атаки противника. Но противник, не считаясь с потерями, рвался вперед и теснил нас. С боями рота отходила в глубь леса. В условиях ограниченной видимости и свободы маневра завязалась дуэльная борьба. Порой мы расстреливали друг друга в упор. Со свистом летели болванки, рвались осколочно-фугасные снаряды и авиабомбы. Горели танки, автомашины, лес... Управление ротой стало невозможным, бои приняли форму отдельных эпизодов. Прикрываясь лесами, используя поляны, просеки и просветы, рота с трудом сдерживала натиск. Был подбит танк лихого дравшегося младшего лейтенанта Шинкарева, в неравном бою подбили танк младшего лейтенанта Досушева. Отходя с боем лесом на два километра, рота измотала врага, сдержав его натиск. Соединившись с остальными силами батальона, мы закрепились. К исходу дня батальон отразил все контратаки врага и удержал дорогу в своих руках.

Успешно отражал контратаки врага и 3-й танковый батальон. Не добившись успеха, противник к концу дня отошел. С наступлением темноты 1-й и 3-й танковые батальоны сосредоточились севернее Вертешбоглара, в готовности наступать на Бичке. Штаб бригады подвел итог боев за день. Было уничтожено 11 танков, 8 орудий, 6 бронемашин, 18 машин с грузами, до 200 солдат и офицеров, 60 человек взято в плен. К сожалению, наши потери тоже были большими: бригада потеряла 13 танков, из них 8 сгорело; 12 человек было убито и около 30 ранено. Всего за два дня тяжелейших боев бригада потеряла почти 40 % танков и личного состава.

Части корпуса продолжали наступление на Бичке – крупный узел дорог, хорошо подготовленный к обороне опорный пункт. Комкор решил силами 110, 170 и 181-й танковой бригад обойти город с юго-востока, запада и северо-запада и ударом с этих направлений, в сочетании с фронтальной атакой 32-й мотострелковой бригады овладеть городом. Получив задачи, бригады начали подготовку к этой операции. Всю ночь шла напряженная подготовка к наступлению. Оценив обстановку, комбриг решил продолжать наступление силами 2-го и 3-го батальонов, придав им батальон автоматчиков. 1-й батальон он оставил в районе 3 километров севернее Вертешбоглара, с задачей прикрыть наступление бригады с юга и юго-запада. Батальон понес большие потери в технике, и майор Грищенко свел все танки в мою роту, а старшего лейтенанта Рязанцева откомандировал в штаб бригады для исполнения обязанностей офицера связи.

С рассветом бригада перешла в наступление. Жестокий бой разгорелся за Уйбарок. Исход его решила рота старшего лейтенанта Шебурына. Когда в боевом порядке батальона возникло замешательство, Шебурия смело вырвался вперед и увлек за собой роту. Противник дрогнул, не выдержал дерзкой атаки и стал отходить. Уйбарок был взят, и бригада устремилась вперед, но при подходе к железной дороге из Бичке на Татабанья вновь наткнулась на противника. Завязался бой. Комбриг подтянул артиллерию, и под ее прикрытием мы сбили заслон противника. Первым под железнодорожным мостом проскочил Шебурия, за ним его рота. Но при выходе на другой берег танк ротного был подбит. Раненого и контуженого старшего лейтенанта Шебурына отправили в госпиталь. Жаль было расставаться с этим отважным командиром. Он всего месяц пробыл в бригаде и лишь двое суток провел в боях, но и этого было достаточно, чтобы по достоинству оценить смелого и решительного офицера. Роту принял и повел дальше лейтенант Талызин. Наступление продолжалось. 2-й и 3-й танковые батальоны с ходу овладели Обороком, затем скрытно вышли в лес западнее Чабди.

Развернулись на южной опушке и изготовились к бою. В лесу бродили немцы, их вылавливали и, плененных, отправляли в тыл. Взвод разведки убыл на северо-западную окраину Бичке. Разведчики Каракулов, Малинин, Инамов, Попов, Юдин и Овсянкин уверенно, сноровисто и дерзко добывали необходимые данные для командира и штаба бригады. По душе им пришелся новый комвзвода лейтенант Чеботарев – смелый и решительный офицер.

Боевые действия за Бичке начались утром 24 декабря. 32-я мотострелковая бригада атаковала Бичке с фронта и ворвалась на южную окраину города, 181-я танковая бригада – на западную, а 110-я танковая бригада, атакуя из Алишо, вскоре достигла юго-восточной окраины. Наша 170-я бригада наносила удар с тыла, на северо-западную окраину. Бой с «пантерами» был злым и беспощадным, и именно удар с тыла и активные действия 170-й танковой бригады предрешили падение Бичке. Враг дрогнул и заметался в панике. Лишь немногим из гарнизона удалось спастись бегством. К 16 часам город был освобожден, путь на Эстергом был открыт. *«В этот же день, 24 декабря, 110-я танковая бригада и 32-я мотострелковая бригада пересекли все дороги, ведущие из Будапешта на запад»*, – сообщалось в сводке Совинформбюро.

170-я танковая бригада получила задачу: «Обеспечивая левый фланг корпуса, стремительно развивать наступление на Мань, Шаришап и к исходу 25.12 овладеть Татом». Комкор усилил бригаду, передав ей 143-й самоходно-артиллерийский полк. Выполняя задачу, к исходу дня мы овладели Манем и сосредоточились на его северной окраине. 1-й танковый батальон без особых усилий отразил все контратаки противника и с подходом стрелковых частей сдал участок обороны и сосредоточился в Мане. За день боя бригада уничтожила 7 танков, 9 орудий и до 120 солдат и офицеров противника. При этом бригада потеряла только 1 танк и 3 автомашины.

Не дожидаясь полного сосредоточения и готовности всех батальонов, полковник Чунихин решил направить в Тат передовой отряд – усиленный 3-й танковый батальон. В кромешной темноте батальон ушел на Жамбек, но, не доходя до этой деревни, резко повернул на север и к рассвету подошел к Саморе. Здесь комбата встретил лейтенант Чеботарев и доложил, что оборона противника слабая: танков нет, на южной и юго-западной окраинах в окопах пехота и две пушечки, а в центре – повозки и машины с имуществом. Отрощенко решил без промедления атаковать. Артиллерийский дивизион открыл огонь, и роты Васадзе и Голевского развернулись и атаковали с ходу. Противник в панике бежал, побросав машины и повозки.

3-й батальон успешно преследовал врага, уничтожая небольшие гарнизоны и мелкие группы, когда погода резко ухудшилась. Похолодало, начал сыпать первый, еще мокрый снег. Резко сократилась видимость. Бригада теперь буквально ползла по раскисшим дорогам. Батальон Отрощенко подошел к Мариенхалому, с ходу овладел им и вышел к Шаришапу, где встретил организованное и упорное сопротивление. Атака успеха не имела. Противник, опираясь на подготовленные позиции, оборонялся стойко, используя танки и артиллерию. Подъехал комбриг. Выслушав доклады комбата и разведчиков, он принял решение после огневого налета ввести в бой 2-й танковый батальон, уничтожить противника в Шаришапе и продолжать выполнение задачи. Артиллерийские полки с открытых огневых позиций начали рвать оборону противника в Шаришапе. 2-й танковый батальон с ходу развернулся и атаковал противника совместно с 3-м батальоном. В результате короткого, хлесткого боя противник не выдержал и стал отходить. Бригада перешла к преследованию. Впереди шел 2-й танковый батальон, который комбриг усилил дивизионом истребительно-противотанкового полка, батареей самоходно-артиллерийского полка и ротой автоматчиков. В голове батальона шла рота лейтенанта Талызина. При подходе к Бонья они наскочили на танковую засаду, но Талызин развернул роту и сбил ее. Потеряв два танка, противник стал удирать на машинах и повозках, но мало кому это удалось. Большинство вражеских солдат и офице-

ров осталось лежать на дороге, раздавленные гусеницами танков Талызина. Захватив Бонья, Талызин остановил роту, поджидая батальон, – как раз подошла кухня, и людей удалось накормить. Из домов стали выходить мадьяры, с любопытством разглядывая танкистов.

Продолжая наступление, 2-й батальон с ходу ворвался в Токод. Немцы без боя оставили его, отступая на Тат. На улицы села высыпали стар и млад. Они приветливо встречали танкистов, забрасывая их цветами и конфетами. На короткой остановке в центре села толпа окружила танки. Люди обнимали танкистов, жали им руки, благодарили за освобождение. Это были репатриированные чехи. Они угощали танкистов разной снедью, радовались и шутили: «Друга, выбирайте невест! Смотрите, какие красивые у нас девчата». Талызин, выталкивая вперед радиста Струнина, шутя предложил ему: «Выбирай невесту, сибиряк. На югославке не женили, женим на чешке!» Смущенный паренек убежал за танк. Чехи от души смеялись, игриво подталкивая к танку молодую чернявую дивчину.

Остановка была кратковременной, а расставание с чехами – трогательным. Батальон продолжил наступление на Тат и вскоре вышел на возвышенность, с которой сквозь дымку и сумерки просматривался городок. Внизу простиралась обширная долина, покрытая виноградником и припорошенная снегом. Перевалив железнодорожное полотно, рота Талызина неожиданно наскочила на огневую позицию зенитных орудий. Зенитные пушки в упор расстреляли танки младшего лейтенанта Леонтьева и лейтенанта Джалмуханова, тогда лейтенант Талызин ворвался на огневую позицию и гусеницами втер в землю все три пушки вместе с прислугой... Но восполнить свои потери было невозможно. Теперь в роте осталось всего четыре танка.

Впереди заманчиво маячила в сумерках окраина города Тат. Тат – это важный узел дорог на берегу Дуная. Через него проходила единственная свободная дорога, связывающая Будапешт с западом, идущая через Комаром на Австрию и Чехословакию. Противник понимал это и принимал все меры, чтобы удержать ее в своих руках. Старшие лейтенанты Джумин и ЧашеGOROV пошли в атаку, но танки, артиллерия и бронетранспортеры противника открыли сильный огонь. Пехота залегла, танки остановились. Атака захлебнулась, завязался огневой бой.

Джумин по радио доложил обстановку. Комбриг приказал встать в укрытия и вести наблюдение и огневой бой до подхода бригады. Как поется в песне, «последний бой – он трудный самый». Да, к последнему бою остается мало сил. Бригада без отдыха воевала четвертые сутки. В ротах насчитывалось меньше половины танков и личного состава. Кроме того, был виден конец войны. Всем хотелось выжить, дойти до Победы, вернуться домой. Все это оказывало определенное психологическое воздействие на людей.

Во 2-й батальон прибыл полковник Чунихин с опергруппой. Вскоре на танках подъехали командиры 1-го и 3-го батальонов. С возвышенности комбриг в сумерках осмотрел лежащую впереди местность. Невдалеке догорал наш танк, рядом неуклюже стоял другой, опустив длинный ствол пушки. Около него копошились ремонтники. Чуть впереди, в виноградниках, в линию стояли танки батальона. Окраина города Тат просматривалась с трудом.

Лейтенант Чеботарев доложил данные о противнике. Оценив обстановку, комбриг понял, что так просто противник Тат не отдаст. Поэтому он решил подтянуть всю артиллерию и провести артподготовку, под прикрытием огня артиллерии и танков 2-го батальона развернуть 1-й и 3-й танковые батальоны и атаковать всеми силами бригады. Под покровом темноты мы должны были ворваться в Тат и в ночном бою овладеть им, перерезав последний путь отхода из Будапешта, тем самым завершив окружение Будапештской группировки противника.

Артиллерия развернулась и открыла огонь, сосредоточив его по окраине Тата. Бригада под прикрытием огня перешла в наступление: 1-й танковый батальон атаковал в направлении восточной окраины города, 2-й – в центр, 3-й – западную окраину. Противник оказывал

яростное сопротивление. Его артиллерия вела огонь прямой наводкой по атакующим танкам. Непогода и мягкий грунт в виноградниках не позволяли бригаде атаковать на высоких скоростях. Чем ближе к окраине города, тем сильнее и метче вела огонь артиллерия противника. В воздухе беспрерывно висели осветительные ракеты. В нашем батальоне загорелся танк Бикмулина: командир танка выскочил и катался по снегу, сбивая пламя. Вскоре был подбит танк Багиткова. Во 2-м батальоне был подбит и загорелся танк младшего лейтенанта Алфёрова. Танкисты дрогнули, притормозили, стали маневрировать вдоль фронта, ища укрытия. Стремительной атаки не получилось. Всего каких-то полтора километра оказались непреодолимой преградой на нашем пути к Тату. Комбриг нервничал. Он приказал усилить огонь артиллерии по обороне противника, требовал от комбатов увеличить скорость. Но в такой сложной обстановке у командиров взводов и танков начали «пропадать» связь, отказывать радиостанции, и они не реагировали на вызовы. Грищенко подгонял и торопил меня, а я с трудом вел за собой роту. Не выдержал и с палкой в руках пошел вперед замначальника штаба старшина Рыбаков. На ходу подгоняя пехоту, под огнем противника он забрался на первый отстающий танк и несколько раз ударил палкой по броне. Открылся командирский люк. Показалась голова командира танка: «Что нужно?..» Раскаленный добела Рыбаков зло рявкнул: «Вперед, сволочь!» – и с силой ударил палкой по голове молодого офицера. «Вас понял, – задыхаясь от страха, пролепетал командир и тут же решительно крикнул: – Механик, вперед!». Сразу «заработала связь», и танк ходко пошел в атаку, догоняя меня. Рыбаков же направился к другому танку.

Хочу сказать о Леше Рыбакове несколько слов. Ему было лет 25: воевать он начал командиром танка, а потом, под Сталинградом, стал командиром взвода и роты. После Корсунь-Шевченковской операции он стал помощником начальника штаба. Вообще-то это офицерская должность, на которой должен быть капитан, но на ней командир бригады держал старшину Рыбакова. Сколько ему ни предлагали стать офицером, он категорически отказывался, поскольку собирался после войны пойти работать в торговлю. На должность начальника штаба приходили офицеры с командиров рот, не имевшие представления о штабной работе, и Рыбаков их учил. Потом они становились комбатами, погибали или уходили в другие подразделения, а Леша так и оставался помощником. Бывали периоды, когда он месяцами выполнял функции начальника штаба батальона.

Видя, что просто так танки с места не сдвинуть, я приказал механику-водителю Стулову увеличить скорость. Опытный водитель быстро вырвался вперед. За мной рота пошла уже смелее, и мы сумели ворваться на восточную окраину Тата. Такая же картина была и во 2-м батальоне. Джумин горячился, чертыхался и подгонял танкистов, затем не выдержал и повел за собой батальон. Самолюбие Талызина и Панфилова было задето. Они резко увеличили скорость и, ведя огонь с ходу, первыми ворвались в центральную часть Тата, увлекая за собой остальные танки. 3-й танковый батальон атаковал более успешно: здесь оборона врага была менее насыщена противотанковыми средствами.

В результате нашей атаки были отрезаны пути отхода противника на запад и на восток, к Будапешту. Гарнизон Тата был рассечен на две части, зажат со всех сторон и прижат к Дунаю. Начались ночные уличные бои. Гарнизон города был смят, и к исходу дня Тат был в наших руках. Удрать никому не удалось, поэтому в течение ночи противная сторона не знала о захвате Тата и к городу – из Будапешта и в Будапешт – спокойно шли одиночные машины и колонны. Комбриг приказал комбатам занять круговую оборону, а нашему 1-му и 3-му батальонам еще и выставить засады на западной и восточной окраинах. Вспыхивали скоротечные бои и стычки, после которых машины стягивались в сторону, убитых убивали, раненым оказывали помощь, а пленных отправляли в тыл бригады. В момент затишья произошло неприятное событие. По центру и восточной окраине ударили наши «катюши». Если в нашем батальоне обошлось без жертв, то во 2-м батальоне погибло несколько раненых,

находящихся на танках и в повозках в ожидании эвакуации. Подошли тылы, людей накормили горячей пищей, машины дозаправили горючим. Подвезли и боеприпасы.

Я со своим экипажем тоже решил поучаствовать в засаде. Вскоре показалась небольшая колонна. Мы обстреляли головную машину, и она остановилась. Когда мы подошли поближе, оказалось, что водитель машины убит. Мы вытащили раненого офицера из кабины, и я осветил фонариком кузов машины. Там, прижавшись к переднему борту, сидели насмерть перепуганные люди, среди них лежала раненая девчонка лет шестнадцати. Бледность лица подчеркивала ее редкую красоту, которой я был просто поражен. Не раздумывая, я приказал перенести ее в дом, рядом с которым стоял мой танк. Девочку перенесли, раздели, выкинув окровавленную одежду, пригласили фельдшера Колесниченко. Осмотрев раненую, он заключил: «Сквозное пулевое ранение в нижнюю часть живота. Рана серьезная. В этой обстановке она обречена. Нужен врач».

Я приказал радисту Пальникову перевернуть село, но найти доктора. Вскоре он был доставлен и, осматривая и перевязывая девочку, только покачал головой... На рассвете батальон выступил на Несмей. Перед уходом я зашел в дом. Мадьярка пришла в себя. Черные, широко открытые глаза смотрели куда-то вдаль. Темные, вьющиеся волосы распластались на подушке. Она была потрясающе красива. Этот образ много лет стоял перед моими глазами, и, пока был холостяком, я всех знакомых девчонок сравнивал с ней, и всегда получалось, что она лучше. Через 35 лет после войны я приехал в Венгрию и нашел дом, возле которого стоял мой танк и где я оставил красавицу. Хозяева дома умерли, а дети меня не узнали. Через переводчика я рассказал им, кто я, и спросил, не знают ли они, что случилось с той девочкой. Они как-то замялись:

– Не будем ее вспоминать.

– Почему?

– Не хочется вспоминать.

– Но все-таки? Мне интересна ее дальнейшая судьба.

– Она выжила. После войны приехала и предъявила нам иск о возмещении убытков за ее платье и комбинацию. Нам пришлось ей заплатить.

– Вот же дрянь! – возмутился я.

Вот тут образ красавицы померк и больше никогда не возвращался.

Через огонь

26 декабря фашисты обнаружили выход советских частей на Дунай и начали операцию по их уничтожению. Полковник Чунихин силами 2-го и 3-го батальонов организовал круговую оборону Тата и ответственным за нее назначил майора Дудина. Наш батальон он направил вдоль Дуная на Несмей. Комбриг же с опергруппой взял батальон автоматчиков и всю приданную артиллерию и направился на Эстергом, где совместно с 32-й мотострелковой бригадой завязал бой за город. После упорного боя город был взят, 18-й танковый корпус соединился с войсками 2-го Украинского фронта.

Едва рассвело, 26 декабря наш батальон выступил из Тата по дороге вдоль Дуная. Справа нес свои величественные воды Дунай, слева поднимались невысокие, но крутые горы, изрезанные оврагами. С утра потеплело: выпавший за ночь снежок растаял, в воздухе стоял сырой туман. Шли мы осторожно. Я вел колонну танков, а за мной шел комбат со штабом, зенитно-пулеметная рота и резерв танков. Подошли к Нергешуйфалу, атаковали: после нескольких выстрелов из пушек и пулеметов противник бежал в юго-западном направлении, оставив на станции три эшелона с военным имуществом, 4 орудия и 6 исправных автомашин. Мы же продолжали движение. Вперед я выслал разведдозор – взвод лейтенанта Яковлева. Туман сгустился. После легкого успеха под Нергешуйфалу Яковлев расслабился, полагая, что противник не имеет в этом районе сил для оказания сопротивления, и его взвод шел скученно. Однако у деревни Писке немцы оставили в засаде три танка, которые подпустили нашу головную походную заставу и расстреляли ее практически в упор. Два танка сторели, а третий, ведя неприцельный огонь, сумел под покровом тумана отойти задним ходом. Я психанул, развернул роту и завязал огневой бой. Продвигаясь от укрытия к укрытию, мы сблизились с танками противника. Один нам удалось подбить, но два других, умело маневрируя, продолжали бой.

Подошел комбат. Он развернул на прямую наводку артиллерийскую и зенитную батареи и танки резерва, но подтянул артиллерию и противник. Создавшееся равновесие в силах определило то, что завязался тягучий, противный огневой бой. Майор Грищенко доложил обстановку в штаб бригады и получил указание перейти к обороне.

После захвата Эстергома 170-я танковая бригада получила задачу наступать в западном направлении вдоль Дуная, сбить и уничтожить противостоящего противника и выйти на рубеж Дунаальмаш – Самод. Передовые отряды должны были захватить станцию Альмаш-фюзите и вести оттуда разведку на Комаром. Однако, ставя эту задачу, командование явно не учитывало условий местности, возможностей противника и погодные условия. Бригада была поставлена в исключительно сложные условия, особенно по времени. Быстро уяснив задачу, комбриг приказал командиру 1-го танкового батальона сбить заслон противника, а сам во главе главных сил бригады с рассветом выступил на Шютте. За ночь погода и видимость улучшились: немецкая оборона и танки в посадке стали просматриваться. Не дожидаясь, пока полностью рассветет, Грищенко развернул батальон и атаковал противника. Наши танки двигались осторожно, от укрытия к укрытию, ведя огонь с ходу. Противник начал отход. Батальон усилил нажим, и, осмелев, мы ворвались на станцию Шютте, где захватили три эшелона с танками. Зампотех капитан Сергиенко с ремонтниками осмотрел их: это были подбитые и технически неисправные машины, направляемые немцами в ремонт.

Не останавливаясь, мы продолжали наступление: противник поспешно отходил на Несмей, взорвав перед нашими головными танками мост через небольшую речушку. Подъехавшие ко мне комбат с капитаном Климовым под прикрытием огня танков нашли брод и организовали переправу по дну. Однако при подходе бригады к Шютте налетела вражеская авиация и стала штурмовать нашу колонну. С ходу развернувшись, зенитчики вступили в

борьбу с самолетами, и, беспорядочно побросав бомбы, немецкие самолеты отвалили, не причинив бригаде существенного ущерба.

Проходя мимо двух сгоревших танков у Шютте, я увидел печальную картину. Рядом с дорогой, у свеженасыпанного холмика, одиноко сидел сержант Спирюгов. Поджидая тылы батальона, он пил из кружки вино и закусывал печеными яйцами, поминая погибших друзей. Оказывается, уходя из Тата, танкисты поставили на трансмиссию кастрюлю с яйцами. Когда танк подбили и он загорелся, яйца сварились...

Комбриг приказал майору Грищенко увеличить скорость, как можно быстрее выйти к Несмею, атаковать и захватить его. Не встречая сопротивления, батальон шел по асфальтовой дороге вдоль Дуная ходко, «с настроением». Комбат, уверенный в легком успехе, без разведки и подготовки, с ходу развернул батальон и на узком участке атаковал Несмей. Но неожиданно мы наткнулись на хорошо подготовленную оборону: противник встретил наш батальон организованным огнем танков и артиллерии, и мы откатились назад.

Подъехал полковник Чунихин. Он разобрался с обстановкой и решил 3-м танковым батальоном атаковать с фронта, а 1-му и 2-му танковым батальонам обойти Несмей с юга и ударить по врагу с тыла. Развернулась артиллерия, и после короткого огневого налета в атаку пошел 3-й танковый батальон. Атаковал он решительно и дерзко, как это умел делать Сережа Отрощенко. Но противник быстро охладил его пыл. Потеряв два танка, батальон с трудом закрепился на достигнутом рубеже. 1-й и 2-й батальоны не смогли обойти Несмей с юга. Выход в тыл обороны противника не состоялся, и все последующие атаки на Несмей также окончились безрезультатно. Танков в бригаде оставалось все меньше и меньше. С наступлением темноты боевые действия бригады прекратились. Подошли тылы. Людей кормили горячей пищей, заправляли машины, загружали боеприпасы. Несмей оказался крепким орешком, обойти который было трудно, а в зимних условиях почти невозможно. Справа – Дунай, слева – труднодоступные горы... Требовалось прорвать эту узкую, сильно укрепленную горловину. Но как?

Штаб бригады организовал разведку противника и прилегающей к Несмею местности. Всю ночь лейтенант Чеботарев с разведчиками лазил по линии обороны противника, прощупывая его тыл и фланги. К утру штаб располагал неутешительными данными: Несмей – хорошо подготовленный опорный пункт с развитой системой инженерных сооружений и минно-взрывных заграждений. Его обороняют до 20 танков, артиллерия и минометы. Захваченный пленный показал, что гарнизону приказано задержать продвижение русских на Комаром, выиграв время до подхода крупных резервов. Гитлер обещал им большую помощь.

Ночью Чунихин объехал все батальоны, изучая с комбатами подступы к Несмею, в попытках найти в обороне противника слабые места. Результаты поездки укрепили его убеждение в том, что сбить противника бригада наличными силами не сможет. Нужно было искать обход, блокировать Несмей и тогда выполнять поставленную задачу.

С рассветом налетела немецкая авиация, а следом перешли в контратаку танки с пехотой. В тяжелых условиях отражала бригада натиск врага. Несколько часов шел напряженный бой. Основной удар пришелся по 3-му танковому батальону, но он отразил эту атаку. По радио и через офицеров связи шли грозные приказы комкора, в которых он выражал недовольство медленным продвижением бригады, обвиняя комбрига в нерешительности. Между тем Чунихин решил силами 3-го танкового батальона сковать противника под Несмей, а основными силами бригады через горы обойти его и продолжить выполнение поставленной задачи.

Отвлекая внимание противника, 3-й танковый батальон усилил нажим. В то же время из боя вышел сначала наш батальон, а за ним батальон Джумина. По мерзлой земле, припорошенной снежком, танки шли ходко, позвякивая гусеницами и урча моторами. Танкисты с опаской посматривали на безоблачное небо, опасаясь появления вражеских самолетов.

К счастью, их не было. Подойдя к высоте 331, мы остановились, чтобы оценить крутизну скатов (она была не менее 30 градусов). В голове колонны собрались Грищенко, Климов, Клаустин, Сергиенко и я. Мы выбрали наиболее пологий подъем, и первым пустили мой танк, предварительно высадив экипаж. Опытный механик-водитель старший сержант Стулов разогнал танк и хотел на одном дыхании одолеть подъем, но на середине горы скорость резко упала, а затем танк остановился. Несмотря на все мастерство и старание Стулова, гусеницы сначала пробуксовывали рывками, а затем стали бойко прокручиваться, и танк понесло вниз, сметая все на своем пути. Сергиенко предложил установить шипы. Экипаж и ремонтники быстро их прикрутили, и Стулов возобновил подъем, взяв чуть правее. На этот раз танк шел более уверенно, но, не доходя немного до вершины, вновь остановился и понесся вниз с еще большей скоростью, чуть не опрокинувшись у подножия. Стулова окружили офицеры, механики-водители. Как всегда, нашлось много советчиков. Все спорили, что-то доказывали, предлагали, а время шло. Под Несмеем продолжался бой. Надвигался вечер, нужно было спешить.

С комбатом и механиком-водителем мы забрались на высоту и осмотрелись. Я разглядел еле заметную тропу, по которой сюда забирались овцы и козы: значит, это и есть самый пологий склон. Когда я предложил пустить танк здесь, комбат согласился. Стулов спустился вниз и в третий раз принялся штурмовать эту невысокую, но коварную преграду. На этот раз все прошло удачно, что вызвало бурные крики радости танкистов. «Что будем делать дальше?» – спросил комбат. «Надо подумать. По этому следу другие танки вряд ли смогут подняться на высоту». – «Думай, думай, Суворов», – в шутку сказал Грищенко. Я вспомнил, как вытаскивали застрявшие по башню танки, и приказал технику-лейтенанту Размадзе: «Снять танковые тросы и сделать длинную сцепку».

Конец троса набросили на буксирный крюк танка Стулова, а другой конец держали два ремонтника. Когда очередной танк приближался к вершине и начинал тяжело пыхтеть, на его буксирный крюк на ходу набрасывали трос. Тогда в дело включался Стулов и в самый критический момент помогал танку выбраться на высоту. Опыт удался. Скоро все танки были на вершине. Прикрываясь лесом, кустарником, по лощинам и оврагам мы обошли Несмей и к вечеру достигли высоты 294, откуда в вечерних сумерках просматривался Дунаальмаш.

Следом за нашим батальоном Несмей обошел 2-й танковый батальон. Он вышел левее и получил задачу наступать на Самод, а передовым отрядом захватить Альмашфюзиту. Нам же было приказано овладеть Дунаальмашем. Но сначала надо было спуститься с горы. Мы с Грищенко обшарили все окрестности, и комбату понравилась единственная полевая дорога, по которой ездили на повозках. Она была очень узкой, на полпути упиралась справа в гору, а слева обрывалась в глубокий овраг, заросший лесом. Я прикинул и возразил, что при малейшей неточности танки сорвутся с обрыва. «Делай, как знаешь», – махнул рукой Грищенко. Поиск спуска затянулся до глубокого вечера. При свете луны мы нашли крутой, но открытый скат, обращенный в сторону Дунаальмаша. Высадили экипажи. Первым спускался Стулов. Вначале он придерживал танк на тормозах, но его стало заносить и едва не опрокинуло. Отпустив тормоза, Стулов скатился с горы, с большим трудом удержав танк у подножия. От опрокидывания его спас огромный дуб, в который танк уперся бортом. Отойдя от потрясения, Стулов посоветовал механикам-водителям выбрать безопасное направление и, не трогая тормоза, дать стальной громадине самой скатиться вниз. Так и поступили. Спускаясь, танк набирал бешеную скорость и летел в облаке искр из-под гусениц. Зрелище потрясающее и страшное! Наконец-то последний танк присоединился к колонне, – все обошлось благополучно. Во время спуска к нам подъехал на танке командир 2-го батальона Хасан Джумин. Спуск танков произвел на него угнетающее впечатление. Он повернулся к своему заму Колтунову и сказал: «Нет, Женя, мы здесь не будем спускаться. Найдём что-нибудь

получше». Майор Грищенко предложил ему посмотреть полевою дорожку километрах в двух отсюда, воспользоваться которой мы отказались.

Джумин вернулся в батальон. Танки стояли в колонне, экипажи находились рядом в ожидании дальнейших действий. Джумин поделился своим замыслом с замполитом, и Шлыков поддержал его – нужно искать другой выход из гор. Комбат подошел к танку лейтенанта Талызина и приказал: «Заводи, поедem искать спуск и выход на Самод». «Разрешите доложить, – ответил Талызин, – в танке Чашегородов передает обстановку в штаб бригады». – «Хорошо, оставайся». – Он подошел к рядом стоящему танку Скачкова и поехал на разведку маршрута с ним. Они долго колесили по окрестностям, но ничего подходящего не нашли и на рассвете все же решили опробовать спуск по той самой полевой дорожке. Высадив экипаж, Джумин сел на броню слева от люка механика-водителя и стал руководить движением танка. На середине спуска танк не вписался в размеры дорожки. Левая гусеница сорвалась в обрыв, танк осел, а затем опрокинулся, подмяв под себя и раздавив комбата. С большим трудом его тело извлекли из-под танка и похоронили. Батальон принял и повел дальше старший лейтенант Колтунов.

В это время майор Грищенко с замами спустился вниз. Танки стояли в колонне. Он решил дать передышку людям. Достали сухой паек, перекусили. Впереди мерцали огни Дунаальмаша. Воспользовавшись передышкой, я забрал воспитанника батальона Николку и направился в деревню. Шли мы налегке. У меня на поясе висели два трофейных пистолета («вальтер» и «парабеллум»), а Николка прихватил автомат. В селе было тихо. Впереди мелькнул огонек. Послышался лай собаки. «Похоже, немцев в деревне нет», – шепотом сказал Николка. «Посмотрим». Мы осторожно подошли к дому, где светилось окно, и постучали в дверь. На пороге появилась молодая женщина. «Немцы в деревне есть?» – спросил я по-русски и тут же понял бессмысленность вопроса. Мадырка, услышав русскую речь и увидев советских воинов, перепугалась, затряслась, замахала руками, как от наваждения, пыталась что-то сказать, но, кроме мычания, у нее ничего не получалось.

Я пригрозил женщине, чтобы она не шумела, и, втолкнув ее в дом, закрыл дверь. Прислушались, – тихо, тогда мы отправились обратно. В батальоне, обнаружив наше отсутствие, всполошились. Увидев меня, Грищенко, не на шутку рассердившись, набросился: «Где тебя черт носит? Нужно быть последним идиотом и безумцем, чтобы пуститься на такую авантюру. Тебе что, жизнь надоела?» Я молчал, да и что я мог сказать в свое оправдание? Пожурил меня и замполит Климов. Немного успокоившись, комбат спросил: «Ну как там?» – «Тихо. Похоже, в селе немцев нет». – «Тогда вперед. Веди батальон».

Я вывел танки к дому, где так перепугал хозяйку. Взвод лейтенанта Зори пересек дорожку и вышел под железнодорожным мостом к Дунаю. Расставили танки, дав отдых изрядно измученным экипажам. Комбат со штабом расположился на южной окраине в огородах близ подножия гор, в подвальчике. В роту прибыл замполит Климов. Я был рад его приходу. Комиссара уважали в батальоне. Он был прост в обращении, доступен, требователен и справедлив. Климов похвалил меня «за разумные и инициативные действия при обходе Несмея», пожурил за детскую выходку с вылазкой, и мы вместе обошли танки. Замполит проверил охранение и, прощаясь, посоветовал утром выставить засады на западной и восточной окраинах села.

С рассветом первым противника в Дунаальмаше обнаружил лейтенант Зоря. При переходе через шоссе его обстреляли из пулемета, и комвзвода чудом избежал смерти. В деревне и в роте всполошились. Открылась беспорядочная стрельба. Трудно было понять, где свои, а где немцы, но было ясно, что «мирного сосуществования» быть не может. Улицы, переулки, дома находились под обстрелом. Каждый шаг, каждая перебежка были опасны для жизни. И было совершенно непонятно, как мы с Николкой, а тем более танки могли беспрепятственно войти в село!

Утром майор Грищенко уточнил обстановку. Она была неутешительна. В Дунаальмаше создалось «двоевластие»: на западной и восточной окраинах находились немцы, а в центре – наш танковый батальон. Доложили комбригу. Полковник Чунихин приказал провести разведку и выбить противника из села. Грищенко в штабе батальона не без иронии сетовал: «Ну, Брюхов, завел ты батальон прямо в логово врага, в мышеловку. Теперь думай, как из нее выкарабкаться». Я и сам недоумевал, как могли немцы, такие опытные вояки, проявить ротозейство, беспечность, не заметить и допустить выход танков в свое расположение. Разгадка была неожиданной. Капитан Клаустин организовал разведку, в западной части села взяли пленного, и он показал, что из Несмея вчера доложили, что русские остановлены, топчутся на месте и несут большие потери. В районе Комаром сосредоточиваются крупные танковые силы. Поэтому в Дунаальмаше спали спокойно и не предполагали, что к ним могут пожаловать советские танки, а гул моторов и лязг гусениц в горах приняли за выход своих танков на исходные позиции для решающего наступления. Редкий счастливый случай!

Пока командиры связывались друг с другом, уточняли обстановку, решали, как громить врага, автоматчики, а за ними и танкисты, находящиеся в резерве («безлошадники», как их называли), самостоятельно, из озорства и любопытства, пробирались от дома к дому, уточняя, где располагаются танки, орудия и автомашины противника. Они обстреливали зазевавшихся фашистов и возвращались с трофеями, рассказывая о своих подвигах под смех и одобрительные возгласы. Не удержался и комроты автоматчиков лейтенант Воронин. С двумя автоматчиками он довольно далеко пробрался в расположение противника, обнаружил танк и БТР с пехотой и огородами вернулся обратно. Взяв противотанковое ружье и гранаты, под прикрытием автоматчиков, он вновь пробрался к тому же месту и с чердака соседнего дома, с близкого расстояния расстрелял и поджег танк и забросал гранатами БТР. В стане врага поднялась суматошная стрельба, а отчаянный офицер с автоматчиками благополучно вернулся в расположение батальона. Пример оказался заразительным. Забрав гранаты и бутылки с зажигательной смесью, уничтожать еще один обнаруженный немецкий танк пошел комсорг батальона автоматчиков лейтенант Соколов – и тоже удачно. Немцы были обеспокоены, чувствовали себя неуютно, повысили бдительность, но активных действий не предпринимали. Это нас удивляло и настораживало.

С выходом 1-го танкового батальона в Дунаальмаш комкор уточнил задачу бригаде. Выполняя ее, полковник Чунихин оставил на восточной окраине Несмея заслон из взвода танков и батареи 1000-го истребительно-противотанкового полка, с целью не допустить форсирования Дуная в районах Шютте и Моча. Остальными силами с 1438-м самоходно-артиллерийским полком он 30 декабря выступил на Дунаальмаш.

На рассвете 2-й танковый батальон с батареей СУ-85 вышел из гор и повернул на юго-запад, по пути уничтожая мелкие группы противника. Рота Панфилова подошла к высоте 294, с ходу развернулась, атаковала, выбила вражескую пехоту и овладела высотой. Не останавливаясь, танкисты роты пытались перерезать дорогу Дунаальмаш – Тат, но встретили сопротивление и отошли, закрепившись на высоте 294 и взяв под обстрел шоссе. С наступлением темноты старший лейтенант Колтунов вывел взвод Талызина к самой дороге и поставил его в засаду. Штаб батальона расположился на опушке леса. Командование батальона разместилось в единственном домике, а танк комбата поставили у входа в дом. 3-й танковый батальон с батареей СУ-85, во взаимодействии с пехотой 80-й стрелковой дивизии, овладел Самодом и занял оборону на западных скатах высоты 235. В Самоде разместился штаб бригады. Между тем прикрытия на восточной окраине Несмея в течение дня отражали атаки небольших групп противника.

Полковник Чунихин решил очистить западную часть Дунаальмаша от противника, захватить развилку дорог и станцию Альмашфюзите. Это позволяло бригаде перерезать основные дороги из Комарно на Будапешт и Тат и лишало противника путей подвоза и

маневра войсками. Поздно вечером, под покровом темноты, батальоны перешли в наступление. Продвигаясь вдоль Дуная по огородам и садам, наш танковый батальон начал теснить противника и выбивать его из села. Немцы всполошились, в воздух полетели десятки осветительных ракет. Их бледный свет выхватывал силуэты наших танков, позволяя вражеской артиллерии вести по ним огонь. Бой принимал все более ожесточенный характер. Основные усилия противник сосредоточил вдоль шоссе, где и развернулись основные события. Танки взвода лейтенанта Зори шли уступом, ведя огонь с ходу по вспышкам и силуэтам. Впереди загорелось несколько домов. В отблеске пожаров было видно, как метались люди, как выкатывали на прямую наводку противотанковые пушки, как выдвигались из-за домов танки. Сопротивление врага нарастало. Распластанный вдоль Дуная, населенный пункт не позволял батальону использовать основные преимущества танков – ударную силу и маневр. Бой превратился в схватку танков с танками, противотанковыми орудиями, а затем и фаустниками врага. После того как фаустник сжег танк младшего лейтенанта Полякова (который до этого успел поджечь танк противника и расстрелять два ПТО), вперед вышел лейтенант Зоря. К этому времени это был уже не новичок, а опытный фронтовик, научившийся действовать смело, уверенно и осмотрительно. Автоматчики расстреляли фаустника и продолжили атаку сбоку и чуть впереди танков, предоставляя им свободу для ведения огня вдоль шоссе. Зоря добил противотанковые пушки и начал уничтожать пехоту противника, прокладывая путь автоматчикам. Взвод отвоевал больше километра шоссе и выходил на западную окраину Дунаальмаша, когда немецкий танк с близкого расстояния поразил танк командира взвода прямо в лобовую броню. Танк задымился, а после второго и третьего снаряда загорелся. Погибли механик-водитель старший сержант Иванов и радист-пулеметчик Дудин. Комвзвода, наводчик и заряжающий выбрались из танка и по кювету отползли назад. Лейтенант Зоря был ранен легко, отказался идти в медсанвзвод и остался в роте. Третий танк, командиром которого был младший лейтенант Бутов, встал в укрытие и вел огонь. Взвод автоматчиков отошел и залег впереди него. Наступая вдоль побережья Дуная, взвод лейтенанта Бикмулина завяз в сплошных построениях между железнодорожной насыпью и песчаным берегом реки. Запутавшись в непонятных лабиринтах, под огнем противника он остановился. Взвод лейтенанта Маркова имел больше пространства для маневра: пробираясь по огородам и садам, он успешно продвигался к западной окраине села. Вместе с ним удачно действовал взвод автоматчиков младшего лейтенанта Черкасова. Но и они натолкнулись на сильное сопротивление противника, остановились и теперь вели огневой бой. Атака захлебнулась...

Комбриг лично наблюдал за ходом боя, но оказать влияние на его исход не мог. Не было резервов. Все силы батальона были брошены в бой. Он приказал мне закрепиться на достигнутом рубеже, распрощался с Грищенко и Климовым и выехал во 2-й танковый батальон. Стрельба в Дунаальмаше стихла.

2-й танковый батальон наступал вдоль дороги Тат – Комаром на станцию Альмаш-фюзите. На этом участке наступление сначала развивалось успешно. Танкисты подошли к развилке дорог и открыли сильнейший огонь из пушек и пулеметов, в расчете психологически подавить противника. По дороге шел взвод лейтенанта Талызина. Командир заметил вспышку пушечного выстрела на самой развилке дорог и указал на цель наводчику. Опытный и сноровистый сержант Арутюнян быстро навел орудие и ударил в цель бронебойным снарядом. Брызнула ослепительная вспышка, а затем вырвался сноп огня, осветив танк. От огня загорелся рядом стоящий дом. На освещенном перекрестке дорог сновали немцы, разворачивая ПТО. Лейтенант Талызин свернул с шоссе и повел взвод слева, а лейтенант Панфилов с остальными танками обходил перекресток справа. Противник успел организовать круговую оборону и оказал упорное сопротивление. Танку младшего лейтенанта Девяткина удалось выйти к самому перекрестку и вступить в бой с артиллерией врага, но в нерав-

ном поединке танк был подбит артиллерией, остановился и задымил. Отважный командир погиб, экипаж выскочил и укрылся в кювете. Раненые танкисты поползли назад под огнем врага, когда замыкающий печальную «процессию» механик-водитель оглянулся назад. Танк не горел. Преодолевая страх, он повернул обратно, забрался в танк и завел его, включив заднюю скорость. Ночная темнота скрыла смельчака. Когда он вышел к своим, в башне и корпусе танка насчитали три пробоины. Не загорелся он только потому, что на пределе было горючее и не было боеприпасов. Атака захлебнулась, и батальон получил приказ отойти на исходные позиции, где прочно закрепиться.

30 декабря 18-й танковый корпус был выведен в резерв командующего 3-м Украинским фронтом. 110-я и 181-я танковые бригады, а также 32-я мотострелковая бригада к исходу дня сосредоточились в районе Бичке, Мань, Жамбек. Командир нашей 170-й танковой бригады получил приказ сдать занимаемый рубеж 217-му стрелковому полку 80-й стрелковой дивизии и сосредоточиться в Жамбеке. 31 декабря бригада по акту передала рубеж обороны и с наступлением темноты начала выдвижение в новый район сосредоточения. Первым снялся 2-й танковый батальон, за ним 3-й батальон и батальон автоматчиков. Наш батальон, оставаясь на прежних позициях, прикрывал выход бригады. В этот момент поступило неожиданное распоряжение: вернуться обратно, выбить противника из Дунаальмаша и совместно с 80-й стрелковой дивизией прочно удерживать занимаемый рубеж.

Так заканчивался 1944 год. За период с 22 по 31 декабря бригада прошла с боями около 130 км, заняла свыше 40 населенных пунктов, уничтожила 37 танков и штурмовых орудий, 77 орудий и минометов противника, большое количество живой силы и 980 человек взяла в плен. За это же время бригада потеряла 38 танков и около 200 человек убитыми и ранеными.

Балатон

В ночь под Новый год выпал обильный снег, и весь следующий день погода непрерывно менялась: то морозец, то мокрый снег из низких туч. На позициях стояла праздничная тишина. Обе стороны безмолвствовали. В танках установили дежурство, выставили охранение, остальные отдыхали в домах и погребках. Нашлись и непоседливые люди. Подогреваемые любопытством, озорством, а больше вином, «безлошадные» танкисты с автоматчиками, несмотря на запрет, продолжали вылазки на западную и восточную окраины Дунаальмаша. Завязывались скоротечные стычки. Больше всех усердствовал лейтенант Яковлев. Он уже не раз ходил в расположение противника, знал там все ходы и выходы и беспощадно мстил фашистам за два своих подбитых танка и гибель товарищей. В очередной раз он подбил идти с ним лейтенанта Зорю, наводчика орудия сержанта Роптанова, заряжающего сержанта Лысенко, радиста сержанта Спирюгова. Не удержались и примкнули к ним техник-лейтенант Рамадзе и вездесущий Николка. Все они вооружились автоматами, гранатами, прихватили несколько бутылок с зажигательной смесью и отправились искать приключений. Шагая впереди группы, Яковлев балагурил: «Устроим фрицам маленькую новогоднюю заварушку. Будут помнить нас и новогодний день». Знакомыми дорожками он вывел группу к кладбищу. Осторожно пробираясь между могил и надгробий, Яковлев вел добровольцев на западную окраину села и неожиданно наскочил на засаду. В ход пошли автоматы и гранаты. Яковлев швырнул одну за другой две гранаты Ф-1 и залег между могилами. Ведя огонь из автомата, он крикнул: «А ну, всем быстро отходить! Я прикрою огнем!...» Танкисты не заставили себя долго уговаривать и врассыпную бросились назад. Яковлев поливал фашистов из автомата. Немцы, прикрываясь надгробьями, вели ответный огонь и швыряли гранаты. Одна разорвалась невдалеке от Рамадзе и Зори. Корчась от боли, они с помощью Роптанова еле добрались до батальона. Вскоре невредимым прибыл и Яковлев.

Старший лейтенант Колесниченко, перевязывая раненых, бурчал: «Мальчишки! Дураки! Сами смерти ищут». Рамадзе и Зоря сквозь боль отшучивались: «Не бранись, доктор. До свадьбы все заживет». На медпункт прибыл майор Грищенко. Не стеснясь и не выбирая выражений, он зло выругал офицеров и начал им угрожать. Однако, глядя на раненых, страдающих от боли людей, майор отошел и смягчился. Лейтенант Зоря был ранен в пах, и Грищенко с издевкой посоветовал доктору отправить его в медсанбат верхом на лошади. Вечером всех раненых на попутной машине отправили в тыл.

Относительно спокойная обстановка убаюкала всех. Все больше захватывало праздничное благодушие. Каждый, исходя из своих возможностей, отмечал Новый год. В роты, на передовую подошли кухни. Повара постарались и приготовили праздничный обед. Хозяйственники вместо ста граммов водки выдали ром, причем в большом количестве. Экипажи к нему добавили еще сухое вино из погребков. Многие сами приготовили пельмени, блины, шашлыки и устроили небольшую пирушку. Леша Рыбаков по водосточной трубе пробрался к берегу Дуная, где обнаружил маленький ресторанчик с видом на величавую реку. Он пригрозил хозяину, заставил его приготовить приличный стол с изысканными напитками и, довольный своей затеей, пригласил Грищенко, Клаустина, Сергиенко и меня. В батальоне остались Климов и Гуляев. Во 2-м батальоне механик-водитель командирского танка сибиряк сержант Маякин сварганил пельмени, отварил их и поставил на стол большое блюдо дымящихся, пышущих жаром, воздушных пельменей, которые издавали неповторимый аромат, дразнящий и возбуждающий аппетит.

Обеды затянулись до позднего вечера. Хорошо закусив и подогревшись спиртным, многие завалились спать. Противник как будто только этого и ждал. Поздно вечером началась мощнейшая артподготовка. Стылая земля содрогалась от разрывов. Под прикрытием

огня артиллерии из Комарно на Тату в колонну по два выдвигалась танковая армада. Часть ее повернула на восток, развернулась и атаковала Дунаальмаш и Самод. В воздухе висели сотни осветительных ракет. Стало светло, как днем. Началась круговерть. Удар застал наши передовые части врасплох. Трудно было понять, что происходит кругом. Мы выскочили из рестораника и под огнем противника еле успели пролезть по водосточной трубе к своим танкам. Батальон уже вступил в бой с наседающим противником. Быстро прикинув обстановку, комбат отдал самый короткий приказ: «Прочно оборонять занимаемый рубеж». Я с ходу заскочил в танк и «приступил к выполнению приказа». Танки противника, при поддержке пехоты и огня артиллерии, основной удар наносили вдоль шоссе на Несмей. В Дунаальмаше разгорелся тяжелый, ожесточенный бой. Танки батальона, еле сдерживая нашествие противника, начали с боем отходить. В бледном свете осветительных ракет было видно, как, озираясь и отстреливаясь, отходит и пехота, как на новые огневые позиции отходят артиллеристы. Все смешалось, управление терялось, эфир был забит распоряжениями, криками и бранью. Наши части были близки к паническому бегству, и только ночь и снегопад не позволили противнику воспользоваться благоприятной обстановкой.

2-й батальон с боями отошел на высоту 294. Танки рассредоточились, заняли ранее подготовленные позиции и изготавились к бою. Пехота отходила, и танки остались один на один с противником. С новой силой разгорелся ночной бой. Удар большой силы для нас оказался полной неожиданностью. Отсутствие четкого взаимодействия пехоты с танками, а также согласованных действий по месту и времени позволили передовым частям противника сразу добиться успеха и потеснить пехотные части. 232-й гвардейский полк при первой же атаке противника стал отходить, и наша 170-я танковая бригада осталась без прикрытия.

Под ударами сильного противника 1-й батальон не выдержал и стал медленно отходить в юго-восточном направлении. При отходе в речушке застрял танк младшего лейтенанта Досузева. Экипаж отбивался от противника, но вскоре танк был подбит. Выбросив в воду клин затвора и разворотив гранатой двигатель, экипаж, отстреливаясь, пробирался к батальону. Раненые, измученные и почерневшие от усталости танкисты прибыли в роту только к исходу 2 января. 2-й и 3-й танковые батальоны с батальоном автоматчиков отошли на рубеж высота 294 – Дунасантмиклош, где в течение 2 января отбивали атаки противника. Бригада оказалась в тяжелейшем положении. Взаимодействие между нами и 80-й гвардейской стрелковой дивизией так и не было восстановлено, мы действовали разрозненно, по усмотрению своих командиров. Связь с корпусом часто прерывалась, офицеры связи с боевыми распоряжениями запаздывали, и комбриг с комбатами действовали по обстановке, на свой страх и риск. Люди дрались самоотверженно, гибли, получали ранения, но без приказа не отходили с занимаемых позиций.

3 января полковник Чунихин через офицера связи получил приказ поступить в распоряжение командира 31-го гвардейского стрелкового корпуса и, действуя совместно, не допустить продвижения противника в восточном и юго-восточном направлениях. Противник к этому времени занял Дунаальмаш, Несмей, Шютте и Тордаш. Бригада оказалась в тылу противника. Связь с корпусом пропала. После бесплодных усилий связаться с корпусом и соседними соединениями комбриг принял решение взорвать все неисправные танки, снять с них пулеметы и оставшимися силами с боями выходить в направлении Марат – Сомор, где перейти к обороне. Маршрут выхода был выбран по полевым и лесным дорогам, напрямиком через лес и по узкоколейной железной дороге в обход населенных пунктов. Были определены 22 рубежа регулирования, по достижении которых комбриг требовал своевременного доклада. В авангард направлялся 2-й танковый батальон, в арьергард – наш 1-й. На них и легла вся тяжесть выхода из окружения. 2-й танковый батальон прокладывал путь бригаде. В голове его шла рота Панфилова. Шли днем и ночью, не останавливаясь. Южнее Байна, в лесу на обширной поляне, танки наскочили на засаду: штурмовые орудия, артиллерия и пехота

противника открыли сильный огонь. В воздухе появилась вражеская авиация, которая начала бомбить батальон. Небольшой клочок местности в лесу превратился в ад. Комбат приказал развернуть пушки назад и пробиваться напрямик, лесом. Ломая деревья, кустарники, втирая их в землю, батальон прокладывал путь бригаде. Лес спасал и скрывал колонну от авиации. Танкисты вышли к хутору, который даже не был обозначен на карте. Разведчики лейтенанта Чеботарева окружили дом, ворвались в него, но там, кроме хозяев, никого не было. Хозяин показал, что здесь совсем недавно были немецкие танки, которые, не задерживаясь, ушли по дороге на восток. Неожиданно к дому подкатила санитарная машина. Из нее бойко выскочил молодой офицер-медик, следом высыпали смазливые девчушки-медсестры в белых халатах. Офицер был возбужден и встревожен. Ночью он отстал от медсанбата и сейчас догонял его. Колтунов, Чащегоров и Чеботарев не могли помочь ему. Они сами не знали, где свои войска и где противник. Медсестры, увидев раненых на танках, предложили забрать их с собой, но воспротивилась военфельдшер Анна Леонтьевна Дронь. Офицер распрощался с нами, сел в кабину и так же быстро укатил полевой дорогой.

Доложив о прохождении очередного рубежа и обстановку, Колтунов и Чащегоров повели батальон по лесной дороге. Вскоре они наткнулись на ту самую санитарную машину. Водитель был убит в кабине, около машины, распластавшись на земле, лежал окровавленный офицер. У кустарников, прямо на снегу, лежали полунагие, изнасилованные и изуродованные медсестры. Некоторые еще подавали признаки жизни. Военфельдшер Дронь цыкнула на танкистов: «Что уставились? Не видели голых баб?» – и, матеря фашистов, прикрыла девчонок, оказывая живым медпомощь...

Дальше следовать этим маршрутом было опасно, и комбриг направил батальон по узкоколейной железной дороге. Маршрут был не из лучших, но иного выхода не было. Идти было трудно, особенно автомашинам. Многие машины вышли из строя, их пришлось поджечь и бросить. Танки ковыляли, доставляя массу неудобств танкистам и десанту на танках. Но и в этих ужасно трудных условиях люди от усталости и психологического перенапряжения засыпали на ходу. Проходя сложный участок, заснув, свалился в обрыв автоматчик рядовой Костя Ушаков. Изуродованного, без сознания, его достали и передали в медсанвзвод. Этот адский переход закончился к вечеру, когда удалось выйти на проселочную дорогу.

Дальше полковник Чунихин повел бригаду на танке по бездорожью, напрямик на Сомор. Впереди все отчетливее были слышны раскаты взрывов, там шли жаркие бои. При подходе к Сомору, когда надо было пересекать большое поле, налетела вражеская авиация и начала бомбить и штурмовать оставшиеся танки. Два зенитных пулемета ничего существенного сделать не могли. К счастью, быстро появились наши краснозвездные «ястребки», в небе над нами завязался воздушный бой. Проскочив открытую местность, мы вошли в лес, и к утру 4 января комбриг вывел бригаду к Сомору, где шел ожесточенный бой. Чунихину удалось связаться и установить взаимодействие с командиром стрелкового полка. Развернув 2-й и 3-й танковые батальоны и батальон автоматчиков, комбриг лично повел их в атаку. Удар с тыла решил исход боя. Противник был разгромлен, и бригада совместно с пехотой заняла круговую оборону в Соморе. Штабу бригады удалось связаться с корпусом, и там облегченно вздохнули. Поступил приказ: «До особого распоряжения оставаться на месте». Весь день противник контратаковал, пытаясь выбить наши танки и пехоту из Сомора. Нас непрерывно бомбила авиация, но уже не так безнаказанно, – на огневых позициях развернулись два зенитно-артиллерийских полка и наша ЗПР¹⁵. Зенитчики вели довольно прицельный огонь и под ликующий восторг обороняющихся сбили два самолета. Наиболее любопытные солдаты бросились к горящим самолетам, но те начали рваться. Под улюлюканье и хохот смельчаки вприпрыжку побежали назад...

¹⁵ Зенитно-пулеметная рота, имевшая по штату 12 пулеметов ДШК. (Прим. ред.)

Бригада вела тяжелые оборонительные бои в Соморе без нашего батальона, о существовании которого штаб знал только по редким, коротким сигналам о прохождении рубежей, предусмотрительно определенных комбригом при отходе. На долю нашего батальона выпала тяжелая участь с самого начала отхода. Прикрывая отход бригады, батальон закрепился на высотах юго-восточнее Дунаальмаша. Немецкие танки стали обходить нас с флангов: враг пытался сломить сопротивление батальона и перейти в преследование. Но лишь с выходом бригады на дорогу Шютте – Тардошбань майор Грищенко дал команду на отход.

Комбат передал все оставшиеся танки батальона мне и приказал прикрыть отход батальона по намеченным рубежам. Сам он свернул колесные машины в одну колонну и под прикрытием своего танка направился на Сомор. Я оставил три танка на занимаемом рубеже, помог Маркову организовать засаду на широком фронте и приказал ему удерживать участок до выхода основных сил моей роты на новый рубеж. После этого я свернул колонну и помчался вслед за колонной батальона. Ждать противника долго не пришлось. Проведя небольшую перегруппировку, он перешел в атаку с еще большим остервенением. Уже спускались сумерки, когда 7 немецких танков, при поддержке артиллерии и пехоты, атаковали оставленный в прикрытии взвод. Марков, Глива и Ткачев открыли огонь из-за укрытий. Немецкие танки построили свой боевой порядок «углом назад», стараясь охватить наши танки и уничтожить их, но удачная стрельба Ткачева и Гливы охладила их пыл: на флангах вспыхнули и загорелись сразу два вражеских танка, затем еще один. Боевой порядок противника расстроился, но два снаряда ударили в борт машины Маркова, танк закурился и вспыхнул. Экипаж успел выскочить и под прикрытием огня своих танков отполз к танку Гливы. Бой продолжался, но, когда совсем стемнело, противник, не добившись успеха, свернул в сторону и ушел.

Занявший место Гливы Марков доложил мне о выполнении задачи и помчался на новый рубеж за ротой. К рассвету следующего дня рота с танками Гливы и Ткачева заняла оборону на рубеже Шютте – Татабанья. На сей раз мы выбрали для танков удобные позиции, прикрытые местными укрытиями, успели накормить личный состав, пополнить боезапас и изготавиться к бою. Я занял место в центре боевого порядка, откуда хорошо просматривалось поле боя и было удобно управлять танками роты.

Рассветало. Солнце лениво пробивалось сквозь толстую пелену тумана, когда появился противник. Выдвигался он нехотя, с оглядкой. В первой линии шли 7 танков, вслед за ними 6 БТР с пехотой, а за ними еще 5 танков. Сила внушительная, но 12 танков против наших 7 в обороне – это не так много. Оценив расклад сил, я по радио приказал изготавиться к бою, но огня с дальних дистанций не открывать, а подпустить танки на 600–700 метров. Танкисты замерли в ожидании. Танки противника шли ходко, развернулись и дерзко атаковали нас. Огонь они открыли с дальних дистанций, видимо, пытаясь психически воздействовать на нас мощным огнем.

Подпустив врага ближе, я приказал вступить в бой. Темп стрельбы противника тут же возрос. Его пехота с криком «Ура!» (в атаку шли «власовцы») бросилась в атаку, но огонь взвода автоматчиков и лобовых пулеметов танков положил ее на землю. Один за другим загорелись три танка противника, но был подбит и танк Ярочкина; раненые члены экипажа с трудом выбрались из танка. Бой принимал все более ожесточенный характер. Противник пытался сбить наш заслон и продолжить наступление, для чего ввел в бой еще 5 танков на левом фланге. Три из них завязали бой с танком Бурцева. Экипаж отбивался с трудом. Ему удалось подбить один танк, еще по одному сожгли я и лейтенант Бикмулин. Противник не выдержал напряжение боя, стал пятиться, искать укрытия, а затем под прикрытием лесочка на высоте отвернул и ушел в сторону, оставив на поле боя 6 сгоревших и подбитых танков и 4 БТР.

Наш батальон привел себя в порядок и пошел на Байну. Следом пошла и ротная колонна танков. Налетела вражеская авиация, ставшая буквально терзать батальон. Отбомбившись, авиация улетела. Мы похоронили убитых, забрали раненых и вновь направились на Байну. На его западной окраине мы развернули танки, и под их прикрытием батальон пошел на Сомор для соединения с бригадой. Вскоре по дороге на Байну появилась колонна из 5 немецких танков и 4 БТР. Подпустив их поближе, мы открыли огонь. Головной танк колонны загорелся, а остальные на ходу развернулись и помчались прочь.

К исходу 4 января батальон прибыл в район обороны бригады, и майор Грищенко доложил комбригу о выполнении задачи. Чунихин с большой радостью встретил батальон, от души обнял комбата и приказал всех отличившихся представить к наградам. Батальон был выведен в резерв и сразу приступил к подготовке направлений и рубежей для контратак.

Бригада продолжала вести тяжелые, упорные бои. Люди устали и с трудом отбивались от превосходящих сил противника. Не успев передохнуть и привести себя в порядок, 1-й танковый батальон получил задачу контратаковать вклинившегося в нашу оборону врага и уничтожить его. Остатки танков в атаку повел майор Грищенко. Контратака удалась: не ожидавший ее противник дрогнул и отошел. Положение было восстановлено.

В ночь на 5 января бригада получила приказ отойти и занять оборону северо-западнее Фельше-Ереша. 1-й и 2-й танковые батальоны с двумя ротами автоматчиков заняли оборону в садах и по опушкам роши севернее и западнее Фельше-Ереша. Выставив танковый взвод младшего лейтенанта Апушинского в засаду на опушке леса северо-западнее Фельше-Ереша, 3-й танковый батальон занял оборону, оседлав развилку дорог в 1 км восточнее Фельше-Ереша. На рассвете комбриг на местности уточнил рубежи обороны, и мы тут же приступили к оборудованию позиций. Машины подвозили горючее, боеприпасы, разгружались, забирали раненых и убывали в тыловой район. Заправлялись и загружали боеприпасы мы, не прекращая инженерных работ. Времени было в обрез, противник нажимал. Капитана Клаустина комбриг назначил заместителем командира батальона и приказал ему исполнять обязанности командира 1-го танкового батальона вместо раненного в бою Грищенко. Я был назначен начальником штаба батальона.

Погода испортилась. Подморозило, земля покрылась толстым слоем снега. Бездействовала авиация противника, но значительно усилила огонь его артиллерия, и особенно реактивные минометы. Под прикрытием их огня части противника развернулись и атаковали бригаду. Вновь развернулись ожесточенные бои. Противник упорно лез на нас, бросая в бой танки, штурмовые орудия, бронетранспортеры и пехоту. Он стремился захватить Жамбек – важный узел дорог на пути к Будапешту. Особенно упорные бои разгорелись во второй половине дня 6 января, когда противник бросил в бой большое количество бронетехники и пехоты. Артиллерия и реактивные минометы активно поддерживали атакующих. Бой был жестоким. На снегу перед обороной батальонов дымились и горели 7 танков и 6 БТР, распластались десятки трупов, но росло количество убитых и раненых и с нашей стороны. В разгар боя с боевым распоряжением во 2-й танковый батальон был направлен старший лейтенант Рязанцев. Перебежками от укрытия к укрытию, лесом и чистым полем он пробирался в батальон, но до цели не дошел. В это время противник вел сильный обстрел, и, видимо, Рязанцев попал под огневой налет. Произошедшее встревожило командование бригады. Была создана специальная розыскная группа, которая с разведчиками прочесала прилегающий лес и поля, но среди убитых Николая не обнаружили. Так погиб мужественный и отважный офицер. В конце марта 1945 года ему было присвоено звание Героя Советского Союза посмертно¹⁶.

¹⁶ В 1967 г. имя Героя Советского Союза Н.Д.Рязанцева было присвоено средней школе № 2 г. Семилуки Воронежской области, где в настоящее время действует музей Н.Д.Рязанцева. (Прим. ред.)

День был ненастным, и сумерки спустились рано. Танкисты надеялись, что враг не решится наступать ночью, но он в очередной раз атаковал позиции бригады. Батальоны, отбиваясь из последних сил, стали пятиться назад. Танки противника ворвались в Фельше-Ереш. Лишь наше упорное сопротивление, темень и сильный ветер с мокрым снегом не позволили им развить успех. Комбриг решил оторваться от противника и под покровом темноты занять более выгодный рубеж. По его приказу бригада отошла и заняла оборону в километре южнее Фельше-Ереша и двух километрах северо-западнее Маня. Мне же комбриг приказал прикрыть танками батальона отход бригады. 1-й танковый батальон усилил огонь и продолжал бой. Противник не заметил отхода бригады, остановился и приступил к перегруппировке своих сил и подготовке к продолжению наступления с утра. При этом артиллерия противника продолжала вести методический огонь. Выполнив задачу, я медленно, отстреливаясь, отвел танки, в лесу свернул их в колонну и прибыл в район расположения штаба бригады. Только тогда немцы обнаружили отход танков. Они усилили обстрел, но преследовать нас ночью в непогоду не решились.

Остановив колонну в районе командного пункта бригады, я вылез из танка и вместе с оперуполномоченным батальона Журавлевым направился к погребу, где располагался штаб бригады. В это время по штабу бригады противник произвел артналет. Кругом рвались снаряды и мины. Мы, спасаясь от огня, обнявшись, распластались под могучей сосной. Мощный снаряд ударил в сосну, разнес верх ее в щепки и осыпал нас градом осколков. Мне обожгло правое бедро и предплечье. Обстрел прекратился так же неожиданно, как и начался. Я вскочил и, ковыляя, побежал к погребу, а тяжело раненный Журавлев остался лежать в луже крови. Ворвавшись в погреб, я был возбужден и на ходу костерил проклятых фашистов. Чунихин быстро охладил меня:

– Прекрати ругаться! В чем дело?

– Там, под сосной, тяжелораненый Журавлев!

Не ожидая продолжения или команды, офицер штаба по фамилии Жуков бросился на помощь. Я попытался доложить о выполнении поставленной задачи, но комбриг остановил меня и крикнул врача. Лейтенант Максимова осмотрела и обработала мои раны, перевязала и уложила меня на носилки. Вскоре принесли и Журавлева. Рано утром всех раненых, в том числе и меня, отправили в медсанбат.

Полежав в госпитале пару дней, я сбежал. К этому времени в нашем батальоне почти не осталось ни танков, ни личного состава. Комбриг приказал передать оставшиеся машины во 2-й батальон, а остатки личного состава и автотранспорт вывел в резерв. Расположились мы в господском дворе Тордаш. Сюда пришел сбежавший из медсанбата майор Грищенко. В гости ко мне приехала и Мария Мальцева, которая на следующий день напомнила мне о давнем разговоре:

– Вась, помнишь, ты обещал, что, когда станешь начальником штаба, переведешь меня к себе в батальон?

– Маша, сейчас не время. Идут бои. Вот стану командиром батальона, тогда другое дело, – отнекивался я.

Уехала она обиженная.

После провала второго контрудара противник прекратил наступление по всему фронту. Однако он не отказался от плана освободить окруженную группировку в Будапеште и готовил очередной контрудар. На этот раз он рассчитывал прорвать оборону между озерами Балатон и Веленце, выйти к Дунаю севернее Дунафельдвара, разгромить войска 3-го Украинского фронта, а затем, ударом с юга, освободить окруженные войска в Будапеште. 18 января комбриг по радио получил приказ комкора: «Совместно с 1438-м самоходно-артил-

лерийским полком, у которого оставалось всего четыре САУ-85¹⁷, срочно выступить и к 19 января занять оборону на рубеже Иснефальва – Бебиц – Надьхерген и не допустить продвижения противника на восток и юго-восток».

Потрепанная в боях бригада быстро свернулась в колонну и выступила боевыми подразделениями по указанному маршруту. Колонну вел лично комбриг. Мы шли по знакомым местам, только в обратном направлении. Пройдя ночным маршем 70 км, бригада 19 января к 02.00 подошла к Шарошду. Начразведки Гусак доложил, что противник овладел Шаркерестур и развивает наступление в восточном направлении, на Дунапентеле. Чунихин доложил обстановку в штаб корпуса и получил указание занять оборону на рубеже Альшотебержек – Шербогард и не допустить продвижения противника в направлении Цеце. Бригада, не задерживаясь, выступила из Шарошда на Хантош. При подходе к Надьлок встретили коменданта Шербогарда с представителем 7-го гвардейского механизированного корпуса, которые доложили, что танки противника ворвались в Шербогард. Связь с корпусом пропала. Обстановка складывалась не в нашу пользу. Противник наступал в сторону Дуная на всех направлениях.

Комбриг, долго не раздумывая, приказал 2-му танковому батальону с ротой автоматчиков занять оборону в районе 2 км северо-восточнее Кишлока и не допустить продвижения противника на восток и юго-восток. 3-му танковому батальону с танко-десантной ротой он приказал прикрыть дорогу из Шарсентмиклош и не допустить прорыва противника на Херцегфальв, а самоходные установки оставил в своем резерве.

Тем временем противник за ночь навел переправы через канал Шариз, форсировал его и теперь успешно продвигался к Дунаю. Основные силы 18-го танкового корпуса вели упорнейшие бои в районе Секешфехервара. Прибыл лейтенант Чеботарев и доложил, что до 30 танков идут в направлении Херцегфальв. Выслушав разведчиков, полковник Чунихин подал команду приготовиться к бою. Он приказал подпустить колонну танков как можно ближе, уничтожить головные танки, а затем расстреливать их при развертывании в боевой порядок. На горизонте, на белом фоне было видно, как не спеша, ровно, движется танковая колонна противника. Подпустив головной танк на 400 м, Отрощенко скомандовал: «Огонь!» Заговорили все пушки и пулеметы. Оборона ожила, ошетинилась. Первым же выстрелом Васадзе подбил головной танк, впрочем, по нему били и другие экипажи. Колонна противника сразу расстроилась: передние танки встали, последующие от неожиданности стали дергаться из стороны в сторону и медленно развертываться, подставляя нам борта. Однако танкисты Отрощенко не смогли воспользоваться выгодной ситуацией. Разгорелся тяжелый, неравный бой. 3-й танковый батальон не выдержал, отошел и закрепился только на перекрестке дорог, ведущих на Дунафельдвар и Дунапентеле. Танки противника овладели Херцегфальв и продолжали движение на Цеце. 2-й танковый батальон отбивался от противника в районе Кишлока. Комбриг усилил 3-й батальон двумя самоходными артиллерийскими установками СУ-100 и батальоном автоматчиков, приказал занять круговую оборону на перекрестке дорог и прочно удерживать его.

Сережа Отрощенко развернул бурную деятельность. Понимая, что противник вот-вот появится перед батальоном, он носился по позициям, как метеор: расставлял каждый танк, самоходную установку, определял рубежи для автоматчиков. Экипажи неистово работали, вгрызаясь в мерзлую землю, стараясь прикрыть хотя бы ходовую часть и борта. На душе было тревожно и беспокойно. Все прекрасно понимали, в каком критическом положении они находятся.

Закрепиться как следует не удалось. В середине дня появилась колонна танков и бронетранспортеры с пехотой. Пройдя Сорваш, семь «Пантер» и до пехотного батальона противника развернулись и стремительно атаковали позиции батальонов, пытаясь уничтожить

¹⁷ Правильно – СУ-85 или САУ СУ-85. (Прим. ред.)

наши танки, автоматчиков и пробиться на Дунапентеле. Немецкие танкисты всегда отличались хорошей подготовкой, а танки «Тигр» и «Пантера» имели превосходные прицелы. Бороться с ними было трудно. Требовались хорошая выучка, умение и хладнокровие.

Танки противника, набирая скорость, все ближе и ближе подходили к нашей обороне. Появилась авиация, развернулась и пошла в пике, сбрасывая бомбы и обстреливая наши танки из пушек. Слабосильная ЗПР открыла огонь: результата он не дал, но психологическое воздействие на летчиков произвел – их удары не всегда были точны. Вслед за авиацией на позиции 3-го батальона навалились танки. Младший лейтенант Х.М.Прохоренко вплотную подпустил «Пантеру», со второго выстрела подбил ее, а после третьего попадания вражеский танк встал и задымился. Танк Прохоренко засекли, и вскоре бронебойный снаряд пробил его башню насквозь, а попавший в борт второй снаряд завершил свое черное дело. Танк охватило пламя, весь экипаж погиб... Тяжелый бой продолжался, но вскоре, потеряв 3 танка, 2 БТР и оставив на снегу десяток трупов, противник отошел. С нашей стороны также было подбито три танка.

Комбриг оценил выгодный и очень важный рубеж перекрестка дорог и перебросил сюда танки 2-го батальона, свой резерв и опергруппу. Фактически он собрал все, что осталось от бригады, в один кулак и лично возглавил его. Противник, проведя небольшую перегруппировку, предпринял новую попытку сбить бригаду с занимаемого рубежа. В бой были брошены танки, штурмовые орудия, бронетранспортеры и пехота. Их активно поддерживала авиация. Район обороны бригады стонал и содрогался от разрывов бомб, снарядов и мин. Очертя голову враг лез на нас, стараясь во что бы то ни стало захватить этот важный узел дорог, но жалкие остатки нашей бригады дрались насмерть. Встретив яростное сопротивление, противник откатился назад, оставив на поле боя 2 танка, 3 БТР и много трупов. Но и от бригады осталось всего 6 танков...

Не добившись успеха, противник начал обходить бригаду, развивая успех на восток и север. Создавалась угроза нашего окружения. На активные действия у бригады не было сил, и комбриг принял решение: оставаться на прежнем рубеже, занять круговую оборону и биться до последнего. Другого выхода не было.

Во время боя вышла из строя радиостанция РСБ; связь с корпусом оборвалась. Комбриг направил в штаб корпуса донесение с офицером связи Салтыковым. В донесении он просил разрешения отойти на линию обороны стрелковых войск. Не зная обстановки в бригаде, комкор в это же время направил в бригаду своего офицера связи с приказом: «До наступления темноты прочно удерживать занимаемый рубеж, а ночью внезапно атаковать и захватить Шербогард». Но офицер связи корпуса заплутал и не смог пробиться в бригаду.

Разведчики вели активную разведку и докладывали комбригу, что противник из Херцегфальва повернул на восток и север. Он как одержимый рвался к Дунаю! На исходе дня небольшая колонна танков с пехотой еще раз атаковала нас, пытаясь сбить бригаду с перекрестка дорог. Не добившись успеха, танки противника обошли наши позиции слева и заняли Надь. Во второй половине дня 19 января вражеские танковые части достигли Дунапентеле, а к утру 20 января вышли к Дунаю. Войска 3-го Украинского фронта были рассеяны на две части. Создалась очень сложная обстановка.

Наша бригада была в тяжелом положении. Она была отрезана от главных сил корпуса, от своих тылов и собственного штаба. Танков и пехоты было очень мало, соседей не было, радиосвязь с корпусом отсутствовала. Офицеры связи в большинстве случаев нарывались на противника и погибали. Противник забил все дороги танками, артиллерией и пехотой. Свиристствовала его авиация. Расширялась полоса прорыва. Бригада оказалась в тылу врага. Действовать приходилось на свой страх и риск. И, к чести Чунихина, он не дрогнул, выстоял и тем фактически спас бригаду.

К нашей великой радости, к району обороны подошли 2-й батальон 32-й мотострелковой бригады и 1000-й истребительно-противотанковый полк, у которого осталось всего 2 самоходных артиллерийских установки. По радиостанции РСБ командира этого полка Чунихин связался с комкором. Не выслушав комбрига и не поинтересовавшись обстановкой, генерал-майор Говоруненко отругал его за потерю связи, выразил недовольство действиями бригады, после чего подтвердил приказ, который не смог доставить офицер связи корпуса. Полковник Чунихин терпеливо выслушал несправедливые упреки комкора и убедительно доказал, что в сложившейся обстановке такой приказ невыполним и что нет смысла оставаться на прежнем рубеже в отрыве от своих войск. После короткого раздумья комкор нехотя согласился с Чунихиным и приказал занять оборону на новом рубеже, чтобы не допустить продвижения противника на Перкату.

Ночью бригада снялась и направилась в указанный район. К этому времени противник овладел хутором и Перкатой. Комбриг доложил обстановку и получил приказ выйти в район Шарошд, где мы должны были занять оборону. В бригаде оставалось всего 4 танка, 4 САУ СУ-85 и около 60 автоматчиков.

Весь день 20 января противник развивал наступление. Особенно упорные бои развернулись за Секешфехервар. Противник обошел его и пытался любой ценой захватить важный стратегический пункт. Но это ему не удалось, здесь стойко оборонялись 21-й и 133-й стрелковые корпуса и 18-й танковый корпус. Командующий фронтом принимал решительные меры, чтобы не допустить выхода противника к Дунаю.

Весь день бригада простояла в роще севернее Шарошда. Вновь нарушилась связь с корпусом, и комбриг нервничал. Убыли, разыскивая штаб корпуса, офицеры связи. Неопределенность положения давила. Единственную радость доставили нам ремонтники, направившие в батальон два восстановленных танка. Наконец связь с корпусом была установлена, и комбриг получил приказ: «Выступить в Элесаллаш. В Элесаллаше занять оборону и прикрыть левый фланг обороны корпуса».

Подошел корпус. Полковник Чунихин получил распоряжение передать оставшиеся танки и самоходные артустановки 110-й танковой бригаде. Но во время передачи танков противник неожиданно силами 6 танков с пехотой на БТР атаковал нас из Сорваша. Танкисты не были готовы к бою, и в их действиях проявились замешательство и растерянность. В воздухе повисли десятки осветительных ракет. Противник ворвался в район обороны бригады. Завязался ожесточенный бой. С большим трудом комбриг восстановил порядок и организовал отпор противнику, но удержать перекресток дорог не смог. Потеряв 3 танка, наша бригада отошла...

К исходу 21 января обстановка на 3-м Украинском фронте была все еще сложной. Противник продвигался вперед, на Будапешт. Вражеские танки вышли к Дунаю и, расширяя полосу прорыва, ударили по нашим тылам. Лавина обозов, тыловых колонн армий, корпусов, дивизий, бригад хлынула на переправы в Дунафельдвар, Эрчи, Байя, Чепель. У каждой скопились тысячи машин и повозок. Авиация противника беспрепятственно бомбила их, издеваясь над незащищенными людьми и машинами.

Вместе с корпусными тылами к переправе у Эрчи подошли и тылы нашей 170-й танковой бригады. У переправы творилось что-то невообразимое: смешались машины и повозки с ранеными, горючим, боеприпасами и другим имуществом. Со всех прилегающих дорог напирали новые колонны, подгоняемые страхом нападения немецких танков и авиации. Каждый пробивался к переправе и старался быстрее перебраться на другой берег. Кругом шум, крик, отборная ругань!

Комендант переправы, в расстегнутой шинели, с пистолетом в руке, охрипшим голосом кричал, еле сдерживая одних, угрожая другим и пропуская на переправу третьих. Слабые, старенькие катера таскали громадные паромы через разлившийся бурный Дунай.

Страх и незащищенность подгоняли людей. Каждый ловчил, обманывал, напирал, но комендант был неумолим. Ему каким-то чудом удалось вначале переправить раненых, и уже затем он начал переправу тылов. На очередной паром погрузились минометчики, потом дошла очередь и до наших батальонов. Саша ЧашеGOROV прорвался к коменданту и получил у него паром. Мы погрузились и только отвалили от берега, как увидели, как на противоположном берегу взлетел на воздух паром, подорвавшийся на плавучей мине. Жуткое зрелище потрясло всех. К счастью, паром со штабом и тылом батальона пересек Дунай и благополучно причалил. Бойцы быстро разгрузились, наблюдая страшную картину только что случившейся трагедии. В воде плыли трупы людей, лошадей; санитары вытаскивали их из воды. Раненым оказывали помощь, мертвых хоронили. Следом за тылами 2-го танкового батальона переправились тылы остальных батальонов и бригады. Затем одной колонной через Дунафальдвард они направились в район Элесаллаш.

На станцию Элесаллаш прибыл эшелон с 19 танками Т-34, которые комбриг все передал в 3-й танковый батальон. Капитан Отрощенко разгрузил танки и сосредоточил батальон в хуторе в 4 километрах восточнее Элесаллаша. Из прежнего офицерского состава в батальоне остался только Васадзе. Требовалось заново готовить и сколачивать батальон, но времени для этого не было. Штаб батальона быстро провел боевой расчет, дозаправили танки, загрузили боеприпасы, и в ночь на 23 января батальон выступил и занял оборону на рубеже «Северная окраина Фельше-Позменд – Кокошчи – Егерь». Сюда же вышел и штаб бригады.

Во второй половине дня в бригаду прибыло 15 новеньких самоходных установок СУ-76. Эту машину танкисты видели впервые и отнеслись к ней скептически. Слабая броневая защита и маломощная пушка не дали ей путевку в жизнь. Она внезапно появилась на фронте и так же внезапно сошла со сцены, успев получить прозвище «зажигалка». Но сейчас 2-й танковый батальон был преобразован в самоходно-артиллерийский. Появилась непривычная организационная структура батальона: три батареи по 5 самоходок. Сразу возникли сложности в обеспечении горючим, боеприпасами и запасными частями. Тем не менее к утру 24 января батальон занял оборону правее позиций 3-го танкового батальона. Буквально на следующий день в бригаду прибыл эшелон с танками Т-34. Наконец и наш батальон был полностью вооружен. Так за короткий срок бригада была укомплектована техникой и личным составом и вновь стала боеспособным соединением. 26 января наступательные возможности противника иссякли и создалась возможность окружения его прорвавшихся к Дунаю соединений. 170-я танковая бригада получила задачу наступать в направлении Херцегфальв.

Уяснив задачу, оценив обстановку и рассчитав время, Чунихин принял решение и объявил его офицерам штаба и командирам батальонов и отдельных рот. После этого он выехал на местность для работы с командирами подразделений. Пасмурным, неуютным январским днем с небольшой господствующей высотки, прикрываясь чахлой рощицей, штаб бригады приступил к организации наступления.

Начразведки Гусак доложил характер обороны противника, указал расположение опорных пунктов, огневых точек на переднем крае и в глубине и ближайших резервов. Затем комбриг уточнил задачи 1-го и 3-го батальонов и порядок использования самоходок – они побатарейно были приданы батальонам, а одна батарея была оставлена в резерве комбрига; ей были указаны рубежи развертывания для прикрытия флангов бригады. Было организовано и взаимодействие между батальонами и соседями. Особое внимание было уделено действиям 3-го танкового батальона по овладению Херцегфальвом, а затем развитию его успеха 1-м танковым батальоном в направлении Мелькут, Мейвельде, Н.Перката. В заключение совещания начштаба доложил порядок организации управления и связи.

Убедившись, что задачи поняты, комбриг предоставил возможность и время для работы на местности комбатам с комротами, а последним – с командирами взводов и танков. Для общего руководства он оставил с ними майора Новикова, большого эрудита, грамотного

и знающего офицера. Такая предметная, показательная работа была настоящей школой для молодых, безусых командиров батальонов и рот, помогая им вырабатывать твердые командирские навыки. Не всем в корпусе нравился стиль и метод руководства полковника Чунихина. Его за глаза часто называли «либералом» и «демократом». Больше ценился культ силы, грубого напора. Именно поэтому нашего комбрига обходили наградами и воинскими званиями. Но зато в самый опасный момент комкор всегда бросал на угрожаемое направление именно нашу бригаду, и комбриг всегда с честью выполнял поставленные задачи.

В нашем танковом батальоне роль комбата впервые исполнял капитан Клаустин. Комиссар Климов и я, как начальник штаба, старались ему помочь. Рана на моей ноге еще не зажила окончательно, и я ходил, опираясь на палку.

В ночь на 27 января бригада начала выдвижение и заняла исходные позиции для наступления. Сюда же прибыли 1114-й зенитно-артиллерийский полк и батарея самоходных установок 363-го тяжелого гаубичного артиллерийского полка.

По сигналу комкора бригада перешла в наступление в направлении Кокашд, Мелькут, Н.Перката. Все три бригады корпуса во взаимодействии с пехотой 133-го стрелкового корпуса успешно начали громить противника. Наш батальон пока двигался во втором эшелоне, а 3-й батальон ворвался на юго-восточную окраину Херцегфальва и во взаимодействии с другими бригадами корпуса овладел этим важным населенным пунктом. Именно в этот момент для развития успеха комбриг ввел в бой наш 1-й танковый батальон. К исходу дня мы вышли в район в 1 км восточнее Н.Перкаты и здесь встретили организованное сопротивление танков, артиллерии и пехоты противника. Кроме того, на минных полях подорвались четыре наших танка, однако быстро спустившаяся темнота скрыла их от огня противника и помогла нам вытянуть и восстановить танки.

С утра 28 января 1-й и 3-й танковые батальоны возобновили наступление. Встретив упорное сопротивление, наш батальон стал обходить Н.Перкату с севера. 3-й батальон с полком 68-й стрелковой дивизии подошел к юго-восточной окраине Н.Перкаты и неожиданно нарвался на сильный огонь танков. Батальоны откатились назад. Подъехал комбриг с опергруппой, уточнил на месте обстановку и организовал новую атаку. После ожесточенного боя часть села удалось захватить, но полностью выбить противника из Н.Перкаты не удалось.

29 января из Адони вышла колонна вражеских танков и БТР, и разведчики обнаружили ее только при подходе к Н.Перкате. Чунихину пришлось срочно перенацелить часть сил бригады для борьбы с этой колонной. В темноте развернулся ожесточенный бой. Воспользовавшись подкреплением, противник из западной части села атаковал потрепанные части 68-й стрелковой дивизии, смял их и вышел на дорогу, ведущую на Дунапентеле. Создалась угроза удара во фланг и тыл нашей бригады. Бой принял сложный и опасный характер. Наш танковый батальон частью сил отбивался от противника в Н.Перкате, а основными силами отражал атаку танков из Адони. 3-й танковый батальон продолжил бой в селе, а частью сил, резервом прикрывая фланг и тыл бригады, уничтожал противника, атакующего из Н.Перкаты на Дунапентеле.

Ожесточенный бой продолжался и ночью, в непогоду. Противник дрался отчаянно. Его танки с пехотой и БТР настойчиво атаковали позиции нашего батальона. Выкрашенные в белый цвет вражеские танки ночью сливались с местностью и упорно лезли вперед. На снегу застыли и горели уже 4 танка противника, но роты отбивались с трудом... Надо отдать должное немецким солдатам и офицерам, это были хорошие воины и в единоборстве всегда доставляли нам много неприятностей и потерь.

Комбриг с опергруппой выдвинулся к 3-му танковому батальону. По пути он наскочил на немецкую колонну из 5 танков и 4 БТР. Отвернув в сторону, под покровом темноты он пропустил колонну, а прибыв к Отрощенкову, приказал немедленно послать вдогонку роту и уничтожить противника. Старший лейтенант Васадзе быстро догнал вражескую колонну,

пристроился к ней в хвост и открыл огонь с близкого расстояния. Началось замешательство, паника. Оказать сопротивление противник не смог. Он потерял 3 танка и 2 БТР, но остальные сумели улизнуть в Дунапентеле. Рота Васадзе без потерь вернулась обратно, что очень повысило всем настроение. Угроза удара в тыл бригады была ликвидирована.

Бой продолжался всю ночь. Почерневшие от копоти и усталости, танкисты не заметили, как ночь перешла в день. Обе стороны дрались неистово, неся большие потери. В Н.Перкате и вокруг нее образовалось настоящее кладбище погибших солдат и офицеров, подбитых и сгоревших боевых машин. На участке обороны бригады, перед северной и восточной окраинами, догорали 13 танков, 11 БТР и 26 автомашин противника; 9 танков и 6 самоходок потеряли и мы...

Сдав свои позиции 86-й стрелковой дивизии, 170-я танковая бригада вышла в район Рожа-Кишгалом. Наш батальон с батареей СУ-76 получил задачу перерезать и оседлать шоссе Дунапентеле – Адонь, но, подойдя к шоссе, наткнулся на организованное сопротивление противника. Завязался бой. После стремительной атаки батальон уничтожил противника, захватил участок дороги южнее Талиан и Радыга и занял оборону. В этом бою мы потеряли два танка.

Противник стремился не допустить окружения вышедшей к Дунаю группировки своих войск. Он вел активные, маневренные бои, удерживая и улучшая занимаемые позиции. 1-й танковый батальон нашей бригады, оседлав дорогу, с трудом сдерживал вражеские атаки из Дунапентеле на Адонь. На помощь нам майор Новиков привел танковый батальон 181-й бригады и организовал круговую оборону. В эти напряженные дни в районе боевых действий все смешалось – день, ночь, наступление, оборона. Трудно было разобраться, где свои войска, а где чужие. Разведчики сбились с ног, уточняя обстановку. Приказы и боевые распоряжения командиров корпуса и бригады не всегда поспевали за развитием событий, и батальоны часто действовали по своему усмотрению. Обе стороны дрались ожесточенно, продолжая нести большие потери.

В ночь на 30 января полковник Чунихин снял батальоны и повел их на Мелькут. Мы с ходу атаковали и овладели Кени Веним, не останавливаясь, выбили противника из Мелькута и подошли к Киш Веним, где оборонялась пехотная рота, усиленная двумя танками и шестью БРТ. Наш батальон развернулся и атаковал, и вскоре танки ворвались на окраину деревушки. Противник не выдержал и отступил. Батальон с ротой автоматчиков и батареей СУ-76 занял оборону в Крешка, перерезав дорогу Адонь – Н.Перката, а 3-й батальон с танкодесантной ротой и батареей СУ-76 занял оборону в километре юго-западнее высоты 188, перерезав дорогу Дунапентеле – Н.Перката. Оборону строили методом опорных пунктов и засад. Возглавлял ее майор Новиков. Капитан Отрощенко основные силы сосредоточил в стороне от дороги, а у хутора выставил засаду в составе взвода САУ, одного танка и взвода автоматчиков.

Стояла тихая, зимняя, безоблачная ночь. В бледных лучах луны искрился снег. Изнывая от усталости и неудобства, дремали в машинах танкисты и самоходчики. Страдали от холода автоматчики. Вдали слышались шум моторов и лязг гусениц. Прислушавшись, мы подготовились к бою. Вскоре, как призраки, на шоссе появились танки и БТР с пехотой и артиллерией. Они осторожно шли из Дунапентеле на Н.Перкату. Первым открыл огонь танк младшего лейтенанта Круглова, затем слышались более глухие и слабые выстрелы самоходок Худякова и Черногого. Сразу вспыхнули два танка и БТР противника. От неожиданности вражеская колонна расстроилась, но, сообразив, что перед ними небольшие силы, немцы быстро оправились, развернулись и атаковали засаду. В неравном бою были подбиты танк Круглова и обе СУ-76, засада перестала существовать... Капитан Отрощенко, получив доклад от засады, привел батальон в боевую готовность и достойно встретил потрепанную колонну противника. Потеряв еще 5 танков и 20 автомашин, враг отошел, остатки его сил

отступали по полевым дорогам. После этого боя комбриг получил задачу овладеть городом Адонь, и утром 31 января бригада перешла в наступление. Во второй половине дня в 5 км южнее Адони мы встретили упорное сопротивление, и батальоны закрепились на достигнутом рубеже. Подошли машины с боеприпасами и горючим. В расположениях батальонов курились кухни. Люди иззябли и были рады горячей пище.

Штаб бригады остановился в хуторе. Комбриг принял решение: «Используя разрывы в обороне противника, под покровом темноты выйти к Адони. 3-му танковому батальону наступать вдоль дороги Дунапентеле – Адонь и атаковать город с юга. 1-му батальону обойти Адонь и атаковать с северо-запада. Разгромить гарнизон в городе и занять круговую оборону. Атака в 05.00». Майор Дроздов и капитан Кочелапов быстро оформили решение и с офицерами связи отправили его в батальоны.

Началась подготовка к наступлению. Наш батальон расположился в чахлай рощице, и Леша Рыбаков отыскал неказистый одинокий домик. Здесь жила семья бедного батрака, где в одной комнате размещались горница, хлев, кухня и спальня за занавеской, куда забились насмерть перепуганная, немолодая, очень полная хозяйка. Ее почему-то сразу окрестили «тетя Еля». Мы предлагали ей поесть, но она отказалась от ужина, продолжая сидеть в своем убежище. После морозного дня, усталости и хорошего ужина нас разморило в тепле. Глаза слипались, клонило ко сну. Леша Рыбаков заснул мгновенно: он поразительно хорошо умел отключаться и так же быстро включаться. Задремали и мы с Клаустиным, а вот капитан Климов, закончив писать политдонесение, встал, оделся и на ходу бросил: «Пойду посмотрю, как устроились люди, проверю охрану и отдых солдат. А вы поспите, с утра предстоит трудный бой». В этом был весь Климов – это действительно был заботливый, душевный человек, живший для людей и ради людей и не заботившийся о себе.

Передышка оказалась короткой. Под окном затарахтел мотоцикл, и в избу с шумом и морозом ввалился офицер связи бригады Сережа Салтыков. С размаху он бросил на стол пакет: «Получай приказ, комбат, и пошевеливайся!» Рыбаков смахнул со стола остатки снеди и разложил карту, комбат вскрыл пакеты и вслух прочитал приказ. «Что есть для комбрига?» – заспешил Салтыков. «Ничего. Задача ясна, – ответил Клаустин. – Адью!» Салтыков исчез так же шумно, как и появился.

Уяснив задачу, комбат определил, что самое сложное в ней – ночью, по бездорожью, вовремя выйти на северо-западную окраину Адони. Важно не блудануть, значит, нужен хороший проводник. Выбор пал на Рыбакова, но он неожиданно заупрямился: «Почему опять я? Разве ротный сам не сможет вывести свои танки?» – «Может, Леша, но мы сейчас не можем, просто не имеем права рисковать. Смоляков толковый офицер, однако мы мало его знаем, а ты прошел по дорогам войны днем и ночью от самого Сталинграда, хорошо ориентируешься по карте и на местности, вот и помоги ему», – убеждал Клаустин продолжавшего протестовать Рыбакова.

Размолвку просто и буднично разрешил комиссар Климов: «Леша, успокойся, я пойду с тобой...» Вот удивительная была способность у человека, – одним словом, одной фразой разрешить проблему, разрядить напряженную обстановку, сомнение, обиду, вселить уверенность!

Усиленная рота Смолякова с Климовым и Рыбаковым скрылась в ночной мгле, уходя в трудный путь. Резкий, холодный ветер гнал поземку, луна скрылась, низко опустились облака. Танки двигались по бездорожью, на ощупь, медленно, стараясь выдержать направление движения. Комбат со штабом и резервом шел следом, сверяя и контролируя движение по карте.

Проснувшись под утро, я услышал за занавеской, где все время сидела тетя Еля, какую-то возню и ее стоны. Одним из командиров танков у нас был Алексашин, крепыш неболь-

шого роста. Позже, когда взяли Адонь, мы спрашивали его: «Что же ты там с ней делал? Она же такая страшная!» Но он говорил: «Нет, она ночью красивая!» Хохотали мы от души.

Фашисты считали, что в такую погоду мы вряд ли будем наступать ночью, и просчитались. К 5 часам утра 1 февраля батальоны бригады подошли к Адони и подготовились к атаке. В городе было тихо, только горланили петухи и лаяли собаки. В воздухе периодически зависали осветительные ракеты. Командир и штаб бригады следовали по дороге Дунапентеле – Адонь за 3-м батальоном и при подходе к Адони получили донесение: «Батальоны вышли на указанные позиции и готовы к атаке». Это обрадовало комбрига. Появились и разведчики, и капитан Гусак сообщил: «Гарнизон небольшой, танков немного, и, похоже, фрицы нас не ожидают».

В 05.00 приданный бригаде зенитный полк открыл огонь по наземным целям, и бригада перешла в атаку. Немцы всполошились, в воздух полетели сотни осветительных ракет. Начался жаркий бой на улицах. Сложно и тяжело вести бой ночью, особенно в городе. Основные силы противник сосредоточил на южной окраине города. 3-й танковый батальон с автоматчиками сразу наскочил на подготовленную оборону и хорошо организованную систему огня, и темп его атаки упал. Наступая вдоль дороги, рота Васадзе попала под губительный перекрестный огонь. Один за другим были подбиты два танка, теперь их в роте осталось только пять. Но левее атаковала рота старшего лейтенанта Мохова: здесь оборона была слабее, и рота успешно продвигалась вперед, ворвалась в город и завязала уличные бои. Продвигаясь с боем по узким улочкам, танкисты выходили на юго-западную окраину Адони.

Еще более успешно наступал наш батальон. Выход на северо-западную окраину оказался неожиданным для противника. Батальон развернулся, стремительно атаковал и с рассветом вышел к центру города. Это решило успех всего боя: противник дрогнул и отошел по дороге на северо-запад, нам не удалось закрыть ему путь отступления. Адонь был взят, и комбриг получил приказ занять оборону. Расставили танки, самоходки, определили позиции автоматчикам. В городе было тихо, пустынно, – жители попрятались в домах и не выходили. Командование бригады и батальонов, проверив боевые порядки, разрешило экипажам и автоматчикам передохнуть, выставив охранение.

В дом, где расположился наш штаб, во второй половине дня прибежали два подростка – дети хозяина дома. Они рассказали, что видели, как из леса северо-восточнее Адони выдвигается большая колонна танков с пехотой. Клаустин не сразу поверил мальчуганам. Но неожиданно начавшаяся мощная стрельба подтвердила их слова. Разведчики бригады и батальона просмотрели сосредоточение и выдвижение танков, и контратака немцев застала батальон врасплох. Танкисты под огнем занимали места в танках и сразу вступали в бой. Отбивались, кто как мог. Город ожил. Стрельба шла отовсюду. Попрятавшиеся фашисты и мадьяры из домов и с чердаков оказывали помощь своим контратакующим танкам.

На ходу одеваясь, мы выскочили из дома и перебежками, падая и поднимаясь, с трудом добрались до танка комбата. Клаустин и Рыбаков заскочили в танк. Я, Климов и парторг Сидолако стояли рядом у сарайчика, стараясь разобраться, откуда ведет огонь противник. Я был одет в английскую шинель без погон, а замполит, старый танкист, всегда носил кожаную куртку и танкошлем. Видимо, поэтому снайпер выбрал его... Я увидел след трассера выпущенной пули, а в следующее мгновение она попала в живот комиссара, разорвав на вылете его бок. Климов охнул и осел. Я и Сидолако подхватили его под руки и с трудом уложили на трансмиссию танка. Раненый был в сознании и сквозь зубы с трудом процедил: «Тяжело... внутри все горит... больно...» Потом он сказал: «Наверное, это все. Я только вас прошу, у меня двое сыновей, найдите и помогите им». Надо сказать, что его адреса у нас не было, и после войны мы, сукины сыны, не удосужились порыться в архиве бригады, найти его адрес и хотя бы написать им... Это не делает нам чести.

Затем комиссар впал в забытие. Колесниченко наложил ему тугую повязку, которая сразу пропиталась кровью. Я стоял над телом комиссара на трансмиссии и не заметил, как наводчик стал разворачивать орудие назад, чтобы отстреливаться отступая. Чтобы избежать удара, в последний момент я схватился за ствол танковой пушки и повис на нем над землей. Помню, что очень испугался, что сейчас упаду и попаду под танк, который меня раздавит. Ребята начали колотить по башне, танк остановился, там разобрались, в чем дело, повернули пушку, и я опять оказался на трансмиссии.

Положение батальона было критическим: противник разорвал боевой порядок батальона и продвигался к центру города. Отстреливаясь, мы отходили к центру города. Прикрывая наше отступление, в бой вступил батальон Отрощенко, но и он не смог остановить наступление врага. К вечеру бригада оставила Адонь и сосредоточилась в лесу южнее города. Мы подсчитали потери, они были большие – 2 танка, 3 самоходных орудия. Похоронили убитых, отправили в тыл раненых.

С подходом 110-й танковой бригады мы вновь выбили немцев из города и по приказу комкора бригады заняли в нем круговую оборону. Остатки противника поспешно отходили в северо-западном направлении, на Бешню.

Всего в боях за Адонь бригада потеряла 8 танков и 4 самоходных артиллерийских установки СУ-76. Наученный горьким опытом, штаб бригады организовал активную разведку в северном и северо-западном направлениях, а комбриг приказал комбату автоматчиков капитану Яковлеву прочесать район обороны бригады. Выполняя приказ, автоматчики на северо-западной окраине Адони наткнулись на ужасную картину. В переулке стоял изрешеченный пробоинами и сгоревший танк лейтенанта Писарева. Недалеко от него стоял подбитый и обгоревший «Тигр», чуть дальше – разбитое противотанковое орудие. Рядом, в сарае, обнаружили труп зверски замученного Писарева...

2 февраля бригада совершенствовала оборонительные позиции в городе, восстанавливала подбитые и неисправные танки. Кроме того, мы продолжали хоронить убитых... 3-й танковый батальон передал оставшиеся танки в наш батальон и вышел в резерв. На должность замполита прибыл старший лейтенант Дмитрий Денисович Юров – бывший парторг батальона обслуживания Академии бронетанковых и механизированных войск¹⁸.

В конце дня бригада получила задачу – наступать за 110-й танковой бригадой. Выступили мы ночью и к утру вышли в район перекрестка дорог в 1,5 км севернее Сольгаэтохаза, где заняли оборону. Около двух суток бригада стояла на месте, уничтожая мелкие отходящие и блуждающие группы противника. Затем мы снялись с занимаемых позиций и 4 февраля сосредоточились на западной окраине Шарошда. Здесь комбриг получил задачу наступать в направлении Детрица и ударом с северо-востока овладеть городом Аба. Увязав взаимодействие с пехотой и артиллерией, 5 февраля бригада перешла в наступление. Противник на отдельных рубежах оказывал сопротивление, а при нашем подходе к Детрицу немцы открыли сильный огонь из танков и орудий. Пехота залегла, но Калустин развернул батальон и повел его в атаку, и тогда пехота поднялась. Мы с ходу овладели Детрицом: противник, потеряв один танк, два орудия и несколько десятков пехотинцев, откатился на Аба. Преследуя отходящего противника, наш батальон подошел к городу и к исходу дня захватил его.

Сил у пехоты и нашей бригады было мало. В стрелковых полках осталось менее сотни активных штыков, в бригаде – совсем мало танков. Тем не менее с утра 6 февраля бригада во взаимодействии с ослабленными подразделениями 200-го стрелкового полка 68-й стрелковой дивизии перешла в наступление в направлении «господский двор Февань». Упорнейший

¹⁸ Полное название – Военная ордена Ленина академия бронетанковых и механизированных войск Красной Армии имени И.В.Сталина (до 1943 г. – Военная академия механизации и моторизации РККА; с 1961 г. – Военная ордена Ленина академия бронетанковых войск). (Прим. ред.)

бой развернулся у Фельшесентыхвана. Наши неоднократные атаки на этот опорный пункт успеха не имели. Пехота, неся большие потери, залегла. Остановились танки, сгорела одна СУ-76. От наступления в этом направлении пришлось отказаться.

Комбриг приказал командиру 2-го танкового батальона передать оставшиеся 4 СУ-76 в 1-й батальон и вывел его в резерв. После этого в нашем батальоне стало 6 танков и 4 САУ СУ-76, а ночью из ремонта подошли еще 3 танка. Заболел капитан Клаустин, тогда комбриг приказал мне с танками и самоходками поступить в распоряжение командира 200-го стрелкового полка и во взаимодействии с полком утром 7 февраля наступать в направлении Фельше – станция Бодагайтор. С выходом к Фельше мы наткнулись на хорошо подготовленную оборону и организованный огонь танков, артиллерии и пехоты. Пехота залегла и стала окапываться, а танки встали в укрытия.

Комполка – молодой, высокий и стройный майор – приказал перейти к обороне и выслал вперед разведчиков. Вскоре они доложили, что на рубеже станция Бодагайтор – роща в 0,5 км юго-западнее Фельшесентыхвана обороняется до пехотного полка противника, усиленного 15 танками. На огневых позициях врага стоят шесть артбатарей, в его обороне хорошо развита система инженерных сооружений. Стало ясно, что прорвать оборону имеющимися силами невозможно. Немного подумав, комполка сказал, словно отрубил: «Все! Наступление окончено. Всем окопаться, закрепиться и быть готовыми к отражению возможных контратак». Штаб и комполка разместились в станционном здании, меня майор пригласил к себе. Ординарец быстро накрыл стол, и майор предложил подкрепиться «чем бог послал». Мы выпили по чарке водки, закусили холодным салом. Начштаба полка разложил карту на столе и нанес обстановку. Комполка прилег на топчане, поторапливая связистов. Вскоре навели связь, и майор доложил обстановку комдиву, сделав вывод, что имеющимися силами наступать невозможно. В ответ послышалась ругань вперемешку с матом. Комполка отвел трубку в сторону, предоставив возможность всем послушать сочную речь генерала. Закончив брань, комдив приказал: «Немедля атаковать, уничтожить противника и продолжать наступление. Об исполнении доложить».

– Есть! – глухо и зло ответил майор. В раздумье он постоял, махнул рукой и вновь завалился на топчан, приходя в себя и успокаиваясь.

– Какие будут указания? – спросил начштаба полка.

– Никаких! Сиди и рисуй, – сердито пробурчал майор.

Я сидел и недоумевал: командир получил приказ наступать, а сам лежит и никаких распоряжений не отдает. Не выдержав, я подошел к комполка и спросил:

– Товарищ майор, разрешите готовить танки к атаке?

– И тебе захотелось сгореть, – с сарказмом сказал майор. – Я же поставил тебе задачу, вот и выполняй! – После короткой паузы он продолжил: – Слушай, капитан, сколько у тебя танков? С самоходками десять, а у противника пятнадцать, и каких? «Тигры», «Пантеры» плюс до 30 орудий и пехотный полк в обороне, а у меня всего 86 активных штыков и две 45-мм пушки. Вот и наступай! – с горечью закончил майор. Помолчав, он примирительно продолжил: – Ничего, капитан, как-нибудь выкрутимся. Бог не выдаст – свинья не съест.

Через час зазвонил телефон. Комполка взял трубку:

– Слушаю... Так точно. Пехота подготовилась к бою, танки заняли исходные позиции, через несколько минут атакую. Хорошо, буду докладывать.

Присутствующие с тревогой смотрели на него, понимая, что он играет с огнем, а майор вновь завалился на диван. Минут через 20 он вызвал комдива и доложил:

– Товарищ генерал! Пехота при поддержке танков пошла в атаку. Противник оказывает упорное сопротивление, ведет сильный огонь из рощи в 0,5 км юго-западнее станции Фельшесентыхван.

– Вот и хорошо, действуй активнее, смелее наращивай усилия. Докладывай!

– Будет выполнено!

Через час майор вновь докладывал:

– Товарищ генерал! Полк вышел на рубеж юго-восточнее станции Бодакатор, роща юго-западнее. Встретил упорное сопротивление. Пехота залегла. Ведет огневой бой.

Генерал, недовольный таким поворотом событий, приказал:

– Держись, майор! Проведи перегруппировку и продолжай наступление. Я подъеду к тебе.

– Что вы, товарищ генерал! Противник ведет ужасный обстрел. Все дороги и местность к нам хорошо просматриваются и простреливаются.

– Ладно, действуй решительнее!

– Есть! – облегченно вздохнул комполка.

Минут через 40 он вновь докладывал:

– Товарищ генерал! Противник силой до полка пехоты при поддержке 15 танков контратаковал. Полк с боями отошел на исходный рубеж, с трудом отбиваемся.

Тут генерал дал волю своим чувствам и в конце прокричал:

– Негодяи! Я выезжаю и на месте разберусь!

Майор был явно расстроен и тут же приказал готовить пехоту и танки к атаке. Вскоре на «Виллисе» подкатил генерал, в распахнутой шинели и папахе набекрень. Не выслушав доклада, командир полка ехидно спросил:

– Где твои воронки и бешеный обстрел?

– Кругом вас, – повел рукой майор, показал на окрестности. И, как по заказу, противник произвел огневой налет. Мощные взрывы потрясли землю, загнав генерала в окоп.

– Хватит дурить и втирать мне очки! Поднимай полк, и вперед! – приказал комдив.

– Есть! – глухо ответил комполка и подал сигнал к атаке. Пехота поднялась. Жиденькая цепь во главе с командирами батарей, рот и взводов с негромким криком «Ура!» пошла в атаку. Танки, на ходу обогнав пехоту, устремились к роще. Подпустив атакующих на дальность прямого выстрела, артиллерия, танки и пехота противника открыли ураганный огонь. Вот тогда грозный генерал почувствовал силу огня противника. Забившись в траншею, оставленную пехотой, он изредка высовывал голову и наблюдал, как идет атака. Не дойдя до обороны противника, понесся большие потери, пехота залегла. Остановились танки и самоходные установки. Загорелся впереди идущий танк, весь его экипаж погиб... Вспыхнули две самоходки... Атака захлебнулась в самом начале. Под огнем врага автоматчики отходили, вынося на плащ-палатках тяжело раненных. Большие потери понес стрелковый полк. Молодой майор стоял в оцепенении, мертвенно бледный, наблюдая, как по дурости комдива гибнут остатки дорогого ему полка. Я понимал, что он рисковал жизнью, обманывая генерала, ради сохранения жизни своих людей, заранее зная исход боя.

Лишь счастливая случайность спасла остатки полка и танкового батальона от полного истребления. Перейдя противник в контратаку, несдобровать бы и ретивому комдиву. Но враг был уже не тот: он тоже вымотался и избегал активных боевых действий. Не дожидаясь отхода полка, генерал вылез из траншеи, сел в подскочивший «Виллис» и умчался, даже не попрощавшись с комполка.

– Вот так, капитан, – проводив комдива взглядом, горько промолвил майор. – Я хотел спасти людей. Не получилось.

Темнота покрыла весь ужас и позор бесславной атаки по прихоти самодура. Ночью подсчитали потери, вынесли и похоронили убитых, отправили в тыл раненых. Комполка приказал подать ужин. На стол легла нехитрая еда. Мы подняли солдатские кружки с водкой, и майор глухо, с болью в сердце, произнес: «За невинно и бесславно погибших. И пусть они кровавой памятью будут на совести того, кто не внял голосу разума, посылая их на верную и бессмысленную смерть!» Все молча выпили.

Утром 9 февраля бригада получила приказ сдать участок обороны 68-й стрелковой дивизии и сосредоточиться в районе Чонград. В течение двух суток бригада находилась в занимаемом районе. Личный состав приводил технику и себя в порядок; из ремонта подошли 5 танков. Комбриг на собрании офицеров штаба, комбатов и их замов подвел итог боевых действий, особо остановившись на потерях. Они были большими: 27 танков и 10 самоходно-артиллерийских установок было сожжено или подбито. Противнику мы нанесли примерно такой же урон.

Снова в бой

12 февраля 170-я танковая бригада была выведена в резерв корпуса и сосредоточилась в районе Шарсентмиклоша. Четверо суток бригада находилась в резерве. Обстановка была спокойная. Мы приводили в порядок технику, ремонтировали и подтягивали подбитые и неисправные танки, изучали направления вероятных действий. 17 февраля по приказу комкора бригада выступила на Фельшесольгатьхаза, и 18 февраля сосредоточились: штаб и приданные полки в Сольгатьхаза, 1-й танковый батальон и батальон автоматчиков в Фельшесольгатьхаза, а 2-й и 3-й батальоны без танков остались в Адони. Утром в бригаду прибыл генерал-майор Говоруненко¹⁹ с генерал-лейтенантом Ремизовым, командующим БТиМВ фронта и опергруппой.

Начальник штаба бригады полковник Белозеров проводил рекогносцировку района, а потом заслушивал решения комбатов и начальников штабов батальона на наступление. Собрались на высоте. Доходит очередь до начальника штаба мотострелкового батальона, молодой женщины лет двадцати девяти по фамилии Дремлюга. Комбриг ее спрашивает:

– А что вы, мадам, какое ваше решение?

– Товарищ полковник, я решила...

Тут он не выдерживает и, передразнивая ее тоненький голосок, спрашивает:

– Что же ты, миленькая, решила?

Все закатываются от хохота. В это время со стороны Шерегейщ из-за поворота прямо на нас выскакивает немецкий мотоциклист. Он остановился и замер, и мы замерли. Он очутился быстрее нас – на одном колесе развернулся и рванул обратно! Мы за пистолеты схватились, но куда там! Он уже скрылся. Конечно, сразу выставили охрану. И вот как раз в это время подъехали комкор Говоруненко с начальником БТиМВ фронта генерал-лейтенантом Ремизовым. Это была моя вторая встреча с комкором, первая произошла после Яско-Кишиневской операции. Тогда он ехал в штаб бригады и наскочил на расположение роты. Меня подозвали, я отрапортовал: «Командир роты старший лейтенант Брюхов». Он на меня долго смотрел, смотрел, потом спросил: «Где штаб бригады?» И я ему показал на карте. Потом мне ребята рассказывали, что он пришел к комбригу и спрашивает: «Что у тебя там за детский сад командует?!» Тот ответил: «Товарищ генерал, он скоро будет батальоном командовать. Парень такой боевой, воюет с Прохоровки».

Генералы были после завтрака уже хорошенько выпивши, веселые. Мы рассказали комкору про только что произошедший эпизод, и он отругал Белозерова: «Как вы могли не выставить охрану? Вы что?! Находитесь на бульваре в своем захолустном городке?!» Любил он хлестко сказать...

Белозеров прекратил занятия.

– Товарищ генерал, мы закончили. Решение приняли. Может, вы побеседуете с командирами? Не часто генералы приезжают.

Командующий БТиМВ говорит:

– Ну, давай, давай. Посмотрим, какие у них знания. Вот вы, – показывает на командира мотострелкового батальона, красивого парня капитана Московиченко, который недавно пришел с короткого курса академии, – расскажите мне организацию мотоциклетного батальона.

Тот молчит. Конечно, он не знает организацию! Мне бы задал такой вопрос, я бы тоже молчал.

– Не знаешь?

¹⁹ Звание генерал-лейтенанта было присвоено П.Д.Говоруненко 19 апреля 1945 г. (Прим. ред.)

Тот краснеет, бледнеет, не может ничего ответить: стушевался перед двумя генералами. Тогда Ремизов обращается к Говоруненко:

– Слушай, Говоруненко, вот возьмут его в плен и спросят про организацию мотоциклетного батальона, будут пытать, а он ничего не говорит. Будут жечь его железом и под ногти иглы забивать, а он все равно молчит, ничего не скажет. Мычать будет от боли, но чего скажет? Он же ничего не знает! Потом его поведут, расстреляют, и немцы скажут: «Вот какой стойкий коммунист был. Пытки выдержал, расстрела не побоялся». А на самом деле он ничего не знает!

Надо сказать, что никто не смеялся, поскольку понимали, что и сами были бы в таком же положении.

– Ну, ладно, учитесь лучше...

Потом Говоруненко говорит:

– Ну, вот что, ребята, вы все молодые люди, давайте, занимайтесь, Устав учите. А если нужно, обращайтесь ко мне через штаб бригады. Я вас в любой момент приму с удовольствием, помогу вам, разъясню все положения, которые вам будут неясны. Можете обращаться ко мне с любыми вопросами, я отвечу, ну разве что по астрономии вам не смогу помочь, а на все остальные вопросы отвечу.

Я стоял и думал: «Вот какой командир корпуса! Все знает!» Правда, после войны я увидел его совсем другим, но об этом впереди.

По замыслу командующего 3-м Украинским фронтом²⁰, войска активной обороной должны были измотать, обескровить противника, создать условия для перехода в наступление, а затем перейти в решительное наступление на Вену. Сроком готовности обороны было определено 3 марта. Началась кропотливая напряженная работа. Круглые сутки личный состав работал в поле: бойцы отрывали траншеи, капониры для танков, броневики и автомашин, ходы сообщения, огневые позиции для артиллерии.

Рано утром 6 марта поступило распоряжение: к 8.00 привести войска в полную боевую готовность и быть готовыми к отражению наступления противника. В 10.00 утреннюю тишину разорвали артиллерийские раскаты, и вслед за ними по всему фронту в воздух поднялись густые клубы темно-серого цвета. Вражеские мины и снаряды рвали согретую весенним солнцем венгерскую землю. Вслед за этим появились вражеские самолеты: они наращивали мощь огня, бомбили первую и вторую полосы обороны. Наступления немцев мы ожидали, готовились к нему, и вот оно, началось. Но как-то сложится очередная битва? Этот вопрос беспокоил и настораживал многих, но хорошо подготовленная и глубоко эшелонированная оборона вселяла надежду и уверенность.

Главный удар противник наносил западнее Шерегейеша, на Сексард, – по дивизиям первого эшелона 26-й армии. К концу второго дня наступления противнику удалось вклиниться в оборону на 4 км, и наши войска побежали... Комбриг получил приказ создать заградотряд, останавливать и брать в свое подчинение все отходящие подразделения и части. Полковник Чунихин прибыл к нам на наблюдательный пункт и поставил эту задачу капитану Клаустину. Комбат приказал мне создать заградгруппу из резервных экипажей, автоматчиков и радистов-пулеметчиков. Старшим группы назначили Рыбакова. Он заупряился: «Почему опять я! Что я, в каждой бочке затычка?! Эту задачу поручить лучше одному из ваших замов: им сподручнее задерживать и останавливать отступающих, где будут и офицеры. Я-то старшина». Логика в его словах была, но Клаустин хорошо знал Рыбакова. Он подходил для этой роли лучше других – волевой, злой, решительный. Поэтому комбат твердо и решительно сказал: «Надо, Леша! И хватит рассуждать. Выполняй приказ!»

²⁰ Маршал Советского Союза Ф.И.Толбухин. (Прим. ред.)

Собрали всех, кто остался без танков. С ними Рыбаков выдвинулся впереди батальона. Весна в 1945 году началась необычно рано: стояли погожие, удивительно теплые дни, в небе ни облачка. На исходе дня перед участком обороны бригады показалась первая отходящая группа – штаб минометного полка во главе с комполка в звании майора. За ними отходили минометчики. Вдруг, как из-под земли, появился здоровый и злой Леша Рыбаков в кожаной куртке, перетянутый офицерским ремнем, в танковом шлеме. За ним с автоматами наперевес стоял десяток дюжих молодцов в танковых комбинезонах и шлемах.

– Стой! Ложись, мать вашу так! – рявкнул Рыбаков. Видя столь разъяренного, волевого человека с пистолетом в руках, майор растерялся, сник, робко и неуверенно пытался доложить: «Товарищ подполковник!...», полагая, что его может остановить только офицер рангом выше.

– Пол-ков-ник! – тихо и зло оборвал Рыбаков.

– Товарищ полковник...

– Генерал! – единым духом и сквозь зубы выдавил Рыбаков.

– Товарищ генерал, разрешите доложить, – начал майор, но Рыбаков оборвал его на полуслове и рявкнул: «Ложись!» Майор и офицеры штаба беспрекословно выполнили приказ. Это отрезвило Рыбакова, жалкий вид отступающих охладил его. Он поднял их и приказал занять огневые позиции, указав их на местности.

– Ясно? – спросил старшина.

– Так точно, товарищ генерал.

– Выполняйте!

– Есть! – повеселев и немного оправившись от испуга и позора, козырнул майор и помчался выполнять приказ, в душе радуясь, что легко отделался.

Всю ночь старшина Рыбаков с заградгруппой останавливали одиночек, группы и целые подразделения пехоты стрелковых частей и укрепрайона. Старшина ставил им задачу и заготавливал их в траншеи, ранее подготовленные бригадой. Плотность войск на позициях бригады значительно возросла. И отступающим было невдомек, что останавливал и распоряжался их судьбой простой старшина – адъютант штаба батальона. Наутро разошлась молва о «генерале Рыбакове». Командир минометного полка, когда узнал, что его остановил старшина, прятался при каждом его появлении. А полковник Чунихин каждый раз, встречая Рыбакова, вспоминал эти события и, смеясь, говорил: «Ну, Леша, ну, молодец! Здорово ты расправился с «полководцами»!» Рыбаков же злился и был совершенно не рад такой похвале.

Утром 8 марта было тихо. Обе стороны затаились в ожидании. Каждый надеялся оттянуть время предстоящего кошмара, поэтому стон реактивных минометов неприятеля больно полоснул по сердцу. За Шерегейешем поднялись огромные клубы дыма, следом послышалась душераздирающая канонада. Убийственный огневой налет около 15 минут терзал район обороны бригады. Затем появилась вражеская авиация. Под ее прикрытием вылезли и пошли в атаку танки и пехота. Мне показалось, что шли они как бы нехотя, не так уверенно, как прежде. Батальоны бригады приготовились к бою.

За время довольно длительных боев в Венгрии мы изучили тактику противника. После короткой и мощной авиационной и артиллерийской подготовки, при сопровождении артиллерии и авиации, мелкими группами выдвигались танки типа «Тигр». За ними на удалении 500–600 м шли штурмовые орудия, подавляя наши противотанковые средства. Фланги обеспечивались отдельными подразделениями более легких танков с небольшим количеством пехоты на БТР. Тяжелые танки избегали атаки в лоб, они усиленно искали стыки, фланги и старались обходить ротные опорные пункты и батальонные узлы сопротивления наших войск. Для борьбы с ними немцы оставляли артиллерию с пехотой и наводили на них авиацию. «Тигры» и «Пантеры» не закреплялись на достигнутых рубежах, а старались как можно дальше проникнуть в глубь нашей обороны, нанести удар по тылам и захватить наиболее

важные рубежи в глубине нашей обороны. Этого правила немцы придерживались и сейчас, атакуя позиции бригады. Мы эту тактику знали и полагали, что в сложившейся обстановке она не особенно эффективна.

Командир дивизиона СУ-100, присланного на усиление бригады за день до этого, назойливо просил у комбрига разрешения на открытие огня, аргументируя это большой дальностью прямого выстрела его 100-мм пушек. Чунихин, затаив дыхание, наблюдал за движением противника и спокойно отвечал: «Подожди!» Молчали и танки нашего батальона. Только подпустив немцев на 500 метров, комбат дал сигнал на открытие огня. Наша оборона ожила. Открыли огонь все танки, самоходные установки и противотанковые пушки. Усилили огонь минометчики. В небе появилась наша авиация. Начался жестокий, смертельный бой. Немецкие танки, верные своей тактике, используя складки местности, искали в нашей обороне стыки и фланги, елозили на поле боя, медленно сближаясь с нами. К полудню первая атака противника была отбита. Потеряв 2 танка и 3 БТР, противник отошел и продолжал бой из укрытий. Во второй половине дня противник из Шерегейеша атаковал пехотным батальоном при поддержке 8 танков, но и эта атака была отбита. Обе первые атаки бригада отбила с небольшими для себя потерями, что придавало уверенности в своих силах. Ночью подвезли боеприпасы, подошли кухни, люди немного передохнули. Разведчики бригады изменений в группировке противника не обнаружили.

9 марта противник произвел небольшую перегруппировку и с утра силами двух пехотных батальонов при поддержке танков атаковал в направлении Корчмы и высоты 126. Упорный бой длился непрерывно около трех часов. Потеряв танк и два БТР, противник отошел на исходные позиции. Враг был явно обескуражен и усиленно искал способ прорыва обороны бригады. Он быстро перегруппировал свои силы и без передышки атаковал высоту 128. Мы отбили атаку с фронта, но противник по ложине обошел высоту и атаковал нас с запада. Рота 1-го укрепрайона не выдержала, отошла, и противник овладел высотой. Противник подтягивал резервы и сосредоточивал их в районе Сорочень – Шаришад. Подтянули резервы и мы: 2-й танковый батальон получил 10 танков и 9 февраля занял оборону левее нашего батальона на рубеже высота 126 – Шендорф.

С утра 10 марта на участке обороны бригады гитлеровцы после получасовой артподготовки перешли в атаку из района «высота 128.0 – Сорочень» в направлении высоты 126 и со станции Шерегейеш на Корчму. Жестокий бой разгорелся на участке обороны 2-го танкового батальона. Он продолжался около четырех часов. Потеряв 2 танка, 3 БТР и несколько десятков человек, противник остановился и стал закрепляться на достигнутом рубеже; мы потеряли в этом бою один танк. Наш 1-й батальон вместе с батальоном автоматчиков и двумя батареями 1438-го самоходно-артиллерийского полка отражал вражеские атаки из Шерегейеша на Корчму. В ходе упорного боя противник потерял один танк и один БТР, остановился и стал закрепляться на достигнутом рубеже.

Противник, видимо, понял, что добиться значительных успехов действиями небольших групп танков и штурмовых орудий невозможно, и в ночь на 11 марта сосредоточил до трех пехотных полков и 50 танков в районе «господский двор Бель – Сорочень» и утром после авиа- и артподготовки перешел в наступление. К этому дню противник ввел в сражение все свои дивизии.

В бригаде оставалось мало танков. Располагались они на широком фронте, с большими интервалами, в которых оборонялись автоматчики, отошедшие с первой полосы, подразделения 1-го укрепрайона, самоходные и противотанковые орудия. Поэтому при выходе из строя даже одного танка в обороне образовывалась брешь, которая позволяла противнику проникать в глубь обороны.

Комбриг держал в резерве всего несколько самоходок, чтобы при необходимости закрыть «дыры». Спасала хорошо подготовленная в инженерном отношении оборона. Наши

танки были глубоко закопаны в землю и замаскированы. На поверхности находились только башни, поразить которые в наступлении было не так-то просто. Пехота имела хорошо развитую сеть траншей и ходов сообщения. Кроме того, наши артснабженцы ночами успевали подвозить большое количество боеприпасов, и на каждом танке, у автоматчиков и артиллеристов было на день боя по полтора-два боекомплекта. Это позволило вести интенсивный огонь и успешно отражать атаки противника.

Все это противник знал, но слабостями нашей обороны не воспользовался. Видимо, он был уже не способен действовать на грани риска и тем самым облегчал нам выполнение задачи – мы прочно удерживали занимаемый рубеж. И на этот раз противник строго придерживался своей тактики ведения боевых действий: выдвигался и сближался с нашей обороной медленно, огонь открывал издали и наращивал его при выходе на дальность прямого выстрела, рассчитывая на хорошие пушки и прицелы. А ведь большой перевес в силах и средствах давал ему возможность наступать и более решительно! Но нас это устраивало, ибо, будь противник порешительнее, вряд ли бы мы удержались на занимаемых позициях.

В середине марта стояла чудесная погода, которая позволила активно действовать авиации. Вражеские штурмовики поддерживали свои войска. Мы с надеждой ждали краснозвездные ястребки, а их все не было. Бригада с большим трудом отбивалась от воздушного противника. В одном из налетов немцы основательно потрепали нашу зенитно-пулеметную роту. Второй раз за войну была ранена и Мария Мальцева, но, к счастью, не тяжело. Танки противника, прикрываясь складками местности, упорно лезли вперед. Мне, только сдавшему роту, не сиделось в блиндаже. Я рвался к танкам, пытался вмешаться в действия командира роты Смолякова, но Юра Калустин сдерживал меня.

Дважды противник атаковал, и обе атаки были успешно отбиты. Оставив на поле боя горящий танк и 3 подбитых БТР, враг отошел. Наступила небольшая пауза, и, пока готовилась очередная атака, немецкая артиллерия вела беглый огонь, держа нашу оборону в напряжении.

Во второй половине дня противник в третий раз перешел в атаку. Полковник Чунихин находился в нашем батальоне и наблюдал, как развивается бой. В этот раз немцы шли в атаку более решительно, но, наткнувшись на плотный огонь, вновь сникли. Один их танк подбил Бикмулин, а экипаж Бурцева сжег штурмовое орудие. В этот момент комбриг вызвали к телефону. Взволнованным и даже испуганным голосом докладывал капитан Саркисян: «Товарищ комбриг! Танки, много танков».

– Ну и что? На 1-й батальон тоже идет много танков.

– Товарищ комбриг! В первом не то... На меня идет очень много танков! – Саркисян любил подчеркнуть свою исключительность, не удержался и на этот раз.

– Где конкретно? – с раздражением спросил комбриг.

– Вот как я стою, справа от меня!

Чунихин взорвался:

– Откуда мне знать, где и как ты стоишь... Отбивайся, – зло сказал он и положил трубку. Однако затем комбриг успокоился, отошел и приказал: – Давай, Брюхов, быстро махни к Саркисяну, уточни, что там делается, и доложи.

До наблюдательного пункта 2-го батальона было около полутора километров. Я забрал ординарца Петра Крашенинникова и по лощинке, подгоняемый обстрелом, быстро добрался до Саркисяна. Здесь действительно шел жаркий бой: до десятка вражеских танков и двенадцати БТР с пехотой заходили во фланг батальона, пытаясь пробиться в стык с обороной 110-й танковой бригады. Я подтвердил доклад комбата и указал, откуда и куда наносит удар противник. Для усиления батальона Чунихин направил Саркисяну из резерва две СУ-100, и с их помощью атака была отбита.

К исходу дня бой стих, противник остановился на достигнутом рубеже. С наступлением темноты в батальоны подвезли боеприпасы, подошли кухни: бойцов кормили сразу и обедом, и ужином. Рано утром, покормив людей завтраком, машины забирали раненых и убывали в тылы. Тыл нашего батальона располагался в Фельшесольгатыхазе. Возглавлял его старшина Селифанов, прибывший из госпиталя.

12 марта продолжались упорные бои. На участке обороны бригады противник силами пехотного батальона при поддержке 4 танков атаковал высоту 126, но не прошел. На следующий день после артобстрела и удара авиации противник утром перешел в наступление. До 20 танков и до двух пехотных батальонов атаковали высоту 126 с северо-запада и северо-востока. Около двух часов шел бой, но немцы так и не достигли успеха. Девятые сутки бригада удерживала занимаемый рубеж, отбивая все атаки противника. Напряжение нарастало. Фашисты любой ценой хотели сломить сопротивление батальонов. Интенсивно вела огонь их артиллерия, ежедневно бомбила авиация. Комбриг настойчиво просил представителя авиации вызвать наши истребители, но его просьбы оставались без внимания.

Противник вновь подтянул свежие силы и готовился к решительному наступлению. 14 марта немецкие войска предприняли еще одну попытку прорвать оборону войск фронта южнее озера Веленце. На направлении нашей бригады противник успеха не имел, но левее, на участке обороны 110-й танковой бригады, он несколько продвинулся вперед, форсировал канал Капоши и захватил Мезе-Комаром. Однако большего он сделать не смог.

За время длительных непрерывных боев у всех накопилась моральная и физическая усталость. Люди стали раздражительными, легко возбудимыми. Требовался отдых или взвешиваемый человеческий подход, чтобы снять напряжение и заставить людей выполнять поставленную задачу. Ожидание очередной атаки противника стало просто мучительным. Люди устали ждать! Нервы были напряжены до предела, и многие в душе проклинали фашистов за медлительность. Каждый хотел, чтобы быстрее начался бой. Так уж бывает, когда человек устал от длительных, тяжелых боев и когда жизнь потеряла для него смысл и ценность. Наконец-то утреннюю тишину разорвал грохот снарядов и мин. Все сжались, приготовились. После артобстрела перешли в атаку танки, штурмовые орудия, пехота на БТР. Немцы атаковали сразу высоту 126, Корчму и Шандор, – бои развернулись во всей полосе обороны бригады. Противник действовал решительно: чувствовались его серьезные намерения. Атаку противника активно поддерживала артиллерия и авиация.

Комбриг настойчиво требовал от представителя авиации вызвать наши штурмовики и поддержать бригаду. Майор авиации надрывался, запрашивая центральный пункт управления, и просил выслать авиацию. К нашей великой радости, вскоре в воздухе появились «илы». С наблюдательного пункта бригады в сторону противника полетели красные ракеты – установленный сигнал для взаимодействия с авиацией. Но неожиданно «илы» сделали разворот и стали яростно бомбить наши позиции. Я не выдержал, в ярости выскочил на бруствер траншеи и побежал вдоль нее, тряся кулаками и матеря летчиков. К счастью, разрывы бомб меня не тронули, но они не пощадили других. То, что не сумел сделать противник, сотворили наши летчики. Убитые и раненые были среди автоматчиков, пехоты укрепрайона, среди артиллеристов. Прямым попаданием был разбит танк комроты лейтенанта Талызина: погибли, пройдя всю войну, механик-водитель сержант Алексей Обирин, наводчик орудия сержант Арутюнян, заряжающий Михаил Качайкин. Лейтенант Талызин в начале бомбежки выскочил на бруствер, проклинал авиаторов и пускал красные ракеты в сторону противника. Здесь, на бруствере, он был сражен вражеской пулей, которая перебила ему позвоночник. Так нелепо оборвалась жизнь этого отважного офицера, любимца роты. Похоронили его у спиртзавода под Н.Перкатой.

Представитель авиации надрывался, по радио пытались перенацелить «илы» на противника. Но летчики не обращали внимания на его мольбы и оговоренные сигналы взаи-

модействия. Сбросив бомбы, они под наши проклятия отвалили и взяли курс на аэродром базирования.

Противник воспользовался ударом нашей авиации по своим, усилил натиск и овладел высотой 126 и Шандором. Впервые за время оборонительных боев бригада отошла и теперь заняла новые позиции вдоль железной дороги севернее Корчмы. Потеряв за день 8 танков, 16 БТР и до ста человек, противник остановился и закрепился на достигнутом рубеже. Наша бригада потеряла 4 танка, 1 СУ-100, несколько десятков автоматчиков и пехотинцев. Во втором батальоне в строю осталось всего четыре танка из десяти, прибывших пять дней назад, в нашем батальоне пять танков, в артиллерийско-самоходном полку – одна СУ-100. Были потеряны все противотанковые орудия. В ротах автоматчиков едва насчитывалось по 20 человек, в минометной роте вели огонь всего два миномета.

Ночью бригада закреплялась на заранее подготовленных позициях. 15 марта стал последним и самым драматическим днем оборонительного сражения. Обе стороны понесли большие потери. Немецкие войска выдохлись. Их активность резко упала, наступали они только на отдельных направлениях. На участке обороны бригады немцы начали атаку чуть позже обычного. После короткого огневого налета до пехотного батальона при поддержке 7 танков и 8 БТР из Шандора перешли в атаку против нашего батальона, и до пехотной роты при поддержке 5 танков из рожи в 1 км восточнее Шандора – против 2-го батальона.

Потрепанные, уставшие, на слабо оборудованных позициях, остатки бригады вступили в последний и решающий оборонительный бой под Балатоном. В этот раз противник атаковал робко, словно нехотя. Его танки открыли огонь с дальних подступов, но с уменьшением дистанции мощь огня нарастала, немецкая артиллерия вела беглый огонь. Мы немного выдвинули вперед танки Дзигунского и Потолицина, и они первыми вступили в схватку с немецкими танками. Уничтожив по одному танку противника, отважные экипажи погибли. Гитлеровцы устремились в пробитую брешь, но комроты Смоляков поспешил на помощь и с ходу подбил еще один танк, после чего уцелевшие немцы отошли. Батальон продолжал отбиваться. Смоляков поставил танк в центре боевого порядка и маневрировал по фронту, сдерживая атаки немцев.

Напряженный бой шел и на участке 2-го танкового батальона. Саркисян расставил оставшиеся три танка на широком фронте. Сам он сел в танк Емелина и занял оборону в центре, справа поставил танк Деева, слева – танк Бурлаки и приказал без его разрешения не стрелять. Противник наступал, постепенно все более усиливая мощь огня. Танки батальона молчали, выжидая. Лишь подпустив их на близкое расстояние, все три танка и автоматчики одновременно открыли сильный и прицельный огонь. Противник остановился, стал искать укрытие и вести стрельбу с места. Ему удалось подбить танк лейтенанта Бурлаки, но от огня Деева и Саркисяна загорелся и танк противника, а автоматчики Широлиева заставили пехоту противника повернуть назад.

Перед участком обороны бригады наступило затишье. Комбригу доложили, что в 1-м батальоне осталось четыре, а во 2-м – два танка, чуть больше десятка бойцов остались в ротах автоматчиков. Отбиваясь от противника, в ходе боя в Корчме была уничтожена наша последняя самоходная установка. Чунихин приказал драться до последнего... Именно в ходе этого боя Калустин был назначен заместителем начальника штаба бригады, а я принял командование батальоном.

Во второй половине дня противник предпринял очередную атаку. Используя старые капониры, я расставил танки на одной линии с интервалами 250 метров. Автоматчики заняли оборону в центре, чуть впереди танков. Подпустив противника на дальность прямого выстрела, все танки открыли сосредоточенный огонь по бронетранспортерам и танкам противника. Сразу остановились и замерли два БТР. Противник не стал испытывать судьбу, остановился и вел огонь с места, но дальше не пошел.

Драматически складывались события во 2-м батальоне. Саркисян приказал Чашегорову перевести штаб батальона из блиндажа чуть дальше, на опушку леса, связаться с комбригом и доложить обстановку. Поставив задачу командирам танков Емелину и Дееву, сам он отошел к стогу сена рядом с рощей и стал в бинокль наблюдать за развитием событий. Противник вновь шел в атаку медленно, робко, огонь открыл с дальних дистанций. Не дожидаясь подхода противника, ответный огонь открыли два танка батальона. Завязалась неравная танковая дуэль. Сближаясь, танки противника усилили прицельный огонь и довольно быстро подбили танк Емелина; его экипаж не пострадал. Теперь от противника отбивался лишь один танк Деева и автоматчики роты Широлиева. Противник продвигался медленно, от одного укрытия к другому. С подходом к рубежу обороны батальона огонь его артиллерии и танков усиливался. Кругом рвались снаряды и мины. В этот момент хладнокровие и разум покинули Саркисяна. Он сорвал с себя погоны, снял фуражку и зло бросил на землю. В возбужденном и почти невменяемом состоянии он приказал Чашегорову срочно доложить, что в батальоне остался один танк, противник наступает крупными силами, нужна срочная помощь, а он вызывает огонь нашей артиллерии на себя. Чашегоров пытался его облагоразумить, уговорить не делать глупость, но комбат еще больше распалился и более решительно повторил приказ – свернуть штаб и срочно отходить в тыл, а он остается с танком, будет драться до конца. Чашегоров понял, что сопротивляться бесполезно, забрал штаб, оставшиеся без танков экипажи, автоматчиков и под огнем противника стал отходить. При отходе группа наткнулась на заградотряд, который всех положил на землю, но после короткого объяснения всех отпустили, и вскоре, голодные и усталые, они добрались до штаба бригады.

Чашегоров подробно доложил комбригу все, что произошло в районе обороны батальона. Чунихин задумался, поморщился от неприятного сообщения, а затем приказал майору Дудину послать на помощь Саркисяну последний резерв – взвод танков. Чашегорова он направил к начполитотдела Негрулю. Тот внимательно выслушал невеселое повествование, расспросил о поведении капитана Саркисяна. Чашегоров подробно рассказал, как все было. Однако его неприятная миссия на этом не кончилась. Произшедшим заинтересовался начальник особого отдела бригады. Он неожиданно стал подозревать, что Чашегоров струсил и самовольно оставил комбата в трудную минуту. В отдельной землянке подполковник со следователем стали допрашивать его, пытались сбить с толку и подтвердить свою версию. Поняв, к чему они клонят и что замышляют, Чашегоров опешил. К счастью для него, все сомнения рассеялись с прибытием младшего лейтенанта Деева. Офицер рассказал, что с подходом противника комбат приказал ему достать и закопать клин затвора, забрать пистолеты и отходить к своим, а сам остался на опушке рощи. Последнее действие Саркисяна вызвало у всех недоумение. Каждый строил свои версии, догадки, предположения.

Колтунов быстро ввел резерв и при подходе к району обороны батальона увидел небольшую колонну танков и БТР противника с пехотой, которые медленно продвигались в направлении штаба бригады. Он с ходу развернул танки, атаковал, и после первых его выстрелов противник стал быстро отходить. Преследуя противника, Колтунов восстановил положение, но комбата в районе боя не нашел.

К исходу дня противник окончательно выдохся и прекратил наступление. 16 марта резко ухудшилась погода. Низкие тучи плотно закрыли солнце. Резко похолодало, стало неуютно. В середине дня артиллерия врага около двух часов вела интенсивный обстрел района обороны бригады. В 1-м батальоне был подбит танк Маркова, в батальоне автоматчиков было убито несколько человек и ранен замполит старший лейтенант Тесленко. Неожиданно появился Саркисян: усталый, обросший, подавленный. Командир, начполит и начальник особого отдела бригады долго, при закрытых дверях, разбирались с ним. Вышел Саркисян повеселевший, забрал штаб и убыл в район обороны, продолжив командовать 2-м батальоном.

Два последующих дня бригада находилась на прежнем рубеже обороны, продолжая удерживать его. Батальоны приводили себя в порядок, ремонтировали и восстанавливали технику. Для усиления из 110-й танковой бригады прибыло 4 танка. Комбриг все оставшиеся танки передал в мой батальон, а 2-й батальон вышел в резерв. 17 марта бригада поступила в распоряжение 320-й стрелковой дивизии и перешла в наступление в направлении Шандора, однако, продвинувшись на километр, была остановлена, потеряв два танка и не один десяток солдат, и закрепились на достигнутом рубеже. 19 марта 320-я стрелковая дивизия при поддержке 170-й танковой бригады и 32-й мотострелковой бригады возобновила наступление. На этот раз мы с ходу овладели Шерегейешем и перерезали дорогу Шерегейеш – Сорочень. Здесь бригада получила приказ выйти в резерв корпуса и сосредоточилась на юго-западной окраине Шарошда. Однако вскоре поступил новый приказ: «В резерве корпуса наступать за 110-й танковой бригадой в направлении Палинка – Польгарди в готовности развить успех первого эшелона корпуса и обеспечить его правый фланг от возможных контратак из Секеш-фехервара».

Времени для подготовки не было. Такое дергание выводило из равновесия и вызывало раздражение. Но армия есть армия, и, как говорят солдаты, «хочешь не хочешь – выходи строиться» Комбриг перетерпел, собрался с мыслями, оценил обстановку, накоротке поставил задачу батальонам и повел бригаду вперед. К полудню бригада вышла к высоте 140, в 2 км южнее Шерегейеша. Опять встретился нам на пути этот городишко, где весь март, словно привязанная, вела боевые действия наша бригада, где полегло так много наших боевых друзей.

И опять на ходу мы получили новое распоряжение из штаба корпуса: «Срочно сдать все танки 110-й танковой бригаде и выйти в Сольгатьяза для получения новой матчасти». К исходу дня бригада сосредоточилась в указанном районе. В обжитой Сольгатьяза мы провели сутки, потом из штаба корпуса прибыл офицер связи и вручил распоряжение получить 20 танков на станции Шарсентмиклош. Полковник Чунихин направил туда опергруппу во главе с майором Новиковым и комбатами. К исходу дня бригада сосредоточилась в Шарсентмиклоше, и к этому времени подошел эшелон с танками.

Полученные танки передали в 3-й батальон. Успешные действия войск фронта требовали наращивания усилий. Бригады первого эшелона корпуса понесли большие потери и нуждались в притоке свежих сил. Поэтому комкор приказал бригаде срочно выступить и сосредоточиться в городе Тац. Тут же поступило распоряжение принять 10 танков без экипажей. Комбриг собрал все резервные экипажи и передал их во 2-й батальон. Саркисяну он приказал получить 10 танков, укомплектовать их экипажами и привести в Тац.

После небольшого привала мы вошли в Гайяг, здесь бригаду догнал 2-й танковый батальон с 10 танками. В Гайяге полковник Чунихин получил распоряжение: «Бригаде во втором эшелоне наступать за 181-й танковой бригадой и к утру 24 марта выйти в Надьважонь». Но выполнить эту задачу не удалось, так как передовые бригады корпуса встретили упорное сопротивление противника и увязли в бою за Мечадеш. Говоруненко решил ввести в бой 170-ю танковую бригаду и на местности поставил задачу: «Совместно со 110-й и 181-й танковыми бригадами овладеть Немешвамошем, в дальнейшем наступать на Татъважонь, Надьважонь».

Город Немешвамош был хорошо укреплен. Здесь оборонялось до двух пехотных батальонов, 8 танков и до 4 противотанковых батарей. Наступали мы на него вдоль дороги: справа шел 3-й, а слева 2-й танковый батальоны, усиленные автоматчиками. Местность перед Немешвамошем была сильно пересеченная, затрудняла маневр танков. Слабо подготовленные и неопытные танкисты действовали робко, неуверенно, и комбатам приходилось их тянуть, выводя на рубеж атаки. Преодолев трудности, под прикрытием артиллерии и танков передовых бригад батальоны перешли в атаку и после упорного боя овладели Неме-

швамошем. Противник отошел и занял оборону по господствующим высотам, с которых хорошо просматривалась близлежащая местность. Бригада ввязалась в затяжные бои. Отрощенко искал способ выкурить немцев с господствующих высот и уничтожить их. Нервничал, шумел и гнал вперед танкистов Саркисян. Направлял на поддержку батальонам гаубичную и самоходную артиллерию комбриг. Противник яростно отбивался, и батальоны несли большие потери – во 2-м батальоне сгорело три танка и один был подбит. В 3-м батальоне сгорел один и было подбито два танка. Большие потери нес батальон автоматчиков. Тем не менее к исходу дня нам удалось уничтожить противника и овладеть высотами, но большего сделать бригада не смогла. Задача дня была не выполнена.

Тяжело закончился боевой день, давно мы не несли таких потерь. Сказались тяжелые условия горно-лесистой местности, продуманная и хорошо подготовленная оборона противника, слабая разведка и недостаток знаний о противнике. Конечно, большую роль сыграли отсутствие опыта, слабая сплоченность и подготовка прибывшего пополнения.

На сей раз генерал Говоруненко к неудаче отнесся спокойно, без ругани. Он усилил бригаду 209-й гаубичной бригадой и приказал: «С утра продолжать наступление, овладеть Татьважонь, Надьважонь, Кополча, Моноштор, Апати и к исходу дня выйти на рубеж Моноштор – Апати – гора Хальгошхедь в готовности в дальнейшем наступать на Топольца».

Рано утром бригада продолжила наступление. 2-й батальон с ротой автоматчиков и батареей СУ-100 атаковал с северо-востока, а 3-й с ротой автоматчиков и батареей СУ-100 – с севера. Бригада быстро ворвалась на северо-восточную окраину Татьважонь, завязались уличные бои. Противник контратаковал, удар пришелся по 2-му батальону. Потеряв три танка, бригада не выдержала и отошла, но этот успех достался врагу дорогой ценой: мы подбили и сожгли 6 танков и штурмовых орудий, а также 4 БТР.

Наблюдая за полем боя, Чунихин быстро оценил обстановку и принял разумное решение. Рота лейтенанта Пильникова с батареей СУ-100 атаковала с фронта юго-западную окраину, а командир 2-го батальона с ротой лейтенанта Рогова и ротой автоматчиков, совершив небольшой маневр, – северную окраину города. Отрощенко же обошел Татьважонь в трех километрах северо-западнее, по опушке леса, захватил город Фельшегеель и зашел в тыл противнику.

Вновь развернулся упорнейший бой. Интенсивно работала артиллерия. После нашей утренней неудачи противник явно не ожидал такого поворота событий! Уничтожив 8 танков и штурмовых орудий и 5 БТР противника и потеряв при этом три своих танка, бригада овладела городом Татьважонь и перешла в преследование отходящего противника. На его плечах она ворвалась в Надьважонь и захватила его, а с рассветом следующего дня продолжила наступление в направлении Пула. Впереди шел 3-й танковый батальон. Отрощенко выслал передовой отряд в составе танкового взвода лейтенанта Бояркина, взвода СУ-100 и взвода автоматчиков. При подходе к лесу в 2 км северо-западнее Надьважонь передовой отряд наткнулся на узел сопротивления. Разведка установила, что здесь обороняется пехотный батальон при поддержке 8 танков и штурмовых орудий. Передовой отряд развернулся. Танки и автоматчики, при поддержке огня самоходок, атаковали. Противник оказал упорное сопротивление, и после короткого боя наш передовой отряд отошел, с трудом вытащив подбитый танк.

Капитаны Отрощенко и Самсонов внимательно изучили по карте район и решили спрямить путь, обойдя узел сопротивления по еле заметным лесным дорогам. Комбриг утвердил их решение. Возглавил и повел вперед передовой отряд замкомбата старший лейтенант Сидоренко. К полудню вышли к озеру Наги и уткнулись в болото, головной танк застрял. Стали искать обход. Впереди и по сторонам распласталась заболоченная местность. С трудом вытащили танк и вернулись обратно, вспоминая народную мудрость: «Чем прямее – тем дальше».

Комкор торопил, ругался и грозился расправой. Комбриг и штаб искали выход из создавшейся обстановки. Неожиданно из штаба корпуса поступил приказ: «Обойти узел обороны по маршруту Надьважонь – Чекуть – Ньирад и к исходу 26 марта овладеть Шюмегом». Чунихин повернул бригаду в обратный путь. Теперь вперед пошел 2-й танковый батальон, а Отрощенкову была поставлена задача: «Выбираться из лесов, догнать бригаду и следовать за 2-м батальоном». Саркисян выслал передовой отряд под командованием старшего лейтенанта Колтунова. Батальон шел ходко, подгоняемый нетерпеливым комбатом, а к вечеру передовой отряд подошел к Чекуть. Здесь его остановили разведчики. Лейтенант Чеботарев доложил Колтунову, что Подгарди-Кут обороняет пехота с танками и артиллерией и дорога на Ньирад хорошо пристрелена противником. Подошел комбат, а следом – комбриг с опергруппой. Оценив обстановку, Чунихин приказал капитану Саркисяну не ввязываться в бой, а обойти узел сопротивления по лесным дорогам. Для уточнения маршрута он выслал вперед лейтенанта Чеботарева с разведчиками. Пробираясь по узким лесным дорогам, бригада благополучно обошла узел обороны, избежав боя и потерь, и к исходу дня вышла к Ньирад, войдя в него без боя. Продолжая наступление, передовой отряд овладел Диеки и двинулся на Шюмег.

Комкор вновь чертыхался и выговаривал Чунихину, требуя быстрее, немедля овладеть Шюмегом. Выплеснув поток брани, он немного успокоился и уже спокойно выслушал доводы и просьбы комбрига. В результате он направил для усиления бригады 452-й пушечный артполк и 104-й зенитно-артиллерийский полк. С подходом артполков бригада продолжала наступление и подошла к Шюмегу. Это был довольно крупный город, важный узел дорог. Противник хорошо укрепил и подготовил его к круговой обороне, сосредоточив основные усилия на восточной окраине и по господствующим высотам вокруг города. По докладу капитана Гусака, Шюмег обороняло до полка пехоты, 10 закопанных танков «Пантера» и до 8 артбатарей. Оценив обстановку, комбриг решил силами 2-го танкового батальона обойти город лесами, южнее Шюмега, выйти на дорогу Кестхей – Шюмег и атаковать с юга. Это позволило бы отвлечь внимание противника, после чего главными силами бригады можно было ударить с юго-востока. Всю артиллерию он приказал подтянуть ближе к городу, нанести огневой удар по господствующим высотам, а с началом атаки главных сил поддерживать их прямой наводкой.

Капитан Саркисян быстро и удачно обошел Шюмег, вышел на шоссейную дорогу и внезапно атаковал город с юга. Когда он ворвался на его южную окраину, завязался бой. Противник явно не ожидал здесь атаки наших танков и постепенно стал перебрасывать часть своих танков и артиллерии для отражения атаки 2-го танкового батальона. На это и рассчитывал комбриг. Теперь в атаку пошли 3-й танковый батальон Отрощенкова и батальон автоматчиков капитана Доценко. Наша артиллерия подавляла огневые средства противника на господствующих высотах, а с началом атаки вела огонь прямой наводкой по выявленным целям. Противник понес большие потери, не выдержал и начал отходить. Шюмег был взят! Противник потерял 6 танков, 12 БТР и 18 автомашин; было захвачено 4 железнодорожных эшелона с грузами, склад с оружием и склад с вещевым имуществом.

Когда противник отошел, 3-й танковый батальон и батальон автоматчиков перешли в преследование. Впереди шел передовой отряд в составе взвода лейтенанта Герасютина, усиленный взводом СУ-100. Герасютин вывел передовой отряд к Тетвах и с ходу овладел этим населенным пунктом. Продолжая преследование, передовой отряд вышел к ручью и завязал бой с танковым заслоном у моста. В ходе боя установили, что здесь обороняется до роты пехоты, 5 танков и 2 артбатареи. Герасютин поставил самоходку на прямую наводку, развернул взвод и стремительно атаковал, но у самого моста противник подбил вырвавшийся вперед танк Герасютина и взорвал мост. Танки и самоходки вышли к ручью и вели огневой бой. Тяжелораненого комвзвода вытащили из танка и отправили в тыл. Подошел батальон,

развернулся вдоль берега и открыл огонь по противнику. Под прикрытием огня разведчики искали брод, но не нашли. Дно ручья было вязкое, берега заболочены. Комбриг приказал капитану Калугину силами саперов и взвода автоматчиков построить мост через ручей, и к утру он был готов. После короткого огневого налета 170-я танковая бригада перешла в наступление и с ходу овладела Михайфа и Батьк. Однако на перекрестке железной и шоссейной дорог танки наскочили на минное поле. Подошли саперы и приступили к разминированию, но противник открыл огонь по саперам и подошедшим подразделениям бригады. Комбриг приказал приданной артиллерии развернуться и подавить противника в Залобер. После разминирования 3-й танковый батальон совместно с батальоном автоматчиков с ходу развернулся, атаковал и уничтожил противника в Залобер.

Утром 29 марта бригада захватила Заласентиван, а во второй половине дня ворвалась во Залаэгерсег и вскоре заняла этот город. В ночь на 30 марта бригада, не встречая сопротивления, совершила марш по маршруту Андрошхида – Залачеб. Шли мы ходко: противник был деморализован и в панике не просто отступал, а разбегался по дорогам в разные стороны. Многие складывали оружие и сдавались в плен. Венгры, переодевшись, растворялись среди местного населения.

Бригада подошла к Керменду, сюда же вышла и 32-я моторизованная бригада, и нам было приказано в тесном взаимодействии с ней захватить Керменд. Разведчики доложили, что мост через реку Раба (располагавшийся южнее Керменд) взорван, а обходов и бродов нет. Полковник Чунихин по радио доложил обстановку комкору и в ответ получил приказ: «Вернуться назад в Залачеб». На марше офицер связи корпуса вручил комбригу боевое распоряжение: *«170-танковой бригаде с 1935-м самоходно-арт. и 52-м легко-арт. полками наступать в направлении Сеце, Челинцы, далее вдоль венгеро-югославской границы на Кузьма – Нейштифт и во взаимодействии со 110-й танковой бригадой овладеть Фельдвар. В дальнейшем наступать на Грац»*. Бригада приступила к выполнению поставленной задачи. Впереди шел 3-й танковый батальон, за ним 2-й, батальон автоматчиков, штаб бригады, артчасти. Замыкал колонну тыл, с ним шел я со своим батальоном без танков.

Пройдя более 50 км по сложным горным, извилистым, каменистым дорогам, бригада вышла в район Фаркашва. Сюда подошли кухни, машины с горючим: людей накормили, танки заправили. Затем бригада продолжила движение к границе. Венгерская армия сдавалась в плен: за день бригада взяла в плен около 8000 солдат и офицеров. 3-й пехотный полк венгров сдался в полном составе; было взято около тысячи повозок с грузом.

В районе Кузьма наша 170-я танковая бригада вышла во второй эшелон корпуса и до 3 апреля находилась в районе Лейтерсдорфа в ожидании наведения моста через реку Раба в районе Фельдбах. Когда мост был наведен, под покровом темноты бригада переправилась через реку Раба и, сбивая заслоны, последовательно овладела Ратау, Леденсдорфом и Энсдорфом. При подходе к Брунну мы наткнулись на минное поле и сильное огневое противодействие, завязался бой. В течение первой половины дня 2-й и 3-й танковые батальоны с батальоном автоматчиков, при поддержке артиллерии, атаковали позиции врага, стараясь подавить и уничтожить узел сопротивления, но безуспешно. Тогда бригада, прикрываясь частью сил, обошла главными силами узел сопротивления и продолжала выполнять поставленную задачу. Местность в предгорьях Восточных Альп была сложной, пересеченной. Узкие и извилистые дороги сильно ограничивали скорость и маневр. Обходя Брунн, двигаясь через Энсдорф, бригада встретила упорное сопротивление под Штангом. Вновь завязался упорный бой. При поддержке артиллерии 2-й и 3-й батальоны во взаимодействии с автоматчиками атаковали вдоль дороги, но потеряли 2 танка и успеха добиться не смогли. Пехота залегла, а танки остановились.

Комкор, видя бесплодность боевых действий, вывел бригаду из боя. Противник обнаружил отход и открыл справа, со стороны леса, сильный артиллерийский огонь. Он пытался

контратаковать вдоль дороги, но попал под огонь наших самоходных установок и отказался от своей затеи. По приказу комбрига легкий артополк развернулся, дал несколько залпов по артиллерии противника, и она замолчала.

Выход к Керменду проходил в очень сложных условиях, под постоянным давлением упорно сопротивляющегося здесь противника. При подходе к Фельдбаху мы неожиданно наткнулись на противника, который захватил мост, наведенный нашими саперами через реку Раба. Развернув 2-й батальон, бригада сбила противника, отбила мост и продолжила движение, к исходу дня в полном составе сосредоточившись в Мадьярналоче.

После 105-км марша в трудных условиях и с боями бригада приступила к дозаправке, ремонту и восстановлению машин. Не задерживаясь в районе, мы резко повернули на север и к утру 6 апреля сосредоточились на северной окраине Винер-Нойштадт. После небольшого привала бригада продолжила движение и сосредоточилась в живописном курортном городке Баден, в 15 км от Вены. Здесь комбриг передал все танки в 3-й батальон; 2-й батальон вывели в резерв.

Конец войны

Пока войска фронта продолжали штурм Вены, мы немного передохнули, приведя себя и технику в порядок. После отдыха бригада получила задачу: *«С 1953-м самоходно-артполком выйти в район Хайлигенкройц, где занять оборону и прикрыть наступление корпуса с севера. С овладением корпусом г. Берндорф выйти на северную окраину Прессбаума и прикрыть сосредоточение корпуса в этом районе. В дальнейшем, при наступлении корпуса на Вену, действовать в качестве резерва корпуса»*.

Ускоренным марш-броском бригада вышла в Хайлигенкройцу и заняла оборону. Кроме того, комбриг приказал выделить отряд в составе танкового взвода, усиленного взводом автоматчиков и самоходок с задачей: *«Выйти в район Дарнау, захватить узел дорог, ведущих на Вену, и организовать круговую оборону»*. Этот отряд возглавил лейтенант Бояркин. Местность в районе действия бригады была очень сложная: высокие горы со скалистыми ущельями, узкими горными каменистыми дорогами, множеством крутых спусков и подъемов, горных ручьев и речушек. При подходе отряда к Алланду противник подорвал мост через горную речушку и выставил на дороге заслон. Бояркин развернул взвод танков, атаковал под прикрытием самоходок и отбросил противника от речушки. Однако, подойдя вплотную к берегу, он понял, что без наведения моста речушку не преодолеть, о чем доложил комбату. Тот приказал остановиться на достигнутом рубеже, занять оборону и прикрыть дорогу.

Бригада начала наступление в направлении Майерлинг – Шварцензее – Нейхауз – Берндорф с задачей ударить в тыл противнику и содействовать главным силам корпуса в выполнении поставленной задачи. К исходу дня бригада с боями овладела Майерлингом – Рейзенмерктом. Но при подходе к Шварцензее 3-й батальон обнаружил минное поле и завалы на дорогах. Наступление бригады застопорилось. Майор Дудин организовал активную разведку, направив несколько групп для розыска обходов. Вскоре группы вернулись и доложили, что вблизи обходов нет. Тогда комбриг принял единственное возможное решение – разминировать, расчистить завалы и продолжать наступление. Задача была сложная, опасная, но другого выхода не было. Всю ночь под прикрытием огня работали саперы, автоматчики, разведчики. Работами руководил опытный и знающий свое дело капитан Калугин. Выполнив эту сложную задачу, к рассвету саперы открыли путь танкам. Сбив заслон, бригада медленно, с боями продвигалась вперед и к вечеру достигла Шварцензее, где вновь уткнулась в минное поле. Головной танк подорвался на mine, остальные остановились. Под прикрытием огня танков саперы вновь приступили к разминированию. Лейтенант Бояркин со своей группой находился при этом в прежнем районе.

Комкор вновь торопил комбрига, упрекая его в медлительности, хотя прекрасно понимал ее причины. Он быстро прислал специалистов по разминированию и уточнил задачу бригаде: *«После разминирования ночными действиями захватить Шварцензее, Нейхауз и к утру 9 апреля оседлать узел дорог Хафенберг – Альтемаркт и прочно удерживать его»*. Но легко поставить задачу – труднее ее выполнить. Саперы разминировали дорогу, артиллеристы расчистили завал только к утру; ночных действий не получилось. Утром бригада с трудом сбива заслон и захватила Шварцензее. В этом бою был подбит танк младшего лейтенанта Викленко. Раненых командира и механика-водителя отправили попутной машиной в тыл.

Сил в бригаде оставалось мало, и наступали мы медленно. Не доходя Нейхауза, вновь встретили сильный узел сопротивления, прикрытый минным полем, – в наступление удалось перейти после разминирования. Неоднократные атаки при поддержке самоходок успеха не принесли. Больше того, противник сам перешел в наступление. Теперь уже бригада заняла оборону и отбивала атаки противника. Особенно сильной была последняя атака: про-

тивник, видимо, бросил на нас все свои силы. Трудный бой пришлось выдержать танкистам и автоматчикам. Основной удар пришелся на 3-й танковый батальон капитана Отрощенкова, но батальон выдержал. Окончательную точку в этом бою поставил экипаж младшего лейтенанта Парфенова, подбивший штурмовое орудие и танк противника. Но атаку противника удалось отбить лишь с большим трудом и большими потерями: танк Парфенова получил попадание в лоб, броня была пробита: заклинило пушку, механик-водитель и радист погибли, командир, наводчик орудия и заряжающий были ранены. Парфенова выручил подошедший на большой скорости младший лейтенант Андреев, – подбивший машину Парфенова танк противника на задней скорости, отстреливаясь, отошел в укрытие...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.